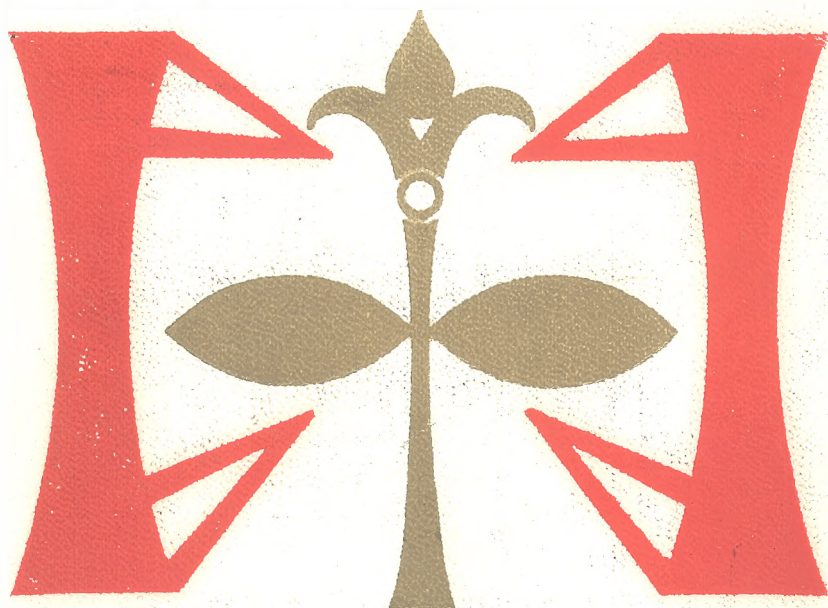

КАЙСЫН КУЛИЕВ

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970

КАИСЫН КУЛИЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ПЕРЕВОД С БАЛКАРСКОГО

КАИСЫН КУЛИЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1970

Х у д о ж н и к
Г. К Л О Д Т

С(Балк)²
к90

7-4-3
106-70

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

В мой легкий день я буду вспоминать
Пирь, где я плясал, и песен звуки.
В мой трудный день я буду вспоминать
Твое лицо и руки.

В мой легкий день я буду вспоминать
Вином пиров наполненные чаши.
В мой трудный день я вспомню только мать
И горы, горы наши.

1961

ВОСПОМИНАНИЯ

И у меня воспоминаний много.
Они — как ливень, что стучит в стекло.
Какая ими пройдена дорога?
Откуда их сегодня принесло?

Да, много у меня воспоминаний.
Они — как книга, что держу в руках,
Как журавли — мои односельчане,
Что скрылись над аулом в облаках.

Их много. Вот на ослике впервые
Проехал я. Вот в речке голубой
Ловлю форелей слитки дорогие.
Вот день, когда вступил я в первый бой.

И женщин голоса, глаза и лица,
И добрые и злые. И снега.
И смерть друзей в боях. И выюга злится.
И горько тлеет пепел очага.

Еврейка-девочка живьем зарыта
Фашистами в могилу. Но глаза
Открыты. И трава росой облита.
О, это с кровью слитая роса!

Мои воспоминания. Раскрою
Их, словно книгу. Вот мои дела,
Дурные — и хорошие порою:
Не ангельскою плоть моя была.

Не я, а жизнь писала эту книгу,—
Как нужно было жизни, а не мне.
Здесь вечно всё и всё подвластно мигу,
Здесь ночи и рассветы в тишине.

Здесь горечь смерти. Бытия улада.
С чего воспоминания начать?
Так поступать велела жизнь. Так надо.
На всем — ее рука, ее печать.

Припомню ли ту ночь, когда впервые
Я с девушкой пошел на свет луны?
Припомню ли дороги фронтовые,
Когда, израненный, пришел с войны?

Но матери, что так была нужна мне,
Я дома не нашел. Огонь погас
В отцовском очаге. Я сел на камни
Немые и заплакал. Был приказ,—

Нет матери, соседей нет в селенье,
Вдали, в степях, мне близкие сердца.
И я себе казался в то мгновенье
Надгробьем над могилою отца.

И снова иногда я каменею,
Как вспомню обезлюдевший аул,—
Как будто черною бедой моею
Снег, белый снег там, за окном, блеснул!

Я принял все, что принесло мне время,
И вместе с временем я шел вперед.
Другим на плечи не взвалил я бремя,
Я ночью знал, что день взойдет, взойдет!

* * *

Я вижу, мама, день весенний.
Ты молода еще, я мал.
Уткнув лицо в твои колени,
Я слушал песню и дремал.

Ты, не откладывая дела,
Под мерный гул веретена
Про медвежат мне песню пела,
И уносила их волна.

Как искры на спине форели
В прозрачном озере весной,
Слова искрились, и горели,
И пахли ягодой лесной.

Ты пела звонко, пела тонко,
Тебя чужая жгла беда
Так, словно твоего ребенка,
Как маленького медвежонка,
Уносит полая вода.

И нынче, как тогда, в то утро,
Спой песенку про медвежат,—
Пусть нам покажется, как будто
Сидим мы тридцать лет назад,

Что нет у глаз морщин суровых
И где-то старость далеко,
Что у меня на сердце снова
Светло, как в детстве, и легко.

1961

* * *

Ветер кажется белым-белым:
Он летел по снежным пределам.
Ветер кажется мне зеленым:
Он летел по лесистым склонам.

В нем — дыханье свежих платанов,
В нем — дыханье снежных становий,
В нем — дыханье древних туманов,
Запах меда и запах крови...

1962

* * *

Уснуло ущелье ночное.
Чернея в нем, речка журчит.
Как буйвол, под темной скалою
Чернеющий камень лежит.

Так судьбы родного народа
Бывали черны ни с чего.
Но черной и в черные годы
Не стала душа у него!..

1962

* * *

Я помню: и снег был черный —
Так день этот был тяжел.
И, с болью борясь упорно,
Шатаясь от ран, я шел.

Вокруг меня лес горел,
Казалось, я сгину скоро!..
Но я и тогда смотрел
На жизнь, как на белую гору.

1962

* * *

«Растет ребенок плача» — есть пословица.
Но если плач ребенка слышу вдруг,
Так больно сердцу моему становится,
Как будто горы в трауре вокруг.

Я помню, как детей беда военная
Гнала в крови, средь выжженных путей.
Мне кажется: рыдает вся вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.

1962

* * *

Да, раны, нанесенные любовью,
И раны, нанесенные войной,
Болят равно, равно нам стоят крови
И жгут нам сердце жгучестью одной.

Ведь нам, еще когда вошли мы в силу,
Чтоб научились радость мы беречь,
С цветами вместе юность меч вручила,
И это наша жизнь — цветы и меч.

1962

* * *

Неужели красота должна быть злой?
Град красивый, но взгляните за ограду —
Что осталось от плодов там после града!
Неужели красота должна быть злой?

Цвет змеи и розы цвет совсем не схожи.
И не зря, не зря дано различье им.
Если б вышло, что они одно и то же,
Я б хотел тогда не видеть, стать слепым!..

1962

* * *

Ты не ел того хлеба невзгод и нужды,
Что давала судьба мне так щедро, так часто.
Потому и заносчивым сделался ты,
Что ни разу в твой дом не входило несчастье.

Черный хлеб и беда учат многому нас,
С ними часто становятся люди мудрее.
Жизнь далась мне не очень легко. Но сейчас
Я об этом, по правде сказать, не жалею.

1962

* * *

В аплодисментах ли артиста счастье?
Нет. Если зал в одно соединен
Судьбой Отелло, зал над ним не властен.
Не до похвал. Отелло — это он.

Он видит только ширь большого моря,
Блеск нестерпимый горестного дня,
Когда со всей землей он был в раздоре.
Он только-только вышел из огня...

1962

* * *

Как скучно б стало жить, когда б моря и горы
Исчезли вдруг совсем, навек, с лица земли
И не было б у нас ни синего простора,
Ни этих гордых гор, белеющих вдали.

Нет, если б даже мы о них не знали, все же
Мы б отыскиали их — я верю — все равно.
Шумите же, моря, — на небо вы похожи!
Белейте, гребни гор, как вам белеть дано!

1962

* * *

Защелкали волки клыками, взрывая
Притихшую ночь! Как из прошлых веков,
Доносится эхо. Про все забывая,
Я слушаю щелканье волчьих клыков.

Но голос отцов мне твердит, возникая
То ль в сердце моем, то ль в глубинах земли:
— Ведь щелкали волки и раньше клыками,
Мы ж все-таки шли. Через пропасти шли!..

1962

* * *

Следы ранений на камнях видны,
А в душах человеческих — сокрыты.
Своей не замечаем мы вины,
А в грех чужой стреляем, как джигиты.

Скалы холодной раненую грудь
Бинтуют предрассветные туманы.
Когда б ты смог мне в душу заглянуть,
Еще одной не наносил бы раны.

1962

* * *

Качаешь ты грустно гнездо позабытое,
Бьет тебя ветер, как будто клюкой.
Дерево, дерево, снегом покрытое,
Как ты стоишь в крутоверти такой?

Как выживаешь ты в пору студеную?
Все от колючего снега бело.
— Мысленно буйную шапку зеленую
Я надеваю, когда тяжело!

1962

Б Е Ш М Е Т

В нем горец и пахал и сеял,
Шел на врага, плясал и пел,
И вот бешмет висит в музее,
И пот на нем окаменел.

А я стою, гляжу с любовью
И вижу старые следы
Давным-давно пролитой крови,
Я слышу запах этой крови
И запах первой борозды.

1962

* * *

За все мои грехи и заблужденья,
Земля моя, не знал я до сих пор
Страшнее кары, чем твое презренье,
Страшнее, чем безмолвный твой укор.

Что может быть суровой и печальней,
Чем приговор земли, где жизнь прожил,
Где, словно совесть горцев, снег кристальный
И чисты камни дорогих могил.

1962

* * *

Моря и океаны. Я немало
О них узнал. Они, как жизнь, мощны.
Их мать моя ни разу не видала,
А я люблю их, мне они нужны.

Но речка, что скалу насквозь пробила,—
Она мне удивительней стократ:
Ведь из нее веками предки пили,
И каждый был воде прозрачной рад.

Мой детский лепет повторяя странно,
Она несется вниз, шумит, поет.
И вижу я моря и океаны,
Когда смотрю в теснине на нее...

1962

* * *

Сожженной Хиросимы горький дым
Проник в мой дом, и я опять страдаю.
И дым Освенцима ползет за ним.
Чернеет он, мне душу угнетая.

Земля — нам дом родной, единый дом.
Когда в нем праздник, я его участник.
Смеюсь, пляшу — все ходит ходуном.
Но если в нем несчастье, я несчастен.

Мы все — ограда дома. Силой всех
Он устоять способен в наше время.
Кто это сердцем понял — Человек:
Пить может из одной реки со всеми.

На праздниках твоих пляшу я всласть,
Дом, где я рос, — земля моя большая.
Но в день беды готов я мертвым пасть,
Пасть, твой порог врагу не уступая.

1962

* * *

Зловещие слова — Майданек, Бухенвальд,
Освенцим — пахнут кровью и сегодня,
В них о погибших тяжкая печаль.
Она ничуть с годами не проходит.

Я в шуме ветра слышу песнь о ней,
Когда он вдоль ущелья пролетает.
Ждут матери поныне сыновей —
То по ночам для них ветра рыдают.

Майданек, Бухенвальд все снятся нам,
Как сжечь язык — слова промолвить эти,
Как будто, там убит, упал я сам
У проволоки ржавой на рассвете.

1962

* * *

На горы выпал первый снег.
О, если б так ты мог прислать
Весть о себе! Но вести нет,
И ждет ее годами мать.

Как весть горам, был в эту ночь
Снег, первый снег за этот год.
За ночью ночь уходит прочь,
Весть о тебе так не придет.

Ты — там, где не гремит гроза,
Где снег вовеки не пойдет.
Жестокость ясные глаза
Твои закрыла. Мать все ждет.

Шел ночью снег. О, если б так
Весть о себе ты мог прислать!
Но затерялась весть в годах,
И ждет ее все время мать.

О, мысли горькие о тех,
Кто не вернулся в отчий дом!
О них ли весть внезапный снег?
Нам не узнать вовек о том!

1962

ВРЕМЯ

Твои мне на заре алели розы,
Они светили ярко, как любовь.
Я на твоих штыках в ночи морозной
Замерзшую — сквозь иней — видел кровь.

Все пули, что в твои попали крылья,
У нас в сердцах застряли — в глубине.
Снега равнин мы кровью обагрили,
Горели мы не раз в твоём огне.

Порой ты спотыкалось, и с тобою
Мы спотыкались тоже в трудный час.
Ты горький яд давало нам порою,
Но все же знамя красное для нас

Осталось тем же. Мы не забывали,
Что цвет его — цвет зорь грядущих дней,
И, падая, его не отдавали
Своим врагам, врагам судьбы твоей.

Зря без отцов детей ты оставляло,
Но дети подросли, и вышли в бой,
И погибали, снег глотая талый,
Презрев обиду и гордясь тобой.

Твоей неправоты мы знали силу.
Но в горький час — сыны своей земли —
Мы были с нею, зданья возводили,
Растили виноград и скот пасли.

Дорога к счастью через кровь и грозы
Всегда вела. Жизнь вовсе не проста:
Ей часто служат вместе меч и роза,
И будущим живет она всегда.

Плоды и мед ты, время, мне давало,
Но часто пил я горечи вино.
Твоя мне копоть поры забивала —
Твои рассветы видел все равно.

Пусть часто было трудно нам с тобою,
Вершиной ты касаешься небес.
Частица леса — дерево лесное.
Я — дерево твое, ты ж, время, — лес.

Ломает буря дерево, но все же
Растут деревья, снова зелены,
Нет, зимним бурям лес не уничтожить,
Он все равно, качаясь, ждет весны.

Но гибнуть больно дереву живому,
И речке тоже грустно высыхать, —
Хоть без нее хватает водоемов,
Ей хочется самой журчать, сверкать.

Ты, время, созидаеть неустанно.
На грозы и цветы твои смотрю
И, забывая штыковые раны,
Грядущих дней приветствую зарю.

1962

* * *

Разве всегда мне смотреть, как сегодня, на вас,
Наши холмы, что от снега вчера побелели?
Разве всегда буду в сумерках я, как сейчас,
Этой дорогой бродить — размышляя, без цели?

Разве всегда буду в дождь на чинары смотреть
Так, как теперь,— удивляясь листве их зеленой?
Разве всегда для меня будут так же гореть
Эти кусты барбариса, одевшие склоны?

Нет. Оттого мне и дороги снег и листва,
Вся эта жизнь... Я ведь знаю: расстанусь я с нею.
Вы говорите, что старые это слова?
Как там они ни стары, смерть гораздо старше!..

1962

* * *

Когда глядите сквозь листву ольхи
Вы, лежа на спине у самой речки,
То кажется, что небо постирали
И, подсинив, повесили сушить.

Но если вы прищуритесь, то сразу
Оно и синим станет и зеленым,
Как мальчика счастливого глаза,
Которому в реке по пояс солнце.

Я сквозь листву ольхи гляжу на небо,
Зеленое оно и голубое.
Мне хорошо от мысли, что таким
Его увидят и мои потомки.

1962

* * *

Кто может, выгоде в угоду,
Кричать о том, что ворон — бел,
Тот не поэт и не был сроду
Поэтом, как бы он ни пел.

И тот, кто говорит без риска,
Что плох хороший человек,
Пусть даже не подходит близко
К святой поэзии вовек.

За правду голову сложить
Дано не каждому, но все же
Героем может он не быть,
Но быть лжецом поэт не может.

1962

* * *

Ремесло особой метою
Метит мастеров своих.
Вы не смейтесь над поэтами,
Над отчаянностью их.

Тропы тонкие, как лезвия,
Нелегко идти скользя,
Глубока река Поэзия,
Брода в ней найти нельзя.

Горный тур, не зная робости,
Через камни и снега
Не боится прыгать в пропасти,
Выставив вперед рога.

И с поэтами случается,
Что — не ради громких слов —
В пропасти они бросаются,
Не щадя своих голов.

1962

БОЛЬ АШУГА

В день былой своей печали внемля,
Горец в песне горе изливал.
Воспевал свою родную землю,
Где травинок менее, чем скал.

Все смело потоком лет обильным,
Но слова, что жгли певца огнем,
Пережили памятник могильный,
Что разрушен ветром и дождем.

Эта песня и теперь близка мне.
Боль ашуга на родной земле
Вижу в раненном снарядом камне,
В расщепленном молнией стволе.

В стоне тех, кого утешить нечем,
В смерти трав, когда их лед скует,
В безысходном крике человечьем
Птицы, что от стаи отстает.

Боль певца едва ль не с прежней силой
До сих пор в горах вершит свой путь,
Реет над забытою могилой
И мою переполняет грудь.

1962

* * *

Кто б ты ни был, будь готов в дорогу,
Мысли о бессмертье — это блажь.
Я не о бессмертии, ей-богу,
Думаю, берясь за карандаш.

Как умение строгать тесину,
Мысль стара, и даже дураку
Ясно: все мы превратимся в глину,
Что б ни написали на веку.

Я работал не бессмертья ради,
Я писал, бывало, день-деньской,
На траву лугов, на небо глядя,
Удивляясь доброте людской.

Все, что пел я, пел я поневоле,
Погибал я у земли в плену,
Видя золото пшеницы в поле
И подсолнечную желтизну.

Пел я, видя море в отдаленье
И скалу, подернутую мглой,
Потому что сам я на мгновенье
Становился морем и скалой.

1962

ПОЭЗИЯ

Поэзия — земля моя, бывало,
Я ливнем был, поил твои луга,
Порою надвигался я обвалом
И с грохотом катил к тебе снега.

Под знаменем священным и высоким
Я был солдатом твоего полка,
Твоим притоком был, твоим потоком,
Когда казалось мне, что ты река.

Не богом, не пророком, богом данным,
Когда с туманом смешивался дым,
Наградой обойденным, безымянным
Твоим посыльным был и часовым.

Мне в жизни никогда не станет горько,
Казаться будет мне, что мир хорош,
Покуда я могу вставать на зорьке
И понимать, что ты еще живешь.

А ты меня за службу и за дружбу
Оберегай не от беды и гроз —
От легкой славы и от равнодушья,
Чтоб я тебе позора не принес.

1962

Все дороги, все тропы земли,
Что протоптаны кем-то и где-то,
Где б ни начались, где б ни легли,
Все прошли через сердце поэта.

Тьма ночная, покрывшая даль,
Пусть кого-то пугает могилой,
Для поэта она — словно шаль
На плечах его матери милой.

Пусть наш мир непригляден на вид,
Пусть его проклинают иные,
Но поэт на просторы глядит,
Как любимой в глаза дорогие.

Боль и радость ста тысяч судеб
Вместе с вами стоит он у печи.
В час, когда пропекается хлеб,
Вместе с вами стоит он у печи.

И горячие сгустки свинца,
Непреклонно летящие к цели,
Рикошетом и в сердце певца
Попадают, куда б ни летели.

1962

* * *

По-разному идут круги в воде,
Ущелья вторят слову разным гулом,
Огонь в печах, хоть он огонь везде,
По-своему горит во всех аулах.

Напев мой, стих мой, плох ты иль хорош,
По-своему будь смелым или робким,
А хочешь быть похожим — будь похож
На эти скалы и на эти тропки.

Тебя забвенье ждет иль ждет успех —
Будь схож не с чьим-то изреченным словом,
А с деревом, что выросло для всех,
Не потеряв себя в краю суровом.

Чужой бешмет не примеряй, мой стих,
Гордись пусть скромным, но своим убором,
И ждать обьедки со столов чужих
У нас в горах считается позором.

У чьих-то стойл не должен конь гнедой
От вязок сена подъедать ошметки,
Шагай, о стих мой, будь самим собой
И не перенимай чужой походки.

1962

* * *

Не схожи скалы меж собой сближением,
И на границах горной высоты
Нетрудно разглядеть за их отличием
Характера различные черты.

Одна скала над вековою кручею
Кругла, как щит прадедовских времен.
Другая вровень с грозовою тучею,
Остра, как меч, что вырван из ножен.

А третья встала с головою гордою,
Дуб нацепив на каменную грудь.
Вдовой печальной замерла четвертая
И не подвластна времени ничуть.

Чело одних испещрено морщинами,
Как будто бы у мудрости самой,
Лбы у других, как шапками овчинными,
Закрыты снегом летом и зимой.

О скалы, скалы!

В их великом множестве
И в грубых очертаньях простоты
Мне видятся возвышенной несхожести
Всегда нерукотворные черты.

Давным-давно беру в горах уроки я
У строгих скал.

Они на свой манер,
От суеты и зависти далекие,
Мне постоянства подают пример!

1962

* * *

Тревога сердца озадачит,
Во мне отзовется стихом,
А маленький мальчик все скачет
На палочке тонкой верхом.

Беспечному всаднику сладко
По улицам мчаться с утра.
Ах, первая в мире лошадка,
Кобылка лесного тавра!

И мальчик не пеший, а конный
Несется навстречу векам,
И веточкой, веткой зеленой
Он хлещет тебя по бокам.

Резвей ты любых иноходцев
И внемлешь не только трубе,
И лошади всех полководцев
Завидовать могут тебе.

1962

* * *

Был снег пушистым, словно кролик,
В Москве холодный был февраль,
Вдруг ты запела: «Лорик, лорик...»¹
И в этот миг исчезла даль.

И я услышал плеск Севана,
И Арарат передо мной
Возник за дымкою тумана
В снегу под желтою луной.

И запах трав был стар и горек,
И опьянял он, как вино.
Ты нежно пела: «Лорик, лорик...»
И стыло в елочках окно.

Я видел тучи край лиловый,
Дороги мокрую спираль.
Я видел праздник вечно новый
И вечно старую печаль.

Засыпан снегом горский дворик,
А звезды трепетнее свеч.
И словно слышу: «Лорик, лорик...»
И годы сбрасываю с плеч.

1962

¹ Л о р и к — перепелка (арм.).

* * *

Спилили дерево, оно свалилось,
Полно печали, горькой, как зола,
И та речушка, что под ним струилась,
Впервые горе жизни поняла.

Шептались листья с ней при лунном свете
Иль падали, покрывшись желтизной,
И освежались, легкие, как дети,
Прохладою и влагою речной.

Им песни по ночам вода певала,
Пока заря, пылая, не взойдет,
А утром просыпается, бывало,
И смотрит сквозь листву на небосвод.

И мир казался ей тогда зеленым —
Земля, и небо, и она сама...
Но ствол упал, упал с тяжелым стоном.
И речка сходит, бедная, с ума.

Ей кажется, что путь ее бесцелен.
Всю ночь о мертвых листьях слезы льет,
Проснется на рассвете — где же зелень?
Как странен мир, как бледен небосвод!

И чахнет речка, будто от недуга,
Винит себя и плачет до сих пор:
Зачем она не защитила друга,
Не отвратила от него топор?

1962

* * *

Будь я живописцем, там, на скалах,
Как бы я тропинки рисовал!
Это мысли путников усталых...
Вот они, уйдя за перевал,

Тянутся в тени чинар зеленых.
Это матери моей печаль,
Как печаль тех сумерек бессонных,
Что уходит по тропинкам вдаль.

То печаль балкарок, кабардинок,
Матерей... О, кто бы написал
Горскую задумчивость тропинок
На вершинах и в теснинах скал!

1962

НАДПИСЬ НА КНИГЕ КЯЗИМА МЕЧИЕВА

Эта книга — иль это народа родного
Сердце, полное смуты, пыланья, томленья?
Слышу мудрой горянки душевное слово,
Слышу рев пораженного пулей оленя.

Эта книга — иль это народа родного
Сны, которые снятся в ночные туманы?
Вижу крови следы на скале, вижу снова:
Тур срывается в пропасть, страдая от раны.

Эта книга — иль это народа родного
Боль, терпенье, и мудрость, и жизни начало?
Или это вода из ключа из живого,
Та, что горцев от ран боевых исцеляла?

Эта книга — как зов, что звенит издали,
Весть о тех, кто прошел, головы не склоняя,
Мимо бездны, взвалив на широкие плечи
Камни бед, камни горя сурового края.

Эта книга осталась как их завещанье,
Эта книга — как память о времени злобном,
Эта книга — и встреча с былым и прощанье,
Эта книга — как надпись на камне надгробном.

Это к нам из-за гор голоса долетели
Тех, кому до мечты доскакать так хотелось.
Это ярость борца, это песнь колыбели,
Боль надежды, и ум, и безумная смелость!

1962

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

1

Опять пришла зима, и улица бела.
Ты разожги огонь, как мама разжигала.
Прошли мы трудный путь, где за скалой скала,
Где вихрь, и крутизна, и грозный гул обвала.

Нельзя не говорить об этом — ты права.
И нам досталось то, что многим-многим людям.
Чтоб не погас огонь, подкладывая дрова,
Воспоминания в душе гасить не будем.

Вновь посмотреть хочу, как в прежние года,
Я на твое лицо, что ярко раскраснелось
От пламени... Так шли года, так шли всегда
И скрылись за грядой, что ныне в снег оделась.

Следы их на твоём лице, среди зимы,
При свете пламени я вижу... «Скоро ль пламя
На родине зажжем?» — так спрашивали мы
На дальней той земле, за снежными полями.

2

На руки смуглые твои, в глубины глаз
При свете пламени смотрю. О них писала
Моя рука не раз, но грустно мне сейчас,
Что плохо я писал о них — и мало, мало!

Всегда в твоих глазах на дальней той земле
Мне виделся Кавказ. И даже в день унылый,
Когда шумел буран в сырой, туманной мгле,
Я в красоте твоей искал источник силы.

О, женщин красота, всегда ты нам нужна!
Ты мне свое тепло и в ту дарила пору,
Когда морозом жгла меня моя весна,
Но я, с судьбой борясь, в тебе нашел опору.

Опять в горах мороз. Опять красива ты,
Хоть голову твою запорошили годы
Снегами. Но твоей слабее красоты
Заботы новые и прежние невзгоды.

3

На своего отца похожа ты. Всегда,
Во всем он горцем был, сродни родным вершинам.
Хоть часто горькою была его еда,
Он честью дорожил, как надлежит мужчинам.

Был каждый волосок его усов как меч!
Не знал он трусости и не боялся мести.
Для торжества добра он мог бы дом свой сжечь
И броситься в огонь во имя горской чести!

Отправился на фронт с седою головой,
Смотрел в лицо войны суровой силой взгляда.
Он шел, как некогда в горах сквозь снежный вой,
По окровавленным кварталам Ленинграда.

Отваге, верности он клятву дал свою,
И жизни собственной была сильнее присяга.
Седого горца жизнь оборвалась в бою,
С горящим городом слилась его отвага.

4

Бесстрашно умер он: ведь он бесстрашно жил.
Таким не суждено окончить жизнь в постели.
За родину свою он голову сложил,
Тебя же унесли жестокие метели.

Ты помнишь, девочка, морозы февраля,
Степные дальние просторы Казахстана,
Тоску изгнания и снежные поля?
Как рано боль души узнала ты, как ранс!

Отец лежит в снегах, путь преградив врагу.
А ты ждешь весточки, подросток, дочь солдата.
Твоя печаль — как след кровавый на снегу...
Мы грелись у огня на том снегу когда-то.

Не пропадет вовек та пролитая кровь.
И скорбь не пропадет. И в этом есть отрада.
Пусть правда ранена — она воспрянет вновь...
За горький мой рассказ меня винить не надо!

5

Портрет отца в черкеске белой на стене.
Он строен и высок, при нем кинжал старинный.
Ему усов уже не покрутить, но мне
Он будто говсрит: «Кулиев, будь мужчиной!»

Мне кажется: вот-вот он выбежит на круг,
Запляшет, как плясал на свадьбах в дни веселья.
А видно, что плясал он лихо! Сотни рук
Ему стучали в лад, и пели с ним ущелья!

Я верю: брал легко он трудный перевал,
Бросался он в огонь, в бушующую воду.
Я верю: он с врагом как нужно воевал
За правду, за людей, за честную свободу.

Твой сын — наш сын — похож на твоего отца.
Ничто не может зря пропасть, ничто не может!
Та пуля, что летит в бойца, — пронзит бойца...
Прости, что мой рассказ былую боль тревожит.

6

Опять пришла зима. Опять бело кругом.
Ты разожги огонь, как мама разжигала.
Воспоминания пришли, как гости, в дом,
Так пусть у очага погреются сначала.

При свете пламени я вижу: возле рта
Морщинки у тебя. А провели их годы
И за холмы ушли. К чему им быстрота?
Но время — как река, они одной породы!

Вновь на лицо твое, как в той степной дали,
При свете пламени смотрю. Зима блистает.
Как на деревья снег, легли года, легли
На волосы твои. И этот снег не тает.

В том доме, где с тобой о прошлом говорю,
Где некогда очаг затоптан был сурово,
На волосы твои, на руки я смотрю
При свете пламени, что засияло снова...

1962

УЧЕНОМУ ЯЗЫКОВЕДУ

О смерти языка спокойно, без участия,
Ты речь свою повел, ученую весьма.
Что для тебя язык? Глагол, деепричастья...
А для меня он — жизнь. Ты понял? Жизнь сама!

Когда я слушаю слова родимой речи,
Я вижу тех, кто пал, но кто свободу спас.
Я вижу храбрецов, чье слово в жаркой сече
Горело, словно кровь, как день в закатный час.

«Будь с нами, мужество!» — слова из уст летели
Из окровавленных, как птицы, напролом,
И гнали пришлецов разбойных из ущелий,
И смелых славили на языке своем.

Поныне те слова стоят, как наши скалы,
Поныне те слова сверкают, как мечи.
В них раны сабельной огонь кроваво-алый,
В них вечной доблести горячие ключи.

Мужчины, чьи уста полны были и кровью
Сраженья правого, и кровью слов родных!
О, жены, что детей баюкали с любовью,
Оплакав их отцов на языке живых!..

О смерти языка ты говоришь бесстрастно,
Но мне-то слышится, как девушка на нем
Твердит слова любви, — они звучат прекрасно,
Как листья, как родник в цветении лесном.

Прислушайся,— тебе откроются долины,
И блеск травы, и шум дождя в словах простых,
В них ветки шелестят, и клекот в них орлиный,
И ум пословицы, и звонкий древний стих

Не этот ли язык звенел над колыбелью?
Не он ли хлеб растил с упорством и трудом?
Не он ли горевал? Не он ли звал к веселью
И «мир вам» говорил, вступая в каждый дом?

Он молоком блеснет, теплом тебя согреет,
Когда произнесешь на нем ты слово «мать»,
А скажешь «яблоко» — все расцветет, созреет,
А скажешь «небосвод» — весь мир начнет сиять.

Язык не слабый снег, он не растает вскоре,
Язык — могучая гранитная скала.
С народом он делил и радости и горе,
И в споре с ним позор познали силы зла.

Язык народа жил, как всадник и как воин,
Родной земле служил, как пахарь и мудрец.
Он так же, как народ, бессмертия достоин,
А если он умрет, умрет он как храбрец.

КАМЕНЬ

Много раз я писал о тебе... Издавна
Были камнем богаты аулы нагорий,
И народ мой оставил свои письма
В камне: мудрость свою, и надежду, и горе.

Мысль народов других в древних книгах жила,
В фолиантах хранились бывшего анналы.
А у горцев бесправных — скала да скала.
Мысль вверялась камням. Камни, камни
и скалы —

Наши книги, история нашей земли!
Потому-то и камень везде в преизбытке,
Что столетия в нем свой язык обрели.
Это скорби и стойкости твердые свитки!

Вот надгробья, вот мельничные жернова,
Башни... Память о войнах, набегах, обвалах.
Выразительны камни, как будто слова.
Заливала их кровь, лунный свет заливал их.

Это плач матерей и томленья подруг,
Боль поэта и мысль мудреца-чародея,
И умельца движения чуткие рук,
Дух борца... Я читаю их, сам каменея!

Сколько каменных я раскрываю страниц!
Это всадников-кровников единоборство,
Это крик полонянок и ропот темниц,
Это наших крестьян трудолюбье, упорство.

Это каменное их терпенье. Борьба
Их за жизнь. Их глазами глядят эти камни
На меня так внимательно! Предков судьба
В них живет и становится сразу близка мне.

В доме каменном, у очага, сколько раз,
Камень, ты согревал мои ноги босые.
Нам при жизни служил. А придет смертный час —
У могил имена сохранишь ты людские.

Я уйду, ты же будешь веками храним.
Нет без камня и дерева горской дороги.
Так недавно ты грел мои детские ноги
У огня... Скоро станешь надгробьем моим...

1962

В НОЧНОМ УЩЕЛЬЕ

Я на горы смотрю, я глазами искал их,—
Не увидел вершин, уходящих во тьму.
Я смотрю на старинные башни на скалах,
Это башни иль нарты — никак не пойму.

Не страшась крутизны, в бездну падают реки.
Стук подков — так мне кажется — вторит ключу.
Это скачут в лесистой теснине абреки
Или сам я, гонимый врагами, скачу?

Это черные бурки врагов промелькнули
И тотчас растворились в полночной дали?
Я припомнил преданье, что слышал в ауле,
Вспомнил раны, что долго зажить не могли.

Оглашается звоном кинжалов теснина.
Кто кого убивает во мраке? В чей дом
В черной бурке внесут бездыханного сына?
Как черна эта ночь на обрыве крутом!

Как отцу моему здесь, в ущелье, кричала,
Так спросонок, сова, ты кричишь мне опять...
Не боюсь я врага! Не боюсь я кинжала!
Мне нужна моя жизнь: дома ждет меня мать!

В пене скачет река, побледнев от испуга,
Будто враг за ней гонится в душной пыли...
Помнишь: кровники здесь настигали друг друга.
Помнишь: раны здесь долго зажить не могли...

Скалы, разве мои вы не видите раны?
Льется кровь моя — остановить не могу!
Я на землю упал. Чей там окрик гортанный?
Где кинжал? Неужели я сдамся врагу?

Нет, почудилось ночью сверкание стали,—
Фары встречной машины стремятся ко мне...
Это в древнем преданье слова отблестали,
Как низринулся в пропасть абрек на коне.

Но постой! За скалой чей-то крик, чьи-то стоны,
Ты прислушайся,— кто-то кричит и зовет.
То не всадник ли стонет, кинжалом пронзенный?
Как же можешь ты медлить? На помощь! Вперед!

Нет, дошел этот крик до меня, до теснины,
Из-за гор древних лет, окровавленных лет.
Впереди зажигаются фары машины,
И со мною друзья, электрический свет.

Как на скалах черны эти древние башни!
То не кровной ли мести кинжал за скалой?
...Впереди — мой аул и приют мой домашний,
Рядом свет, и друзья мои рядом со мной.

ЗАБЫТЫЕ ПОЭТЫ

Поэты забытые! Снегом покрыты
Могилы, куда вас свела неудача.
Как ваши могилы, и книги забыты —
Все те, что писали вы, гневаясь, плача.

Вы радостно с вешним цветеньем встречались,
Любили вы прелесть зимы и до боли
Неправдою, гнетом, нуждой возмущались,
Лохмотьями нищих, цепями неволи.

Ни разу людей не лишали вы хлеба,
Вовек не свершали убийств и насилий,
Вам нравилось лунное, звездное небо,—
А большего вы для себя не просили!

Как вы, жили плотники, жили крестьяне
И так же, как вы, позабыты, поверьте.
Давно имена их исчезли в тумане,—
Но разве мечтали они о бессмертье?

И те, что разграбили доли и горы,
Что бедных лишали жилья и защиты,
Владыки, убийцы, насильники, воры,—
Давно позабыты, давно позабыты!

Но кто они? Чертополох и крапива!
Вы — зелень садов и цветенье дубравы.
Трава, как при вас, и поныне красива,
И так же ушли вы, как добрые травы.

Теперь вы забыты. Но, звонкие строки
Читая, как плакали девушки прежде
Над книгой поэта! Вот жребий высокий,
И снился ли он богатею-невежде?

Теперь вы забыты. И не знамениты
Герои Земли, не искавшие славы.
Но песня и мужество не позабыты,
Бессмертны, как море, и вечны, как травы.

1962

ТАНЕЦ

Пол гудит в просторной сакле,
Стук подошв, свирели звон,—
Все мелькает, словно сабли,
Вырванные из ножен.

Танец гор хмельной и сладкий,
Как, в какой далекий год
Выдумал тебя не падкий
На веселье мой народ?

Может, он, забравшись в выси,
В блеске радостного дня
Этот ритм из сердца высек,
Словно искру из кремня.

Или высек в день ненастный,
Чтобы рук не опустить,
Чтобы мир свой, мир несчастный,
На мгновение озарить.

...Зрители устали хлопать,
А танцующий джигит
Вновь взлетает, словно пропасть
Он вот-вот перелетит.

Но, на миг прервав круженье,
Замер он и сделал вдруг
Чуть заметное движенье,
Приглашающее в круг.

Слушаясь беспрекословно,
Вышла девушка — и в пляс,
Распростерла руки, словно
В облака взлетит сейчас.

Пол гудит в просторной сакле,
Стук подошв, свирели звон,—
Все мелькает, словно сабли,
Вырванные из ножен.

1963

ЗИМОЙ В ТЕРСКОЛЕ

Зима в Терсколе. Тут, беседуя с горами,
Живу. А по ночам мне снова снишься ты.
Я слышу, как ветра всю ночь гудят упрямо,
Но сосны утром вновь прямы, белы, чисты.

Зима в Терсколе. Я веду со снегопадом
Беседу. Сквозь него ты вновь идешь ко мне.
Твой воротник в снегу, и все тебе тут радо,
Все — сосны, горы, снег, идущий в тишине.

Все это снится мне. Ты знаешь ли об этом?
Все это снится мне сияньем давних лет.
Здесь все бело, весь мир захвачен белым цветом,
Здесь только дым из труб окрашен в черный цвет.

Зима в Терсколе. Я живу, благословляя
Все, что дает нам жизнь, — любовь, надежду, смех,
Пишу стихи о том и счастье обретаю.
Садится не спеша на ветки сосен снег!

Зима в Терсколе. Я пишу. Ложатся строки
Спокойно и легко в открытую тетрадь.
В них — эти сосны, снег, в них — блеск вершин
высоких,
В них — ты. Мне хорошо тебя здесь вспоминать.

Зима в Терсколе. Я, беседуя с горами,
Живу. Вокруг меня — лишь белые хребты.
Рождается мой стих. И, чуть родившись, прямо
Через реку Баксан спешит домой, где ты...

СНЕГОПАД В ГОРАХ

М. Дахкильговой

В горах снегопад. Побелели холмы, и дорога,
И скалы высокие, словно твоя красота.
Снег падает медленно, тихо, задумчиво, строго,
Как мысли мои о тебе в этот час и всегда.

Как будто плывут над ущельями белые птицы,
Идет этот снег не спеша, без труда, без помех.
Желаю сегодня охотнику не оступиться:
Охотничьи тропы невидными делает снег.

Нет ветра, мороза. Ушли облаками туманы.
Скал плечи гранитные, белая ель на скале.
Снег падает плавно, бесшумно, с утра, непрерывно,
Как мысли мои о друзьях, о судьбе, о земле.

Снег падает так, как свой сказ развивает сказитель,—
Уверенно, вдумчиво, медленно, без суеты.
И кажется: все испытанья, надежды, события,
Вдруг став журавлями, сейчас облетают хребты.

Снег идет над дорогой, стоит, как завеса сплошная,
Гранитные груди у скал, все хребты в белой мгле.
Снег падает плавно, идет, никому не мешая,
Как мысли мои о тебе, о любви, о земле.

Снег медленно падает, тихое белое чудо,
Чинары высокие молча на склонах стоят.
И кажется: снова я где-то далеко отсюда
И мне только снится спокойный родной снегопад...

1963

МОТЫЛЕК

Чтоб умереть, готов ты издалёка
Лететь туда, где видишь огонек,
И потому тебя певцы Востока
Считали неразумным, мотылек!

Тебя считали неразумным люди,
А я тобой люблюсь с давних лет:
Я знаю — ты летишь к тому, что любишь,
А более, чем жизнь, ты любишь свет.

Я не оплачу жребий незавидный,
Сочувствовать тебе я не решусь,
К своей любви ты тянешься и гибнешь.
Чтоб стать таким, я у тебя учусь.

1963

КОГДА Я УВИДЕЛ ТЕБЯ

Кем это был я?

Стольником царским
Или невольником в стане татарском,
Когда я увидел тебя?

Что это было?

Беда иль веселье,
Кубки блестели иль цепи звенели,
Когда я увидел тебя?

Вмиг позабыл я о боли неволи
И о веселом застолье тем боле,
Когда я увидел тебя.

Что моя жизнь, что застольные речи,
Косы — я помню — стекали на плечи,
Когда я увидел тебя!

И полюбил в этот век, в этот день я,
И позабыл все, что помнят с рожденья:
Волю и долг свой святой!

Много веков существует на свете,
И восхищаюсь я много столетий
Вечной твоей красотой!..

1963

ТЫ С НОВА ПОЕШЬ КОЛЫБЕЛЬНУЮ ПЕСНЮ

Ты тихо поешь колыбельную песню опять
И стала красивой, как прежде. Глаза потеплели.
Луна колыбель освещает. Ты глаз оторвать
Не можешь от этой залитой луной колыбели.

Ты тихо поешь колыбельную песню опять.
Я счастлив: я вновь понимаю, как вечно все это.
Я знаю: ребенку — расти, этой песне — звучать.
Я знаю, что вечно сияние лунного света.

Лицо материнское будет красивым всегда,
Любовь материнская будет полна бескорыстья,
Как будет прохладной далеких вершин высота,
Как будут весною зелеными травы и листья.

Ты тихо поешь колыбельную песню опять
И стала красивой, как прежде. Глаза потеплели.
Луна колыбель освещает. Ты глаз оторвать
Не можешь от этой залитой луной колыбели.

1963

* * *

Когда я смотрю на тебя, меня тянет
Писать о платанах, о лесе весною.
А рассыплешь ты волосы — сразу платаны
Всем лесом зеленым шумят предо мною.

Смотрю на тебя, и рождаются строчки
О, море,— вы с морем свежестью схожи.
О, цвета моря просторные ночи!
О, дни, что на синее небо похожи!..

1963

ТИХИЕ СТИХИ

1

Желтеет за окном. Скользят лучи косые.
Хочу тебе сказать я тихие стихи.
Мать воду родника нам в ведрах приносила.
Мои стихи теперь, как та вода, тихи.

Пусть так теперь звучат стихов моих признанья,
Как эта тишина,— она сейчас во всем.
Так старенькая мать сидела на диване,
Так сумерки теперь вошли в наш мирный дом.

Мои стихи к тебе тихи, как снег на склоне.
Как снег. Но только в них не холод, не мороз,
Они теплы, как ты: твой взгляд, твои ладони.
Тихи, как тот цветок, что в нашем доме рос.

Такие говорить стихи тебе я стану,
В них — ты: твои шаги, твой взгляд и голос твой.
Пусть льются в тишине, как струйки из-под крана,
Как ласточка в дому, кружатся над тобой.

2

Я помню в час беды твои родные руки.
Их ощутив тепло, я забывал про боль.
И исчезало все — невзгоды, горечь, муки,
Я обретал себя и снова был собой.

Но мало я тебя благодарил за это,
Сходил с прямой тропы, блуждал средь бела дня.
Простишь ли ты меня, безумного поэта,
За то, что столько зорь встречала без меня,

Что говорил тебе я полные мороза
Слова, что столько ран душе твоей нанес?
Не раз в твоих глазах потом я видел слезы,
А сколько я тебе незримых стоил слез!

Но мягкие слова, что лунным светом льются,
Я тоже говорил — я счастлив был с тобой.
И если уезжал, спешил скорей вернуться,
Меня твое лицо назад звало, домой.

3

И говорил себе, что твоего красивей
На свете я лица не видел никогда,
Что если рядом ты — я проще и счастливей,
Что крылья придает твоя мне красота.

И сам был на себя за суетность в обиде,
Смотрел в глаза твои и проклинал тот час,
Когда за суетой в них света звезд не видел.
О, свет моих ночей — сиянье этих глаз!

Я забывал про них, но ты прости мне это.
Дай лучше я опять в глаза твои взгляну!
Что может быть трудней и тягостней поэту,
Чем те часы, когда он сознает вину.

Ни разу тучи свет мне в жизни не закрыли:
Когда мне тяжело, в глаза твои смотрю.
О женщины! Вы впрямь мужского сердца крылья.
Так говорили встарь. Так вновь я повторяю.

4

А ты была как лань. И как хребты сиянье
Дарят, так красоту ты подарила мне.
Благодарю тебя. Будь вечно легкой ланью,
Будь до последних дней верна своей весне.

О крылья красоты! Вы значите немало.
Есть в красоте твоей всей жизни мощь и свет.
Дни темные, как ночь, она мне освещала,
И, победив их мрак, я не страшился бед.

Тебя большой поэт назвал кавказской фреской,
Поэт, что так правдив и честен был всегда.
А я — я до сих пор влюблен в тебя по-детски,
С поэзией всегда шла рядом красота.

Как мудрость и талант она. В ней та же сила,
В ней подвига накал, его порыв святой.
Она во все века и грела и светила.
Наш дом зимой согрет твоею красотой.

5

Любимую сравнил поэт Востока с ланью
Уже давным-давно, за много лет до нас.
Но ты и впрямь как лань. Мне больно от признанья,
Что он — не я сказал в стихах так в первый раз.

Пусть он в лохмотьях был — ему счастливо пелось,
Коль удалось ему такое вдруг открыть.
О, как бы мне теперь твои глаза хотелось
С глазами лани вдруг счастливо так сравнить!

Пусть он в лохмотьях был, пусть знал он много горя,
Но тот, кто так сказал, не зря на свете жил:
Он словно путь нашел к неведомому морю,
К невиданной земле дорогу проложил.

Я на тебя смотрю. И вновь сравнение это
Твержу. Его никак забыть я не могу.
Да, сила красоты извечна, как рассветы,
Пред женской красотой мы все как есть в долгу.

6

Пред женщиной — ее руками и глазами,
Пред красотой ее немного я немей.
Все делает она умелыми руками —
Стирает, варит, шьет, купает малышей.

О, нежность и тепло рук, мне создавших счастье,
Умелых, добрых рук — мне их дороже нет.
Они смуглы. А я их в тесте видел часто,
Цвет теста оттенял их смуглый нежный цвет.

Все радости земли, все горести и раны
Проходят сквозь тебя, все в сердце носишь ты.
Прости мне дни, когда блуждал я как в тумане
И низвергал тебя, как в пропасть, с высоты.

Распахнуто окно. Деревья пожелтели.
Твоя рука в моей. Сидим. Молчим вдвоем.
Мне кажется, года вот так же пролетели,
Как журавли летят сегодня за окном...

7

Ты девушкой была такой, что пахли губы,
Как розы. Ты и впрямь легка была, как лань.
Смешались времена. И — любо иль не любо —
Я думаю: поэт Востока отдал дань

Тебе века назад, что он с глазами лани
Твои глаза сравнил, в саду их увидав.
И засмотрелся на тебя, зашлось дыханье,
И удивился он, как я, счастливым став.

О, розы на губах! Как солнце, пахли руки
В те дни, когда с тобой узнали счастье мы!
Нет, не могу теперь подумать я без муки
О том, что скроет их глубокий снег зимы...

О, розы на губах! И я пишу, желая
Еще раз пережить той девушки приход.
Пусть хоть в моем стихе та красота живая
На лишний год один подольше проживет.

8

На желтизну дерев глядим мы, вспоминая,
Что так на зелень их смотрели мы с тобой.
Вспять реки не текут. Да, верно. Это знают
Не только мудрецы. Тут жизни свет и боль.

И мы с тобой глядим на горы, как смотрели
Впервые мы на них в далекие те дни,
Как будто мы с тех пор совсем и не старели,
Как будто мы с тобой бессмертны, как они.

Все так же их хребты белеют постоянно,
Хоть и века прошли над ними чередой,
Садятся и на них тяжелые туманы,
Но это лишь привал в их жизни кочевой.

Вновь на тебя смотрю, как я смотрел впервые.
Как будто на тебя годов не пала тень,
Как будто сам твоей не видел седины я
И ты осталась той, какой была в тот день.

9

Желтеет за окном. И птицы над домами.
Подходит вновь зима, готовит свой набег.
Ты гладишь мне виски и теплыми руками
На голове моей вдруг ощущаешь снег.

Не первый я поэт, что говорит про это,
И не последний я. Земле цвести, поверь:
Все будет и без нас — зима, весна и лето.
И реки будут течь сквозь годы, как теперь...

Я знал немало дней прекрасных. Я с разбега
Врывался в мир, любил тепло, дожди, зарю.
Идет моя зима, и, чуя запах снега,
На голые холмы я с нежностью смотрю.

Сидим с тобой вдвоем, и мне не одиноко.
Жизнь! Благодарен ей я за судьбу свою,
За страсть, за счастье жить здесь, на земле высокой,
За жар моих стихов, за красоту твою!..

* * *

Моей любовью ты была, большой, счастливой.
Теперь ты — только боль оборванной мечты.
Приходит смерть порой и к девушкам красивым.
Ты девушкой была, надгробьем стала ты.

О, тонкость рук твоих и их тепло живое,
На цвет морской воды похожие глаза!
А ветер над тобой качает ночью хвою,
И о тебе гудят сосновые леса.

Твои глаза всю жизнь любили снег и осень,
И сосны, и весну, и грусть дождей косых.
У мертвых неба нет, и снега нет, и сосен,
Холодной глины тьма закрыла все от них.

В поэзии любя нетленность, вечность, силу,
Цвела ты. И ушла. И стал мой день тяжел.
Спокойно звезд огни горят. Ты их любила,
И за ночь абрикос, как при тебе, расцвел.

Да, и красавиц смерть уносит. Как мириться
Нам с этим? Все равно ничем тут не помочь.
Красивое лицо твое мне часто снится
Всю ночь, пока рассвет не отодвинет ночь.

Ты улыбаешься во сне. И хоть я знаю,
Что это только сон, — на завтра встречи жду,
Но нам уже вовек не встретиться, родная,
Ведь ты лежишь в земле, а я по ней иду.

Иду я по земле, а ты лежишь под нею,
Я вижу облака — их легкость, свет и цвет —
И розы, что теперь не для тебя алеют.
Я за тебя всему шлю грустный свой привет.

Для мертвых нет любви и нет цветов, просторы
Морей им не нужны, весь мир от мертвых скрыт.
Им сосны не шумят, им безразличны горы
И жизнь. И в этом смерть как раз и состоит.

1963

* * *

Идет спокойный снег. Весь день брожу, вдыхая
Его прохладу, я. Простор и свежесть в ней.
И вновь весь день стихи я женщинам слагаю —
Весне души моей, зиме души моей.

Их руки и глаза нас всюду согревали
Средь радостей и бед, в дни скорби, в дни труда.
Мы ради них шли в бой и жизни отдавали,
Мы думали о них, их помнили всегда.

Кинжальных, пулевых ранений много было,
Не жаловались мы, сражались против зла.
Когда ж в кровавый день мы вдруг теряли силы,
Как знамя, нас любовь спасала и вела.

Вот Пушкин на снегу лежит у речки Черной,
Махмуд в последний раз глядит на выси гор.
И голос твой, Меджнун, звучит в ушах упорно:
Ты где-то средь пустынь тоскуешь до сих пор.

Идет спокойный снег. Весь день брожу, вдыхая
Его прохладу, я. Простор и свежесть в ней.
И вновь весь день стихи я женщинам слагаю —
Весне души моей, зиме души моей.

1963

Я тебя вспоминал у Адайских высот.
Над чинарами солнечный свет ликовал,
Ты жила в этом мире открытых красот.
У Адайских высот я тебя вспоминал.

У Адайских высот ты врывалась в мой стих
Вместе с зеленью веток, как солнечный луч.
Разгорался рассвет, откровенен и тих,
И чинары молчали у каменных круч.

Я зажег в твою честь полуночный костер
У Адайских высот. Я стоял на краю
Голубых пропастей, перед сонмищем гор,
Ты заполнила полностью память мою.

И с Адайских высот до тебя аромат
Расцветающих трав этот стих донесет,
Где чинары и скалы, Восход и Закат
Вспоминают тебя у Адайских высот.

Я с Адайских высот посылаю мой стих,
Грохот горных потоков его просквозил.
Он гудел водопадом в ущельях пустых,
Где на острых обрывах алеет кизил.

У Адайских высот для тебя родились
Все слова, что сегодня тебе говорю.
Как в твой лик, запрокинутый в звездную высь,
У Адайских высот я смотрел на зарю.

У Адайских высот, где с отвесной скалы
Водопад ледниковую воду несет,
Где навстречу заре вылетают орлы,—
Я тебя вспоминал у Адайских высот.

1963

СИМОНУ ЧИКОВАНИ

Жить привелось мне без родной земли,
Я видел лишь во сне Эльбруса купол белый,
Шла тень орла по куполу вдали,
И я следил за ней душою онемелой.

Я знал тоску. Мне снился мой Кавказ,
Чегемский водопад и влажный гул Дарьяла.
И годы шли мои, как медленный рассказ
О том, чего в пути не доставало.

Я раскрывал твой том и не смежал ресниц,
И друга верного я локтем чуял локоть.
Перед душой моей вставали со страниц
Кавказские хребты, летел орлиный клекот.

Я раскрывал твой том, и прибавлялось сил.
Я видел наяву все, что хранил в помине.
На склонах скал багровый зрел кизил,
И солнечный рассвет струился по долине.

Ронял листву засохшую орех,
Тень от платана поднималась косо,
Форель плескалась, словно детский смех,
В потоке у подножия утеса.

Я раскрывал твой том от родины вдали,
Приобретала смысл иной земля чужая:
Как будто мы с тобой под облаками шли,
Нагорным снегом губы освежая.

Как будто я лежал в тени горы крутой
И Ушбой любовался в светлой рани.
Там пир шумел, и мудрым тамадой
Тем пиром правил друг мой Чиковани.

Я раскрывал твой том и на крылах парил
Поэзии, исполненной привета.
За милый мир тебя благодарил
И дожидался своего рассвета.

...Об этом вспомнил я сейчас, взойдя
Уступами на перевал Крестовый.
Увидел наш Кавказ под струями дождя,
Блеснувший в душу мне своей красою новой.

Ты братство пел, лелеял дружбу ты.
Средь мастеров как мастер ты в почете.
Твои стихи — орлами с высоты.
Твои орлы всегда, мой друг, в полете.

Издревле люди любят мастеров —
Гранильщиков камней и ювелиров слова.
С крутых высот Кавказа я готов
Петь мастерство души высокой снова.

Стихом своим ты делаешь Кавказ,
Его вершины выше и прекрасней.
Гора к горе — их не охватит глаз,
И солнце жизни над хребтом не гаснет.

Мой путь с твоим нерасторжимо слит.
Арагви Тереку не посылает вызов.
Пусть эта песня ласточкой летит
И вьет гнездо у твоего карниза.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

«Коль у тебя есть мать, в себе ты носишь свет», —
Не зря так говорят. Теперь я это знаю.
Тот свет в моей душе горел так много лет,
Что я привык и жил, его не замечая.

Но мама умерла. И свет, что мне светил,
Перед зарей погас. Конец. Вопрос решился.
И для меня в ту ночь рассвет не наступил,
И я его не ждал: я матери лишился.

2

Я помню: в детском сне я плакал, — снилось мне,
Что мама умерла, что я один остался.
Мне снился этот сон не раз и на войне,
И я тогда в слезах в землянке просыпался.

И весточку домой спешил скорей послать,
Боясь поверить в сон, надеясь, но несмело.
А нынче наяву похоронил я мать.
И дерево, в душе расцветшее, сгорело.

3

Когда мне, как другим, грозила смерть в бою,
Вдруг мать я вспоминал, и было легче все же,
Я знал: она потом оплачет смерть мою
И позабыть меня уже вовек не сможет.

И становился я от этого храбрей,
Шел в бой и презирал смертельную угрозу.
Нам силу придают и слезы матерей,—
Не только их слова, но даже слезы. Слезы.

4

А матери всех тех, кто раньше их терял,
Не хуже, чем моя, хоть их спокойны лица.
Снег горести на них, тот снег, что нынче стал
На голову мою уверенно ложиться.

О, все, кто матерей лишился! Я сейчас
Всю вашу боль постиг. Отныне вашим стану.
Да, матери за жизнь нас ранят только раз,
Теперь и у меня в душе такая рана.

5

Все горы одолев, взойдя на перевал,
Являлся я к тебе. Ты сразу разводила
Огонь. И грелся я. И холод забывал,
Хотя луна в окно еще сквозь снег светила.

Но разделили нас такие горы льда,
Что их не одолеть, хоть век стремись упрямо.
И не приду к тебе я больше никогда.
Я не смогу к тебе прийти. Ты слышишь, мама!

6

Теперь я лишь во сне услышу голос твой,
Он очень далеко, совсем заглохли звуки.
И только лишь во сне увижусь я с тобой,
Увижу лишь во сне твои глаза и руки.

Руками лишь добро всю жизнь творила ты.
Глаза! — что может быть тех глаз теплей и ближе.
Поток жестокий снес меж нами все мосты.
Я, мама, лишь во сне теперь тебя увижу.

Росли мы без отца. Последнее всегда
Ты отдавала нам. Сама недоедала.
Но все ж и в черный день душой была чиста,
И копоть горьких бед в тебе не оседала.

И ты не за себя страдала в горький час
Изгнанья — за меня тревожилась все время.
Когда болел, всю ночь ты не смыкала глаз,
Была ко всем добра, как у себя в Чегеме.

В изгнании, устав, к тебе я приходил
И головой к груди, как в детстве, прижимался.
И исчезало все, чем я измучен был,
И сам себе опять я мальчиком казался.

Казалось — вижу вновь любимой речки бег
И вообще вокруг земля родная наша,
Где медленно, как встарь, идет чегемский снег,
Где выйдешь — и в лицо дохнут ветра Кек-Таша.

И сам не молод я. Но все любил сидеть
С тобой, как в детстве, лоб уткнув в твои колени,
Сидеть, закрыв глаза, не думать, не глядеть,
И ощущать себя ребенком в те мгновенья,

И радоваться так, как будто с детворой
Я только что поймал случайно птицу-чудо...
Мне больше никогда так не сидеть с тобой,
И больше никогда ребенком я не буду!..

Похоронили мать в сентябрьский ясный день.
Он очень ясен был, как радость, как начало.
Белели гребни гор, но мне казалось — тень,
Тень черная, как ночь, на горы набежала.

О, этот день в горах! Он чистотой слепил,
Он счастье обещал и не вязался с грустью,
Он чист был, как она всю жизнь. Таким он был,
Как помыслы ее, молитвы, сердце, чувства.

11

В земле теперь ты. Все. Пришла впервые ночь,
Ночь без тебя. К тебе и ночь прийти не может.
Ты перешла за грань, ушла из жизни прочь.
Тебя ни дождь, ни снег теперь не потревожат.

А все, как при тебе: деревьев желтизна,
Ветра с реки Черек поют — им горя мало.
На твой могильный холм льет ровный свет луна.
Она твое лицо недавно освещала.

12

Но, если трудно мне, иду в твой дом опять,
Утешиться хочу. Но вижу стул — и только.
И словно видом всем он хочет мне сказать:
— Ты ищешь мать? Ищи. Искать ты будешь долго.

Ищи! И я ищу. Нет смысла, но ищу.
Ведь можешь только ты помочь в моей печали.
Мне трудно без тебя, зову тебя, кричу.
Но даже эхо мне теперь не отвечает.

13

«Не плачь. Мужчиной будь! — ты говорила так
Мне в тягостные дни.— Терпи. Нельзя иначе».
И я терпел. Но тут не выдержал, размяк.
Как мальчик, я стою на кладбище и плачу.

Я плачу, мама. Да. Прости! Я в первый раз
Ослушался тебя сегодня у могилы:
За все года лишь раз сегодня, в скорбный час,
Я плачу. Ты прости — сдержаться нету силы!

«Сынок, не плачь по мне. Подумай. Я ушла,
Увидев, что ты жив, что дружишь с целым светом,—
Смерть раньше, чем тебя, меня к себе взяла.
Но ведь ее сама просила я об этом.

Об этом я сама молилась. И не раз.
Что бунтовать? Зима всегда сменяет осень.
Не верь, что жизни свет в душе твоей погас.
Живи. Будь тверд и мудр. Сын! Мать об этом просит.

Ты без меня живи, как жил до этих пор,
Будь справедлив, чтоб все друзья тебя любили.
А если на себя ты навлечешь позор,
Твоя седая мать заплачет и в могиле.

Будь зорким, мой сынок. Ведь жить подчас трудней,
Чем умереть. О том и спорить глупо даже.
На страже я была, хранила честь детей,
Пусть мой могильный холм теперь стоит
на страже».

Ты мне была судьей в дни счастья, в дни беды —
Во всем, что я любил, чего хотел добиться.
И первую всегда догадывалась ты
О том, что мне грозит опасность оступиться.

Хочу я, чтоб твоя святая доброта
Всегда жила во мне. Хочу я всей душою,
Чтобы твоя во мне осталась чистота.
И в том теперь клянусь здесь, над могилой стоя.

Мать умерла моя, уверенная в том,
Что все ж не навсегда мы расстаемся с нею.
«Не плачь, сынок, пойми — мы встретимся
потом!» —
Звучит в моих ушах все тише, все слабее.

Но все сильней в душе моя слепая боль,
На горы посмотрел я в тягостной печали.
«Мать больше никогда не встретится с тобой.
Ты знаешь это сам!» — они в ответ сказали.

18

Теперь пришлось и мне то горе испытать,—
Я знаю, с ним вовек не разойдутся люди.
«А разве ты один вот так теряешь мать?
А разве не всегда так было, есть и будет?»

Так скажете вы. Что ж, я понимаю вас.
Вы правы. Это так. Но все ж я с этим спору:
Смерть матери ко всем приходит первый раз,
Для каждого она — невиданное горе.

19

«Ты людям будь всегда товарищем, сынок,—
Ведь в нашей жизни смысл не что-нибудь, а люди.
И если спутник твой упал и занемог,
Ты не бросай его, подумав: «Трудно будет!»

Так говорила ты до смерти за два дня
И так жила всегда, хоть это трудно было.
Да будет твой завет законом для меня!
Ты слышишь? В том клянусь я у твоей могилы.

20

В моих стихах тепло от молока того,
Которым ты меня в младенчестве вскормила,
В нем — красота лица родного твоего,
И доброта твоя, и мягкость,— может, сила.

И я, как ты, умру. Но в жизни доброта
Останется — она для нас всего дороже.
И пусть мои стихи исчезнут навсегда,
Но не исчезнет жизнь и человечность тоже!..

О люди! Все, кому не отказал в тепле.
Кому полезен был — пусть даже и не прямо,
Кому не больше пусть, чем капля на стекле,
Но радость я принес,— благодарите маму.

Все те, с кем в жизни я сердечным, добрым был,—
За все мое добро благодарите маму.
Все те, кому в пути хоть раз я пособил,—
За все мое добро благодарите маму.

Все, кто листал не зря страницы книг моих,—
За все мое добро благодарите маму.
Все те, кого хоть раз сумел согреть мой стих,—
За все мое добро благодарите маму.

1963

СИЛЬВЕ КАПУТИКЯН

Надо мною шумит платан:
Я страницы твои листаю.
Гонят пленниц во вражий стан:
Я страницы твои листаю.

В вышине по-людски кричит
Журавель, потерявший стаю,
Камни родины горячи:
Я страницы твои листаю.

Вот бросает цветок джигит,
Ловит женщина молодая,
А другая плачет навзрыд,
Жизнь прошедшую вспоминая;

Вдаль изгнанник бредет с сумой,
Слезы льет по родному краю,
Не вернуться ему домой:
Я страницы твои листаю.

Мне мерещится, будто сам
По Армении я шагаю,
Присягаю ее камням,
Припадаю к ее ручьям:
Я страницы твои листаю.
Я стихи твои повторяю.

1963

Ф И Р Ю З А

Фирюза! Радость в имени легком твоём,
Будто машет журавль своим гордым крылом.

Фирюза! Так красавица зваться должна
Иль платан, когда зелень платана нежна.

Зеленеют платаны, бормочет вода.
Всюду яблоки — их желтизна, краснота.

Над тобою хребет. Доконал его зной:
Стал он схож с буйволиной облезлой спиной.

Фирюза! Когда вновь я вернусь на Кавказ,
Ты мне в наших горах будешь сниться не раз.

Ты в душе навсегда, не на день, не на год.
А когда я почувствую смерти приход.

И все лучшие дни вновь пройдут предо мной,
Ты опять прошумишь мне зеленой листвою,

И шепнут твоё имя платаны твои,
И зальются в садах, как теперь, соловьи.

Фирюза! Радость в имени легком твоём,
Словно машет журавль своим гордым крылом.

1963

* * *

Смотрит с неба луна. Льет на скалы свой свет.
Ищет, где бы поспать, не помявши бока.
Льет свой свет на снега она столько же лет,
Сколько лет здесь лежат и не тают снега.

И детьми мы следили за ней. А луна
Так же точно плыла за окошком ночным,
И казалось, войдет к нам и скажет она:
— Завтра будем играть мы. А нынче поспим!..

1963

* * *

Снег идет в этот вечер в Баксанском ущелье.
Дети спать в это время ложатся повсюду,
Хватит, нынче побегали и пошумели,—
Время спать. Пусть дома их счастливыми будут!

Только древний Эльбрус среди ночи белеет.
Он могуч. И все дети ему как родные,—
Он кивает им всем, сон их чуткий лелеет:
— Спите. Ночи счастливой вам, дети земные!..

1963

* * *

Я воду пил, текущую меж скал,
Что пахнет мокрой ягодой в ущелье,
И, стоя над водою, замечал:
Горели искры на боку форели.

Текущую меж скал я воду пил
И ощущал мороз ее истоков.
Я воду пил, и набирался сил,
И приобщался к мудрости высокой.

1963

* * *

Белозубым мальчишкой с порога победно глядят,
Улыбаясь мне, радости все, пережитые мною.
А со мной скорбной женщиной в траурной шали сидят
Пережитые горести и не дают мне покоя.

На сухом и нетесаном камне уселись они,
Как в ауле любила сидеть с матерями другими
Моя мать... И сидят, и молчат, и проходят так дни.
Я давно пережил их, но все не расстанусь я с ними...

1963

ТЕНЬ ГОРЫ

Он был горой. Ты — тень его. Ну что ж,
Быть тенью при горе не просто тоже.
Но все равно — пусть трудно ты живешь,
Ты тень горы и без горы не можешь.

Да, нелегко призвание твое —
Служить горе всю жизнь, не уставая.
Он был горой. Ты — тенью от нее.
Но у большой горы и тень большая.

1963

Я люблю самоотверженность и смелость тура,
Что стоит в карауле, возвышаясь над стадом.
Ловит запахи ветра, хоть и знает, что дуло,
Наведенное в сердце, может прятаться рядом.

Если близок охотник — быть спасенья не может:
Тур стоит на утесе совершенно открыто.
Да, он знает, что пуля его первым уложит,
Но спасется все стадо,— потому и стоит он.

С высоты озирает он деревья и камни,
А заметит охотника — он не зря в карауле:
Бьет тревогу он, прыгает, ударяясь рогами
О скалу из гранита,— и уходит от пули.

Если гибнуть, так гибнуть от скалы, от паденья,
Не от вражеской пули, не от злого прицела!
Издает оглушительный свист и в то же мгновенье
На рога свои крепкие в пропасть прыгает смело.

А потом поднимается и идет, невредимый!
...В красоте и свободе тоже мощь есть такая:
Пусть теснят их подчас — они непобедимы,
Смело прыгают в пропасти и не погибают.

1963

ЛЮДИ МОЕЙ ЗЕМЛИ

Когда пахали, бурки сбросив,
Они в погожий день весны,
То были добротой колосьев
Их помыслы осенены.

Когда в час свадебного лада
Они плясали у стола,
В них добрый пламень винограда
Вздымал незримые крыла.

Но если боя дымный полог
Вновь над ущельем повисал,
Темнели очи их, как порох,
Долг чести искру высекал.

И земляки мои умели
(Народ в горах неприхотлив)
Спать на земле, как на постели,
Под ухо камень положив.

В дороге, под открытым небом
Могли насытиться всегда
Они сухим ячменным хлебом,
Глотком воды из-подо льда.

Настоем трав лечили раны,
Умели горе превозмочь
И от успеха в барабаны
Не колотили день и ночь.

1963

ПРОМЕТЕЙ

Прометей, прикованный к скале,
Как сама скала, велик и вечен.
До сих пор кружит орел во мгле
И клюет кровавым клювом печень.

Сила Прометея до сих пор
Царствует — она сильнее смерти,
Снежные громады катит с гор,
Мечет молнии и вихри вертит.

Родина, в ущельях снеговых
На вершинах этих первозданных
Сколько за века прошло твоих
Горцев — Прометеев безымянных.

Всем дарил им ты, седой Кавказ,
Мужество сердец и зоркость глаза,
Говорил им:

— Будьте в трудный час
Прометеями, сыны Кавказа!

1963

БЕТХОВЕН

Он так писал, как будто возводил
Руками горы на земле высокой,
Он друг на друга скалы громоздил
И сам бродил меж ними, одинокий.

Как будто на заре бросаясь вплавь,
Переплывал он море ежедневно
И пропасть перепрыгивал стремглав,
Скал не страшась, уверенный и гневный.

Он так писал, как будто по ночам
Ловил руками молнии и тучи
И тюрьмы мира в пепел превращал
В единый миг усилием могучим.

Как будто сам всходил на высоту
Воздвигнутых им гор, добыв победу.
«Ценю всего превыше доброту!» —
Он говорил, пройдя сквозь мрак и беды.

1963

И Г Р А Ю Т Ш О П Е Н А

Бьют капли по стеклам. Деревья блестят за окном.
Темнеть начинает. Молчит обездолевший дом.
Изранены сумерки, вечер смешался с дождем:
Играют Шопена.

Луна над землею. И девушка смотрит, бледна.
И руку на сердце свое положила она.
След крови на свежем снегу. И вокруг — тишина:
Играют Шопена.

Готовые пасть за свободу в чистейшей из битв,
Бойцы атакуют. Кровь льется. Сражение кипит.
Но сил не хватает. Неправый опять победит:
Играют Шопена.

В пути журавли заблудились, курлычут, кричат.
Но, как ни кричи, нет пути ни вперед, ни назад.
И ранен повстанец. Он прячет измученный взгляд:
Играют Шопена.

От стаи журавль отстает. Слышен клекот орла.
Журавль разбивается — брызнула кровью скала.
Вернулась зима и могилы опять замела:
Играют Шопена.

Хоронят бойцов — тех, кто пал за свой гордый народ.
И ветер о скорби притихшим деревьям поет.
Над бездной времен — безучастных снежинок полет:
Играют Шопена.

Мужчина сидит. Зубы сжаты — ничем не разжать,
Прикрыты глаза. Бесполезно его утешать.
Но волосы гладит ему его старая мать:
Играют Шопена.

Трава прорастает. И вновь оживает любовь.
И женские руки на плечи любимого вновь
Ложатся. Но — нет! — не забыты ни горечь, ни кровь!
Играют Шопена.

Растаяли льды и снега моей горной страны.
И речка звенит, и деревья опять зелены.
Рассвет. Перевалы уже отовсюду видны:
Играют Шопена...

1963

ЭЛЬБУС

Ты — мечта людская, что на крыльях
Высоко под небо вознеслась.
Горцы бога своего молили,
В сторону твою оборотясь.

Видели вдали тебя герои,
Погибая в праведном бою,
Прорубали горцы, сакли строя,
Дверь и окна в сторону твою.

Глядя вдаль, на вечный снег без края,
Зная, что никто им не владеет,
Бедный горец, бедность забывая,
Сам себе казался богатеем.

И порою нам в чужих селеньях
По ночам твои вершины снились,
И тогда — пусть только на мгновенье —
Наши беды легче становились.

И, ей-богу, если б я родился
Не в сегодняшнем, а в прошлом веке,
Я, паломник, шел бы и молился
Лишь тебе, не думая о Мекке.

Те, кто пролил кровь, чиня насилье,
У подножья твоего когда-то,
Да и те, чью кровь они пролили, —
Все ушли давно и без возврата.

Словно совесть моего народа,
Ты стоишь, Эльбрус, велик и вечен,
Как поэзия и как природа.
Ты стоял до нашего прихода,
Нашего ухода не заметишь.

Я уйду, но все ж останусь рядом,
Потому что будут жить другие
И смотреть моим влюбленным взглядом
На твои вершины снеговые.

1963

ПРЕДКИ МОИ

Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бои.
Но не судите меня за измену,
Предки мои,
Предки мои!

Я не пою, а пишу на бумаге,
Мерю пальто городского сукна,
Но без терпенья, без вашей отваги
Грош мне цена,
Грош мне цена!

Я на своих опираюсь предтечей.
Так, зажимая рану свою,
Вы опирались друг другу на плечи
В смертном бою,
В смертном бою.

Я удивляюсь величию и силе
Песен, звучавших в минувшие дни.
Предок мой, прадед мой, нас породили
Горы одни,
Горы одни.

Вспыхнет весенняя молния где-то,
Сплю я, и кажется мне иногда:
Вместе мы скачем, и с наших бешметов
Льется вода,
Льется вода.

Видел я много не виданных вами
Стран и народов, неведомых вам,
Но, возвратясь, припадал я губами
К отчим камням,
К отчим камням!

Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бои.
Но не судите меня за измену,
Предки мои,
Предки мои!

1963

СОЛОВЬИ

Михаилу Дудину

Ты помнишь весной Фирюзу и ее соловьев,
Что пели весь вечер уверенно, самозабвенно,
Как пели Хафизу когда-то за далью веков?
Мы слушали их, и сливалось для нас постепенно

Грядущее с прошлым. Дождь хлынул на землю потом
И мир освежил, как сердца соловьиное пенье.
Кто выдумал глупо, что стала та песня старьем?
Она, как и дождь и рассвет, не подвластна старенью.

Не могут вовек устареть ни слова о любви,
Ни то, как на склоне спокойно кизил созревает,
Ни речка, под солнцем несущая воды свои,
Ни море, которое только живущим бывает.

Ты помнишь весной Фирюзу и ее соловьев,
Что пели и пели, сливаясь с дыханием ночи,
Как в древние годы? В их пении — голос веков
И голос всей жизни: «Земля, я люблю тебя очень!»

1963

ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ

Судимый мыслями повинными,
Не поднимая грешных глаз,
Я перед горными вершинами
Краснел и каялся не раз.

Веков седыми старожилами
Считаю я вершины гор,
И горько мне, когда вершинами
В мой адрес высказан укор.

Себя я праздником пожалую,
И снова в сердце пир горой,
Когда вершинам гор хоть малую
Доставлю радость я порой.

Вблизи вершин вольнее дышится,
Я это знаю не один.
И откровеннее нам пишется
Вблизи вершин, вблизи вершин.

И храбрость верх берет над робостью,
И сладко мне, когда строка
Литым мостком висит над пропастью
И вровень с нею облака.

И для меня, не одинокого,
Сумели вы с далеких пор
Мерилом стать всего высокого,
Вершины гор, вершины гор!

Вы, подарив мне ястребиную,
Заоблачную высоту,
Вдохнули в грудь неистребимую
О восхождении мечту.

Я вас люблю, мои суровые,
За похвалу и приговор,
Наставники седоголовые,
Вершины гор, вершины гор!

1963

Ш А Л Ь

Шаль, что носили матери в горах,
Святыней ты была для нас в веках.
Как матери святое молоко,
Вознесена ты нами высоко.

Не раз, не два направленному в грудь
Кинжалу перерезала ты путь,
Упав пред тем, кто был готов убить.
И он не смел тебя переступить.

Не страх и не предчувствие беды,—
Его могла сдержать лишь только ты
В своем порыве ясном и святом.
К добру и чести стала ты мостом.

Сильней кинжала,— пусть он страшен,— шаль,
Сильней больших гранитных башен шаль,
Немало жизней так спасла ты, шаль,
Носителем добра была ты, шаль.

Да, тот, кто всей душою жаждал мстить,
Не мог, не смел тебя переступить.
Всегда легко рискуя головой,
Он становился робким пред тобой.

У очага ребенком я дремал
И к мягкой шали щеку прижимал,
И было хорошо в тепле дремать,
И молча на меня смотрела мать.

Шаль черная горянок-матерей,
О, ветра вой, о, память детских дней!
О, снег, летящий с неба в дымоход!
Казалось, саклю снегом занесет.

Ребенка в колыбели бахромой
Пушистою касавшаяся шаль,
И горцу, что покинул дом родной,
Теплом его казавшаяся шаль!

Когда ж от пули гибли храбрецы,
Их покрывали шали той концы,
Шаль горских матерей, ты и сейчас
Воспоминаний много будишь в нас.

Я вижу вновь очаг и дом родной,
И прижимаюсь вновь к тебе щекой,
И вновь дремлю, устав от детских дел,
Как будто не старел я, не седел.

Как худенькие руки матерей,
Как их морщины — след нелегких дней,
Так эта шаль — вещей священной нет —
Способна излучать тепло и свет.

Хранила честь земли родимой, шаль,
Была, как жизнь, непобедимой, шаль,
Героев павших покрывала, шаль,
Тепло поэтам ты давала, шаль!..

Я. Козловскому

Ты помнишь лето? Лес, трава кругом
И пятна крови нашей или вражеской.
С тех пор мне росы на лугу лесном
В закатном блеске алой кровью кажутся.

Мне и зима запомнилась навек,
Осевший снег в начале марта месяца.
С тех пор, когда я вижу талый снег,
Мне пятна крови на снегу мерещатся.

Мы были крепки, каждый как скала,
Мы кладь несли, не чувствуя усталости,
И та беда, что где-то нас ждала,
Являла облик смерти, а не старости.

Не виделась нам старость впереди,
А нынче — еду ль, за столом сижу ли я —
Все чаще руку подношу к груди,
Каким-то чудом не задетой пулею.

Все чаще наяву или во сне
Те мальчишки, не ставшие мужчинами,
В бинтах сырых являются ко мне,
И лица их не тронуты морщинами.

Мне видятся огонь и облака,
И пулеметчики и пулеметчицы,
И степь, где скачет конь без седока
И повод по земле за ним волочится.

1963

Я МОГ БЫ СРАЖАТЬСЯ В МАДРИДЕ

Я мог бы сражаться в Мадриде
И пасть за Гранаду в бою.
И солнце, пылая в зените,
Смотрело б на рану мою.

Я мог бы сражаться в Мадриде
И грудью на камни упасть,
Чтоб только над Кóрдовой видеть
Свободного знамени власть.

Я мог бы сражаться, я б встретил
В Мадриде последний рассвет:
Лик мужества ясен и светел.
Чужбины для подвига нет.

Я отдал бы все без отказа,
Там жизнь бы свою завершил —
И благословенье Кавказа
Дошло б ко мне с древних вершин.

Я мог бы в Мадриде сражаться:
Везде, негасимый, горит
Свет мужества, воли и братства.
Я мог бы стоять за Мадрид.

1963

НОЧЬ И РАССВЕТ

1

Днем вижу платаны и слышу веселый
Плеск речки. И вновь мои мысли ясны.
Днем вижу я зданья, где жить новоселам,
А ночью мне снятся кровавые сны.

А ночью — война, мое мертвое тело,
И мать в черной шали рыдает по мне
В ауле. Я ж, холм обхватив обгорелый,
Лежу. Не вернусь я — погиб на войне.

Днем радуюсь белым Эльбруса вершинам
И девушкам, чьи так улыбки нежны,
И книгам, и школьным товарищам сына,
А ночью я вижу кровавые сны.

А ночью опять генеральские лица
И стрелки на картах. Проснусь... И опять
Мне мнятся бездомные люди, мне снится,
Что некому мертвых земле предавать!..

2

Рассвет. Выбегаю, себя забывая:
Все живо — деревья, дома и цветы!
На небо смотрю — облака проплывают.
Жизнь, ты не сгорела, в цветении ты!

Рассвет. Все светлей небеса над домами.
Все — школы, кино — как всегда, как вчера.
А ночью тревожно: враг снится и пламя,
В котором сгорает большая гора.

Поэт, ты тревожней душой, чем другие.
О Пушкин! Твой стих так просторен, богат.
Мне нравятся неба тона голубые,
Неужто их в черную пыль превратят!

Рассвет. О земля! Если ласточка-птица
Сломает крыло, боль и то так остра!
Рассвет. Он повсюду, он в окна стучится.
Вновь, радуя сердце, белеет гора!..

В СТОРОНУ СВАНЕТИИ ИДУ

Я снова в сторону Сванетии шагаю,
Аулы Думала и Булунгу уж за спиной.
Меня в пути воспоминанья настигают
И, как попутчики, потом идут со мной.

Я среди скал иду в Сванетию, к вершинам.
Воспоминания мои плывут, как облака,
Они купаются свободно в небе синем,
Форелью плещутся в реке у ледника.

А я, устав, сажусь на камень раскаленный,
От власти памяти совсем не думая уйти.
И, обратясь лицом к залитым солнцем склонам,
Благословляю жизнь, ее нелегкие пути.

Да, все мои пути останутся моими,
Различные пути — ведь не похожи дни.
Отсюда, с высоты, мне явственней и зримей,
Что открывали жизнь равно мне все они.

Я снова в сторону Сванетии шагаю.
Легенд здесь больше, чем я книг успел прочесть
пока.

Они ложатся на хребты и облекают
Утесы, обратясь в густой туман иль облака.

Воспоминанья вы, иль этих гор преданья,
Иль облака, что смотрят с этой синей высоты?
А может, сосен шум иль тех снегов блистанье,
Что отдыхают летом здесь, взобравшись на хребты?

Преданья этих гор, вы мне всего дороже:
В вас храбрецы живут и дышит скал покой.
Вы — как мои воспоминанья: вы ведь тоже
Воспоминания — земли моей родной.

Я снова в сторону Сванетии шагаю,
Припомнив всех друзей во всех краях земли.
Я снова в сторону Сванетии шагаю,
Благословляя все пути, что к цели нас вели.

1963

ЛЮДЯМ НУЖНА РАДОСТЫ!

Людям нужна радость, как дереву листья,
Как почва зерну. И, глядя в пути на звезды,
Люди вдыхают воздух ночной душистый
И ощущают счастье, вдыхая воздух.

Людям нужна радость. В плясках, в танцах
Они высекают ее, как огонь высекают,
Даже на скорбных путях, после долгих странствий,
Веселиться на праздниках все же не отвыкают.

Людям нужна радость. Они заставляют
Петь камень, дерево, снег и все на свете.
Чтоб вырвать радость, они в боях погибают,
Хоть плачут матери после и ждут их дети.

Я говорил о горе. Но мне известно,
Что только в радости — жизни прелесть и святость.
В тяжелые дни я тоже с вами был вместе,
Лежал на снегу — был ранен в бою за радость.

Людям нужна радость, как горам нужна высота их,
Людям нужна радость, как небо, хлеб и дорога.
Люди стремятся к радости, горе и боль отменяя,
Людям нужна радость, много радости, много!

1963

ГОВОРЮ С ГОРОЙ

Ты огромна, бела. Но себя принижать
Я не стану,— мечта у меня есть большая.
Я учусь у тебя свои дни провожать
Так спокойно, как ты свои дни провожаешь.

Ты могуча, бела. Ты блистишь в вышине,
Всем вокруг на далеком видна расстоянье.
Я учусь у тебя: как хотелось бы мне
Так же радовать всех высотой и сияньем.

Нет, не падаю ниц пред твоей высотой,
Только крылья растут, и взлететь подмывает.
Я стою, и века, что прошли над тобой,
Над моей головой не спеша проплывают.

У поэтов и гор долг один — высота!
В этом вся их задача и суть: непрерывно
Звать людей только вверх, чтоб не гасла мечта
На земле, где бывают и грозы и ливни.

Я смотрю, как врезаешься ты в облака.
Нет, твоя высота не гнетущее бремя!
Чтоб не стала бескрылой и тусклой строка,
Я учусь у тебя ежедневно, все время.

Так издревле стоишь ты — свободна, горда,
Ледники не сумели согнуть твои плечи.
— Высота! Пусть живет на земле высота! —
Звезды шепчутся так над тобой каждый вечер.

Ты огромна, гора! У тебя на виду
Становлюсь я и выше и чище, я знаю.
Людам радость нести, красоту, высоту
Я учусь у тебя: ты — гора, ты большая!

1963

ПЕСЕНКА

Вот песенка простая
О снеге на вершине,
О камне у дороги.
Вот песенка простая.

Вот песенка простая
О речке, что в теснине,
О дереве зеленом.
Вот песенка простая.

Вот песенка простая:
В лесу набрав малины,
Подходит к дому мальчик,—
Вот песенка простая.

Чиста, как снег вершины,
Проста, как серый камень,
Звонка, как эта речка,
Та песенка простая.

Как мальчика улыбка,
Ты, песенка простая,
Ты веточкой мне снишься
Кизиловой, зеленой.

1963

ИДУЩИМ НА ПОМОЩЬ

Когда начинал я слагать эти строки,
Из первой же в небо рванулся орел.
Шум крыл я услышал и дерзкий клекот,
Из первой же строчки взметнулся орел.

...Зима. А отец мой спешит к перевалу,
Усы побелели, башлык его бел.
Но снова и снова, мужрой¹ разрывая
Сугробы, шагает, упорен и смел.

Пусть вьюгою полночь бушует сегодня.
Пусть ветер ночной заметает пути.
Спешит он по делу: там сванский охотник
Застрял,— он не может его не спасти!

И сван-скалолаз — перевалом он тоже
Спешит. Там Чегем, среди снега и мглы.
Сейчас не проведать он друга не может:
Сорвался вчера его друг со скалы.

И, как у Пшавелы в ущелье во время
Охоты, в снегу вся его борода.
И друг будет рад его видеть в Чегеме,
Как сам я друзьям рад бываю всегда.

Вы — те, кто проходит зимой перевалом
В ту сторону, в эту ли снежной тропой:
С друзьями увидеться, чем-то — хоть малым —
Помочь им, в день горя им выразить боль.

¹ Мужра — палка с железным четырехгранным острым наконечником.

Вы — те, кто идет по завьюженным склонам,
Пусть дышится трудно, пусть ветер гудит,
Кто чести и совести верен законам,
Кто смел и, как хлеб, в жизни мужество чтит,

Ведите меня за собой, как бывало,—
И жизни и слову нужна чистота!
Хочу я быть с вами на всех перевалах,
И ваша открытость близка мне всегда.

Вся жизнь — в перевалах. Снега нависают,
Пред каждым сияет его перевал,
И люди восходят, друг друга спасая,
Взбираясь на гребни бесчисленных скал.

В ущелье Гара-Аузу я слагаю
Вам эти стихи. Ледники предо мной.
Как греет меня беззаветность большая
Всех тех, кто идет по тропе ледяной!..

...Когда я стихи эти начал, я помню —
Из первой же строчки взметнулся орел,
Возник надо мною шум крыльев огромных —
То в небо из строчек взметнулся орел.

1963

НОЧЬ СВАДЬБЫ

Висит над аулом луна. Свет лежит на скале,
Снега на хребтах, лес зеленый, поляны, стремнины.
И темные реки текут по скалистой земле
К хлебам, что созрели на нивах Чегемской долины.

Луна над аулом. Ночь свадьбы. Уже привезли
Невесту. С подругами рядом сидит она скромно.
Танцуем, поем, веселимся, как будто мы шли
По жизни легко и наш день не бывал еще темным.

А юноши в круг выбегают и пляшут, легки,
Как будто вовек никакой не узнают печали.
Потом поднимаются медленно с мест старики.
Танцуют,— да так, словно горя они и не знали.

Ночь свадьбы идет. Тост за тостом, как света поток,
Вершин белизна в них и рек неумная сила,
Блистанье зарниц. Пробки с треском летят в потолок,
И в стены, и в двери летят, чтоб веселье бурлило.

В открытые окна деревья глядят, как из мглы,
И видят невесты и девушек тонкие лица.
Ночь свадьбы идет. Над аулом вершины белы,
На них эта полночь июльская грудью ложится.

А девушки пляшут так плавно, как будто несут,
Боясь, что расплещутся, ведра воды родниковой.
Пусть строчки мои эту плавность их не растрясут,
Пускай сохранит ее прелесть звенящее слово.

Ночь свадьбы идет. В тостах — яркие звезд огоньки
И шелест чинар, что растут за аулом, на воле,
В тех тостах сияют под ясной луной ледники
И дождь шелестит, поливая подсолнуха поле.

Ночь свадьбы идет. Слышен крик: — Бубен, бубен!
Сильней!

Эй, парень, что ноги жалеешь? Гремит плясовая! —
Как будто не знали мы боли и горестных дней,
Так пляшем, поем. Лунным светом дворы заливают.

Мы свадьбу справляем, пируем, беду победив,
Луна нам завидует, хоть и глядит величаво.
У горного лета сейчас как бы счастья прилив:
Леса зеленеют и пахнут высокие травы.

Рассвет наступает. Луны за окном уже нет.
Белеют хребты, где-то солнце встает за горою.
Поднявшись, сказал тамада, освещенный зарею:
— Восславим же радость и выпьем за новый рассвет!

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ЛЕТНИМ ДНЕМ НА ХУЛАМСКИХ ВЫСОТАХ

Как кувшин наполняет вода родника,
Неба синь пусть наполнит здесь сердце мое,
Пусть оденет меня ваша тень, облака.
Пусть мне ветер высот свою песню поет.

Глядя вниз, на долину, с родных моих скал,
Радость жизни земной, песнь слагаю тебе!
На высокий Хуламский взойдя перевал,
Поднимаясь по турьей старинной тропе,

Песнь слагаю про свет и про радость высот,
И про солнце небес, и про травы земли.
Славлю мудрость сердец, дерзкой мысли полет,
Славлю гордость вершин, что сияют вдали.

Перевал Безенгийский пройдя, я внизу
Видел пляски форели, что в речке жила.
А от белой вершины Башиль-Аузу
Несся ливень, как вестник, в аул Думала.

И к высотам Хуламским я голос вознес,
Отдал счастьем и радости светлую дань.
Здравствуй, тучка! Опять взобралась на утес?
Здравствуй, чуткий фазан, легконогая лань!

Человек, что прошел через горы беды,
Он как раненый камень, горевший в огне.
Я простор озираю с родной высоты,
И счастливая песнь возникает во мне.

Перевалы печали и боли пройдя,
Через горя снега, через посвист и вой,
Я с Хуламских высот славлю пляску дождя,
Славу счастью пою, славу жизни земной!..

1963

* * *

Где б ты ни жил — в горах ли, у моря,
Ты мне брат, коль тебе дорога
Вся земля, если святы все взгорья,
Все низины, луга и стога.

На каком бы ни пел ты наречье,
Все равно ты и брат мне и друг,
Если ценишь ты труд человеческий,
Доброту человеческих рук.

Кем бы ни был ты: черным иль белым,
У каких бы ты ни жил дорог,
Ты мне брат, если словом иль делом
В час нелегкий кому-то помог.

Ты — мне брат, ты любимее брата,
Если грудь твою давит и жжет
Боль за всех, кто ушел без возврата,
И тревога за всех, кто живет!

1964

* * *

Идти в снегах по грудь,
Хватает сил покуда,
Идти и этот путь
Не выдавать за чудо —
Вот что такое поэзия!

Свою тропу найти
На неприступном склоне
И сердце пронести
Открытым на ладони —
Вот что такое поэзия!

Дарить любовь свою
И в радости и в горе
И льву, и муравью,
И ручейку, и морю —
Вот что такое поэзия!

В то место, где беда,
С участием и любовью
Спешить в тот час, когда
Сам истекаешь кровью, —
Вот что такое поэзия!

И так болеть за всех,
Чтоб боль твоя была
Сильнее боли тех,
К кому беда пришла, —
Вот что такое поэзия!

1964

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ СВОЕЙ КНИГИ

Земля отцов, прости мое несчастье,
Что смертна каждая моя строка.
Что я не смог, как тот безвестный мастер,
Воздвигнуть стену, что стоит века.

И все ж таки надеюсь, что недаром
Я пел и ложью не позорил уст.
Что делать: рядом с вековым чинаром
Цветет недолго обреченный куст.

Мне сил и слов порою не хватает,
Написанного мной не длинен век,
Но разве оттого, что он растает,
Не должен падать на долину снег?

Пусть уцелеет что-нибудь едва ли
Изо всего, что я успел сказать,
Но по тропе, где скакуны скакали
И мулы шли, неся на спинах кладь,

Я видел: дров охапку еле-еле
Тащил старик, и немощен и бел,
Пусть без следа его дрова сгорели,
Но зимней ночью он детей согрел.

Я тоже падал на поля, бывало,
Как тот недолгий, обреченный снег.
Я тоже нес тепло, хотя и мало,
Как тот согбенный горец-дровосек.

1964

Какого ни прошел бы я ученья,
Каких бы я ни одолел вершин,
Я — прежний горец, и, входя в селенье,
Преображаюсь я — крестьянский сын.

Хоть я научен городским манерам,
Хоть и ношу я тонкое сукно,
Любовь к траве, к земле и к скалам серым
Во мне неистребима все равно.

И часто даже в городах большущих,
Где что ни зданье — храм или дворец,
Я вижу, как во сне, волов жующих,
Бредущих коз, пасущихся овец.

Сын горца, я не промотал наследства,
Быт городов не изменил меня,
Я сед, но вновь мне возвращает детство
Рев буйвола и ржание коня.

И у меня так сладко сердце бьется,
В водовороте дел, тревог, забот,
Когда я вспомню, как бычок пасется,
Как из потока ослик воду пьет.

И тем гордиться буду я до гроба,
Что и моя душа наделена
Крестьянской простотою хлебороба,
Бесхитростностью горца-чабана.

Я много видел городов хваленых
И новые увижу города,
Но все равно, крестьянином рожденный,
Крестьянином останусь навсегда.

1964

* * *

У земли я учился, у неба,
Я все годы лелеял мечту —
Позаимствовать щедрость у хлеба,
У весны перенять доброту.

Хладнокровью учился, бывало,
Я у снега в горах и дождя,
И у речки, которая в скалах
Путь находит, себя не щадя.

У слепых я учился и зрячих,
Я учился всегда и везде,
На чужих я учился удачах,
На своей я учился беде.

Я старался учиться уменью
Видеть в жизни, где правда, где вздор.
Я учился у камня терпенью,
Я учился молчанью у гор.

И философы горских селений
Терпеливо учили меня
Пониманию сложных явлений
И искусству плетенья плетня.

Я не знаю, как долго продлится
Путь мой бранный до смертного дня,
Но я знаю — желанье учиться
Вместе с жизнью покинет меня.

1964

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Люди, не можем достичь мы предела:
Лучшее слово и лучшее дело —
Все еще впереди,
Все еще впереди,
Иди!..

Самая звучная песня — не спета,
Самая лучшая женщина — где-то.
Все еще впереди,
Все еще впереди,
Иди!

Горе забудется, чудо свершится,
Сбудется то, что покуда лишь снится.
Все еще впереди,
Все еще впереди,
Иди!

Не подводите покамест итога,
Самая светлая наша дорога
Все еще впереди,
Все еще впереди,
Иди!

И оттого, что вся жизнь — ожиданье,
Сеется хлеб и возводятся зданья.
Все еще впереди,
Все еще впереди,
Иди!

Созданы лучшие в мире творенья,
Не оттого ли, что жизнь — предвкушение
Всего, что еще впереди,
Иди!

1964

* * *

Я знаю — град пройдет
И ливень прекратится,
И туча проплывет
И новь не возвратится.

Растает снег и лед,
И утечет вода,
Что будет, все пройдет,
Хотя не без следа.

Состарятся юнец
И стройная жеманница,
Останется рубец,
Хоть рана и затянется.

Что было, все пройдет,
Окончится изгнание,
Что жило, все умрет,
Всплывет воспоминание.

Хоть и пройдет беда, —
Снег на висках останется.
Хоть утечет вода,
Русло в песках останется.

Дела твои, слова,
Добро и зло останется.
Хоть прогорят дрова,
От них тепло останется.

Старик-отец умрет, —
Но в детях жить останется.
На свете все пройдет,
На свете все останется!

1964

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спите, люди, тьма кругом,
Спите, ветры и метели,
Спите, речки подо льдом,
Спи, ущелье!

Спи в горах, обвал слепой,
И не грохочи спросонья.
Спи, нависший над тропой
Снег на склоне!

Прибывший издалека,
Миновавший льды и бездны,
Спи под кровом кунака,
Друг любезный!

Спи, все горе на земле,
Боли нам не причиняя.
Навсегда усни в стволе,
Пуля злая.

Смерть, ты тоже отдохни,
Стариков оставь в покое.
Пьяным сном своим усни,
Зло людское!

Спите, люди, в поздний час,
Спите, взрослые и дети,
Будто бы врагов у вас
Нет на свете!

Спящие мы все равны.
Мы во сне — все молодые.
Пусть вам, люди, снятся сны
Золотые.

Пусть придет во время сна
Все, что наяву хотите.
Если совесть не черна,
Сладко спите!

1964

* * *

Нет, не зря в огне костра пылало
Дерево — краса и гордость гор,
И зола не зря золою стала:
Зимним днем нас обогрел костер.

Снег, что шел зимой, весной растает,
Но не зря зимою снег идет:
Хоть растает он, но пропитает
Поле, где весною хлеб взойдет.

Не бесследно то, что проходяще,
Служит в мире все добру иль злу...
Вот и вспомнил я огонь гудящий,
Глядя на остывшую золу!

1964

Ж Е Н Щ И Н А КУПАЕТСЯ В РЕКЕ

Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке,

Нежно положив на плечи ей
Руки золотых своих лучей.

Рядом с ней, касаясь головы,
Мокнет тень береговой листвы.

Затишают травы на лугу,
Камни мокрые на берегу.

Плещется купальщица в воде,
Нету зла, и смерти нет нигде.

В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,

Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

1964

ТЕРПЕНЬЕ

В твой дом несправедливость и беда
Пусть не найдут дороги никогда.

Но если их тебе не избежать,
Умей терпеть, а это значит ждать.

Терпи, как пуля, сжатая в стволе,
Терпи, как порох, спрятанный в земле.

Как терпят боль от топора чинары,
Как терпит камень молота удары.

Есть мужество боренья, но не менее
Благословенно мужество терпения.

Терпенье — вот, мой друг,
Оружие героя,

Коль выбито из рук
Оружие другое.

1964

* * *

Речь горцев не цветиста, а сурова,
Их разговор бесхитростен и прост
Настолько, что боюсь я вставить слово,
Как конь боится выскочить на мост.

Здесь говорят, не повышая голос,
Неприхотлив крестьянский разговор,
Но слово совершенно, словно колос,
Бесхитростно, как каменный забор.

Тревожит рассуждающих не вечность,
Не старый спор: что истина, что прах?
И в речи их нет слова «человечность»,
А просто человечность в их словах.

Течет неприхотливая беседа,
И тем бывает речь омрачена,
Что ночью телка пала у соседа,
Что нет кормов и далека весна.

И о насущном хлебе вновь заходит
Речь горских мудрецов, и речь сама
Родной землею пахнет и походит
На их нелегкий хлеб и на корма.

Я не вступаю в споры-разговоры,
Мне все равно, кто прав и кто не прав,
Мне сладко просто слышать речь, в которой
И доброта хлебов, и мудрость трав.

1964

ПУСТЬ НИКОГДА НЕ УМИРАЮТ ДЕТИ!

Все повидавший на пути своем,
Изведавший все горести на свете,
Из благ земных молю я об одном —
Пусть никогда не умирают дети.

Я понимаю: этому не быть,
Смерть без разбора расставляет сети,
И все ж я не устану говорить:
«Пусть никогда не умирают дети!»

Не распуститься дереву опять,
Которому зимой весна не снится,
О невозможном если не мечтать,
То вряд ли и возможное свершится!

Я мир воспринимаю без прикрас,
И жизнь не в розовом я вижу свете,
И все ж таки кричу в сто первый раз!
«Пусть никогда не умирают дети!»

1964

СТАРУХА СИДИТ НА КАМНЕ

Сидит на камне древняя старуха,
Быть может, камня этого древней.
Что ветер до ее доносит слуха?
Что в этот час дарует память ей?

Она сидит — и вновь семнадцать лет ей,
И за ее спиною две косы.
Она идет к ручью — и парни вслед ей
Глядят и крутят черные усы.

Закрывать глаза — и кто-то скачет в горы,
И на заре стучат в ее окно
Лихие парни, каждый из которых
Холмом могильным стал уже давно.

Немногое ей память сохранила,
Но, хоть она и памятью плоха,
Ей слышен запах городского мыла
От стираной рубахи жениха.

Сидит старуха, смотрит пред собою,
А я молю, пока она живет,
Пусть затуманит время все плохое,
Пусть в памяти все светлое всплывет!

1964

* * *

Не верю тем, чьи никогда
Глаза печалью не туманятся.
Я знаю: плачет и вода
Пред тем, как льдом она затянется.

Река грустит, как мы с тобой,
Хотя и знает: все изменится.
Растает лед, и вновь листвою
Ольха на берегу оденется.

Без грусти лист не упадет,
Без боли ветка не сломается.
Без тяжких мук не тает лед
И льдом трава не покрывается.

Мне видится в закате дня:
Стекает на дорогу пыльную
Слеза крестьянского коня,
Что тянет тяжесть непосильную.

Поэты, знаете ли вы
Печаль травы, под корень скошенной?
Боль выгорающей листвы
И женщины, любимым брошенной?

Уменье жить и не страдать —
Благое свойство не любившего
Заботой согнутую мать
И брата своего погибшего.

Не станет людям веселей
От показного молодечества,
Легко любить все человечество,
Соседа полюбить трудней.

1964

* * *

Я обидел человека, люди,
Нехотя, лениво, без вины,
Люди, вы — свидетели и судьи,
А защитники мне не нужны.

Я забыл извечные основы,
Я не захотел себя сдержать
И свое несправедливое слово
В грудь ему всадил по рукоять.

Я забыл про все, я был жестоким,
Это злое слово оброня,
Горных речек чистые потоки,
Вы не пойте песен для меня.

Я нарушил добрые обычья
И не знал, что злое слово мстит,
Что сильнее обиженных обидчик
Сам страдает от своих обид.

1964

* * *

Я знаю: трудно быть горой,
Хранить покой века.
Я знаю, тяжелы порой
Снега и облака.

Но как прекрасно быть горой,
Вовек не знать забот
И понимать, что над тобой
Лишь снег да небосвод.

Как хорошо на мир глядеть
С той белой высоты,
К которой могут долететь
Лишь птицы и мечты.

Я знаю, трудно быть рекой,
Зимой под снегом стыть,
О камни биться головой,
Чтоб в скалах путь пробить.

Но как прекрасно быть рекой,
Живой водою быть,
Дарить надежду и покой
И буйволов поить,

В сеть рыбаков бросать дары,
Теряться вдалеке,
Быть радостью для детворы,
Что плещется в реке.

Я знаю: трудно быть ольхой
И вянуть каждый год,
Терпеть, что даже зверь незлой
Твою кору грызет.

Но как прекрасно быть ольхой,
Менять наряд весной,
Быть птицам крышею родной,
Влюбленных прятать в зной.

Пусть солнце жжет ее в жару,
Зима несет ей зло...
Как хорошо служить добру,
Как это тяжело!

Но жизнью все живут такой,
Какою могут жить:
Ольхе — ольхой, реке — рекой,
Горе — горою быть!

1964

ЖЕНЩИНАМ, КОТОРЫХ Я НЕ ЗНАЮ

О женщины, которых я не знаю,
Вам эти строки скромные дарю,
Цветы земли, ее вода живая,
Я вас благодарю, боготворю!

Я вам не клялся в верности до гроба,
Не слышал ваших слов, не знал имен,
Но с вами я существовал бок о бок,
Я вас любил и до сих пор влюблен!

Мне лишь украдкой вас случалось видеть,
А потому из вас я ни одну
Не мог задеть нечаянно, обидеть
И неуклюже искупать вину.

Вы не были со мной добры иль черствы,
Но пусть не с вами я встречал зарю, —
За все, что мне дарили ваши сестры,
Я, женщины, всех вас благодарю!

Благодарю вас, женщины, которым
Порой глядел я лишь украдкой вслед:
Но все равно нас восхищают горы,
Хоть их достичь порой надежды нет.

Меня вы успокаивали в горе,
Пусть с вами даже не был я знаком,
Но разве нам покой не дарит море,
Хоть мы вовек воды его не пьем?

О женщины любого в мире края,
За все добро я вас благодарю.
Вам, женщины, которых я не знаю,
Я эти строки скромные дарю.

1964

* * *

Будем искусными, что б мы ни делали, —
Слово чеканим, печем ли мы хлебы,
Дело, как любишь ты руки умелые!
Птица, как любишь ты чистое небо!

Ножнам нужны наостренные лезвия,
Быстрым машинам — пустые дороги.
К чуткому сердцу приходит поэзия,
Пляске подходят лишь легкие ноги.

Требуют наши ремесла и промыслы
Крепкую руку и добрую волю.
Если у гостя хорошие помыслы,
И половицы не стонут от боли.

Любит селение добрые новости,
Зеркало любит счастливые лица.
Пред человеком с нечистой совестью
Даже прозрачная речка мутится.

Любят мечтателей страны далекие.
Поле сраженья не терпит бесчестья.
Узкие тропки, дороги широкие
Любят идущих с хорошою вестью.

1964

Дай мне, дерево, свое цветенье,
Научи терпенью своему.
Подари, скала, свое уменье
Проявлять презренье ко всему.

Ничего такого не умея,
Я терплю порой немало зла.
Дерево, завидую тебе я,
И тебе завидую, скала.

Ветер, дай свободу мне навеки,
Подарите, птицы, высоту.
Подарите беззаботность, реки,
Уступите, горы, чистоту.

Я рожден всего лишь человеком,
И всю жизнь завидую я вам —
Быстрым птицам, беззаботным рекам,
Вольным ветрам, снеговым горам.

1964

ВОСПОМИНАНИЕ О ЗИМЕ

Как будто застыло время,
Я вижу: белы дома,
И снегом пишет в Чегеме
Белую повесть зима.

Путник пришел издалека,
И бурка его в снегу.
У матери в тесте по локоть
Руки... Забыть не могу.

Дорогу и скаты пудрит
Снегами своими зима,
И, значит, на санках утром
Мы будем лететь с холма.

У печки гость запоздалый
Растягивает слова.
Мне дремлется, я, усталый,
Все слышу едва-едва.

А снег все валит на крыши,
Мне веки сон тяжелит,
И гость говорит все тише,
И тише огонь горит.

И вот, убаюканный речью,
Поднять я не в силах век.
И нет ни гостя, ни печи,
А только санки да снег.

Я сплю, чтоб встать спозаранку,
Не зная ни бед, ни зла...
У меня тогда были санки,
И мама еще была.

1964

КОГДА ЦВЕТЕТ БОЯРЫШНИК

Когда цветет боярышник весной,
Я лучшее отыскиваю слово.
Мне кажется, что небо надо мной
Не замутилось облаками снова.

Когда весной боярышник цветет,
Мне кажется, что в мире горя мало,
Что я и сам вовек не знал невзгод,
Что жизнь моя из празднеств состояла.

Весна — цветет боярышник опять,
И кажется — ничья мечта не лжива,
Что нам ни войн, ни горестей не знать,
Что в мире все светло и справедливо.

1964

БОЖИЙ МЕЧ

Радуга, опять на небе радуга.
В ней кизила кровь и зелень трав,
Радуга людей умеет радовать,
Горы и моря собой связав.

Семицветная, семиэтажная,
Все осенено твоим огнем.
Перевалы, скалы, поле влажное,
Женщины, что трудятся на нем.

Знак удачи, радости пророчица,
Может, ты и правда божий меч ¹.
Детям радугу потрогать хочется,
Хочется в игру свою вовлечь.

Меч висит над миром, не качается,
И детишкам хочется узнать,
Где кривое лезвие кончается
И куда уходит рукоять.

Меч твой добр и безобиден, радуга,
Не умеешь мстить ты и карать.
Ты умеешь удивлять и радовать
И надежду слабым даровать.

Радуга. Добры ее зазубрины,
И хоть нет оружия древней,
Ни травинки ею не загублено,
И ничто не пало перед ней.

¹ Радуга по-балкарски «тейри кылыч», что буквально означает: «Божий меч».

Как прекрасно это полукружие,
Что ничьих голов не сносит с плеч.
Уничтожьте, люди, все оружие
И оставьте только этот меч!

1964

ЗДРАВСТВУЙ, УТРО!

Наверно, поступил не мудро —
Уж очень был я молодой,
Что озаглавил «Здравствуй, утро!»
Я самый первый сборник свой.

В то время жили мы на крае
Беды, изгнания, войны.
Я «Здравствуй, утро!» пел, не зная,
Какие утра суждены.

Потом уж я вставал на зорьке
И знал, что ждет меня беда,
И наши утра были горьки,
И горькою была вода.

Но все же я ни в чем не каюсь
И не стараюсь смыть следы.
Я и теперь не отрекаюсь
От песен тех и той воды.

И счастья больше и несчастья
Не впереди, а позади!
Трудней мне дышится, все чаще
Я руку подношу к груди.

Стал и бывалым я и мудрым,
Я видел все: и рай и ад.
Но и сегодня «Здравствуй, утро!»
Твержу, как тридцать лет назад.

1964

ПРОШЕДШИЙ ДЕНЬ

Прошедший день, тебя я не корю!
Ничтожно ль, велико ль твое значенье,
Ты радость мне принес иль огорченье,
Я все равно тебя благодарю!

Каким бы ни был ты, я говорю:
«От твоего начала до предела
Я радовался, мыслил, делал дело,
Я все равно тебя благодарю!»

И, глядя на вечернюю зарю,
Я думаю, что ни ушло б с тобою,
Я жил, я видел небо голубое,
Я все равно тебя благодарю.

Прошедший день мой, я назад смотрю.
Пусть хмур был твой рассвет, печален вечер,
Нам вновь не суждена с тобою встреча,
Я все равно тебя благодарю!

Прошедший день, я снова повторю:
Ты был веселый или же печальный,
Наш все равно печален час прощальный,
Я все равно тебя благодарю!

Частицу жизни я тебе дарю.
Жизнь коротка, а время бесконечно.
«Прощай», — я говорю тебе сердечно,
Я все равно тебя благодарю.

Прощай, тебе я двери отворю.
Прощай, твое тепло, прощайте, птицы,
Все, что принес ты, мне еще приснится,
Я все равно тебя благодарю!

1964

* * *

Пусть мы умрем, но навсегда
Жизнь не исчезнет вместе с нами.
Живым останется вода,
Снег на горах, в каминах пламя.

И низменность, и высота,
Останется зима и лето,
Земля и женщин красота,
Которая до них воспета.

Живым — в садах вишневый цвет,
Гул городов и тишь аулов,
Живым — стремительность ракет,
Медлительность волов и мулов.

Мы оставляем песни рек,
И, может, это ощущение
Для тех, кто завершает век,
Пусть малое, но утешенье.

И, завещая мир живым,
Я буду, может быть, счастливей,
Поверив, что он будет к ним
Добрей, чем к нам, и справедливей.

1964

Я ДОЛЖЕН БЫТЬ БЛАГОДАРЕН СУДЬБЕ

Судьба, склоняюсь низко пред тобой,
Благодарю, что в пору лихолетий
В огне, под снегом или под водой
Мой смертный час нигде меня не встретил.

Я мог и за решетчатым окном,
Где моего никто б не слышал зова,
Окончить жизнь и в мерзлый глинозем
Лечь, не увидев края дорогого.

Ты предо мной не застилала свет,
И все, на что потратил я чернила,
Что для себя писал я столько лет,
В конце концов ты в книги превратила.

Спасибо, что за все мои грехи
Меня ты не лишила дара слова,
Что ветром разнесенные стихи
Ты помогла собрать и вспомнить снова.

Что ты вернула мне, пока я жив,
Снега Эльбруса и рассвет Чегема,
За то, что был я только молчалив
В те дни, когда другие были немы.

Судьба, благодарю тебя за честь
Быть человеком, жить на белом свете,
Что у меня есть руки, ноги есть,
Что я не слеп, не глух и не бездетен.

Благодарю за песню в тихий час,
За то, что я родной землей обласкан,
За то, что видел в жизни я не раз
Цветы на склонах и на свадьбах пляски.

Прости меня, судьба, я жив и рад
Тому, что не пропал в огне и стуже.
Хоть знаю, сколько не пришло назад
Людей из тех, кто был меня не хуже.

Я вижу полдень, полночь и зарю,
Я жизни рад, хоть сам порой не знаю:
Я за себя судьбу благодарю
Или за тех — погибших, проклиная?

1964

* * *

Мила мне в сильных слабость, в слабых сила.
Гром грохотал, раздув свои меха,
Могучий дуб гроза не повалила,
Но выдержала бурю и ольха.

И вот теперь, когда проплыли тучи,
Простая песнь с моих слетает губ,
В которой славлю я не дуб могучий,
А слабую ольху, стоявшую, как дуб.

1964

* * *

Открытие всегда необратимо, —
Что сделано, того назад не взять.
Когда Эйнштейн узнал о Хиросиме,
Он ничего не в силах был сказать...

Когда-то строя цепь своих теорий,
Он не предвидел городов в дыму,
Не знал, что для кого-то станет горем
Закон, пока понятный лишь ему.

Так, значит, все его труды и бденья,
Все то, что счастье принести могло,
Безумный мир во зле и ослепление
Так просто обратил себе во зло.

Во все столетья путь открытий труден, —
Что сделано, того не взять назад.
И Прометей, огонь принесший людям,
В том, что дома горят, не виноват.

Открытие всегда необратимо,
И перед ним его создатель — раб...
Молчал Эйнштейн, узнав про Хиросиму,
Он был, как я, беспомощен и слаб.

1964

МОЛОТ И НАКОВАЛЬНЯ

На свете молот есть и наковальня.
На свете есть дорога и арба...
Не знаю: кто из них многострадальней,
Чья горше, чья счастливее судьба?

Кому из них — не знаю — больше чести,
Кому больней и чей ценнее труд,
Но знаю: молот с наковальней вместе
Железо раскаленное куют.

Чья в их удачах большая заслуга,
Чья в неудачах меньшая вина —
Не знаю я, но знаю: друг без друга
Их жизнь бессмысленна и не нужна.

Не знаю, кто из них звенит печальней,
Кто большее кому приносит зло,
Я только знаю: трудно наковальне,
И молоту — я слышу — тяжело.

1964

СТАРОСТЬ

Нет, старость, горше участи твоей,
Страшна твоя и милость и немилость.
Нет у тебя врагов и нет друзей.
Ты только с одиночеством сдружилась.

Твоя дорога, старость, коротка —
Не далее, чем от плетня до грядки.
И сладкая еда тебе горька,
И горькие воспоминанья сладки.

Ты, старость, — груз, которого не снять,
К земле он тянет, он сгибает плечи.
С тем грузом старики ложатся спать,
Но и во сне он в кровь стирает плечи.

Ты — мертвый остров, где из-под земли
Не бьют ручьи, где не зимует птица,
Куда не приплывают корабли,
Где нет травы и злак не колосится.

Ты — голый остров, где мертвы сады,
Где почва солона и нету света,
Где даже в августе не тают льды
И, чтоб присесть, камней согретых нету.

Ты, старость, — остров; он скалист и крут,
Там высохли все русла и колодцы,
Там нет дорог, но люди там живут,
Живут... А что еще им остается?

1964

МОЛИТВА СКАЛАМ

Я молю, чтоб вы пеплом не стали,
Даже если сожгут вас огнем,
Если пеплом вы станете, скалы,
Чье упорство в пример мы возьмем?

Я молю вас, не будьте недобры,
Я молю вас о милости к нам,
Я молю вас, не станьте надгробьем
Для идущих по вашим камням.

Не клоните голов своих гордых
Даже в самый нерадостный час,
А не то чья свобода и твердость
Будет вечным пределом для нас?

Скалы, наши безмолвные судьи,
В этом мире невзгод и тревог
До скончания века пусть будет
Выше вас только солнце и бог.

Пусть над скалами небо тревожат
Только гром и орлы, как всегда,
Пусть в долинах, у ваших подножий,
В день весенний пасутся стада.

Я молю, чтоб вы пеплом не стали,
Даже если сожгут вас огнем.
Если пеплом вы станете, скалы,
Чье упорство в пример мы возьмем?

1964

ЧЕРНЫЙ КОНЬ УМИРАЕТ НА БЕЛОМ СНЕГУ

Смерть поблажек не знает,
И, упав на бегу,
Черный конь умирает
На белом снегу.

По дорогам горячим
Нес он всадников вскачь,
Где бы ни было скачек,
Он не знал неудач.

Повидал он немало
Рек и склонов окрест.
Привозил он, бывало,
Тонкостанных невест.

Он летел по дороге,
Он спускался с горы,
Были тонкими ноги,
Были уши остры.

Черный конь погибает
От жилья вдалеке,
И слеза застывает
На печальном зрачке.

Сил своих он для дела
Никогда не жалел.
К цели мчаться умел он,
А петлять не умел.

Снег на склоны сползает,
Увядают цветы.
Черный конь погибает.
Жаль такой красоты.

Смерть поблажек не знает,
Всех сгибает в дугу.
Черный конь умирает
На белом снегу.

1964

БУМАГА

Бела бумага, снежных гор белей,
Ребенок учится писать на ней.

И юноша несвязный свой рассказ
На ней любимой пишет в первый раз.

На белизне ее седой поэт
Своим потомкам оставляет след.

И мысли гениальных чудаков
Бумага сохраняет для веков.

Но пишут на бумаге до сих пор
И тайный план, и смертный приговор.

Бумага стерпит все, но и она
Порой бывает от стыда бледна.

1964

* * *

Когда одолевает нас беда,
Достойными нам оставаться трудно —
Беда выталкивает нас туда,
Где воздух сперт, где надышаться трудно.

Но если счастье озаряет нас,
Достойным оставаться трудно тоже,
Нам кажется порой в счастливый час,
Что рядом с нами шар земной ничтожен.

От счастья так нетрудно опьянеть.
Оно вина сильнее нам очи застит...
Жизнь, дай мне силу горе одолеть,
Дай силу сдюжить испытанье счастьем!

1964

МУЗЫКА

Печальна и чиста,
Как жизнь, людьми любима,
Как жизнь, ты непроста,
Как жизнь, непостижима,
Музыка!

Везде, в любом краю,
Летишь ты с губ и клавиш.
Свистящую змею
И ту застыть заставишь,
Музыка!

Ты даришь камню гор
Язык свой чудотворный.
Тюремный тесен двор —
С тобою он просторный,
Музыка!

На свете каждый миг
Мелодия рождается,
Ты — сладостный язык
Дождя, ручья и птицы,
Музыка!

Ты — и весенний гром,
И хлябь ночей ненастных,
Ты стала языком
Счастливых и несчастных,
Музыка!

Ты — немота светил,
Молчание тумана,
Боль тех, кто долго жил,
И тех, кто умер рано,
Музыка!

Пусть в мире прижилась
Лишь часть твоих мелодий,
Твоя безмерна власть
Над теми, кто свободен,
Музыка!

1964

* * *

Приходит грусть почти всегда нечаянно,
Себя к ней не готовит человек.
Наверно, так перед началом таянья
Грустит на перевалах горный снег.

Никто не ищет грусти преднамеренно,
Но отчего-то или без причин
Грустят не то что люди, даже дерево,
Грустит трава долин и снег вершин.

Сегодняшняя грусть моя — посланница
Под вешним ливнем мокнувших высот,
Но скоро дождь пройдет, а грусть останется,
Иль будет литься дождь, а грусть пройдет.

Покуда непогода так упорствует,
Давай не будем тратить время зря.
А будем слушать дождь, как старцы горские,
Друг другу лишних слов не говоря.

1964

* * *

Зимует птица между скал, где лед,
К ее крылу снежинка примерзает.
Порой взлететь ей ветер не дает,—
Как птице тяжело зимой бывает!

Растет трава на скалах и камнях,
Никто ее от бурь не укрывает.
На камни сыплет ветер снежный прах,—
Как тяжело траве в горах бывает!

По снегу едут трактор и арба,
Чуть солнце — снег слезами истекает.
Хоть он и бел, черна его судьба,—
Как снегу тяжело порой бывает!

Река течет зимою подо льдом,
Ей душно и темно, но лед не тает,
И день и ночь река течет с трудом,—
Как тяжело реке зимой бывает!

Но счастлива река — она течет,
И счастлив снег — на солнце он сверкает,
И счастлива трава — она растет,
И птица счастлива — она летает.

1964

ГОВОРЮ С ЧЕРНЫМ ВЕТРОМ

— Я — черный ветер, мне ничто не мило,
Как злая весть, я прихожу в твой дом!

— Ты, ветер, приходил уже, все было,
Ты разорял и рушил все кругом.

— Что, человек, жалеть тебя такого?
Я дом твой повалю и кров сорву.

— Меня ты оставлял уже без крова,
Но я отстроил дом и в нем живу!

— Глупец, твоей гибели я жажду,
Я загашу очаг твой, я — жесток!

— Ты мой очаг гасил уже однажды,
Но я пришел и вновь его разжег!

— Эй, глупый человек, я беспощаден,
Твой уничтожить труд мне хватит сил.

— Однажды ты порвал мои тетради,
Написанное я восстановил!

— Я дуну — и посевы станут пылью.
Я сдую в пропасти твои стада.

— Ты это делал все, но сам в бессилье
Ушел, и зреет хлеб мой, как всегда!

— Нашлю я и пожары и морозы,
Разрушу все, все по ветру пущу!

— Ты приходил уже с такой угрозой,
Но я живу, детей своих ращу!

— Я вижу, на земле играют дети,
Я дуну — и не будет вас вовек.
— Я слышу запах пепла, черный ветер,
Но я сильнее тебя, я — человек!

1964

МОЙ ХЛЕБ И ВОДА

Надежда, что во время снегопада
Не пострадали горские стада,
Что сад не пострадал во время града —
Вот хлеб мой и вода.

Уверенность, что человек неправый
Достоин справедливого суда
И что герой овеей будет славой —
Вот хлеб мой и вода.

Сознание, что буря не сумела
Народ мой уничтожить навсегда,
Сознание, что песня уцелела, —
Вот хлеб мой и вода.

Земля моя, ее рассвет и вечер,
Ее поля, селенья, города,
Родное слово моего наречья —
Вот хлеб мой и вода.

Бывало все кругом черно и серо,
Но все же не сломила нас беда.
Я верил и любил. Любовь и вера —
Вот хлеб мой и вода!

Я перестал бы верить в жизнь, наверно,
Когда бы сомневался иногда,
Что правда и поэзия бессмертны, —
И эта вера — хлеб мой и вода.

1964

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ В ЛУННУЮ НОЧЬ

Дома соседей и тропинки сада,
Где даже в самый лютый зной — прохлада,
Доброй вам ночи!

Все горы на земле, все речки в мире,
Ступеньки, что ведут к моей квартире,
Доброй вам ночи!

Работавшие вечером монтеры,
Шоферы, утром едущие в горы,
Доброй вам ночи!

Балкон, где девушка на солнце грелась,
И зеркало, в которое гляделась,
Доброй вам ночи!

Двор, где с мячом играли ребятишки,
Корыто, где стирали днем бельешко,
Доброй вам ночи!

Мальчишка и его мохнатый мишка,
На полке недочитанная книжка,
Доброй вам ночи!

Мать, что уснула чутко, словно птица,
Влюбленная, которой не ложится,
Доброй вам ночи!

Бессонная река, луна и скалы,
Снега, не превращенные в обвалы,
Доброй вам ночи!

В горах высоких овцы и ягнята
И те, кто сон их охраняет свято,
Доброй вам ночи!

1964

* * *

Все потонуло в снежной белизне.
Стоят деревья тихо и сурово.
Так тихо все вокруг, что страшно мне
Вздохнуть неловко иль промолвить слово.

Все тихо. На деревьях белизна,
И с каждою секундой мне яснее,
Что это — не снега, а письма, а
Которые читать я не умею.

Я вижу там, за белою ольхой,
Неслышные, куда-то мчатся кони,
И кто-то падает на снег сухой,
И тает где-то облако погони.

И чудно оживает все кругом.
Нет, это не блажная мысль пришла мне,
А виденное на веку своем
Припоминают деревья и камни.

Здесь не снега, которым нет границ,
Не белый лес при сумеречном свете,
А вышивка искусных мастериц,
Сработанная в прошлые столетья.

Здесь не стволы дубов и тополей,
А то, о чем мечтал мой дальний предок,
И сказка бедной матери моей,
Рассказанная ею напоследок.

Ночь наступает, не видать ни зги,
Стоят деревья тихо и сурово.
Слышны мои неслышные шаги,
И я вздохнуть боюсь и молвить слово.

1964

ПЕСНЯ КАМНЯ

Не сравнивай со мною
Сердца, в которых — зло.
Сравнение такое
Мне слышать тяжело,
Мне больно!

Я всех берег послушно
От стужи и огня,
С сердцами равнодушных
Не сравнивай меня,
Мне больно!

Когда вы холодали,
Огонь я высекал,
Когда вы умирали,
Я в головах вставал.
Мне больно!

Гляжу на жизнь я строго
Я мрачен и устал,
Не оттого ль, что много
Я горя повидал.
Мне больно!

В ущельях ветры дули,
Ложилась пыль и грязь,
Меня крошили пули,
И кровь по мне лилась.
Мне больно!

Увы, и я не вечен,
Как все, что под луной.
Ты тех, кто бессердечен,
Не сравнивай со мной.
Мне больно!

Ты взял себе в науку
Терпение мое.
Мне причиняет муку
Сравнение твое.
Мне больно!

1964

* * *

Пусть пролетит за веком век.
Но все ж, как с самого начала,
Не перестанет человек
Грустить о том, что прожил мало.

Не сможет человек, сумев
Понять, насколько он не вечен,
Смириться с тем, что жизнь дерев
Длиннее жизни человеческой.

Я знаю, будет удручен
Мудрец трехтысячного года,
Когда подумает и он
О неизбежности ухода.

Столетий сколько б ни прошло,
Не будут люди тем гордиться,
Что ворон, каркающий зло,
Живет счастливей певчей птицы.

Жизнь без печалей и забот
Нам, людям, может только сниться...
Покуда дерево растет,
На землю тень его ложится.

И, взгляд свой обращая вдаль,
Не понимают только дети:
Покуда будет жизнь на свете,
На свете будет и печаль.

1964

В ДОЖДЬ

Дождь, дождь идет, в дожде каменоломня,
Орешник, тополя, громады скал.
Когда ты был живым еще, я помню,
В ущелье нас такой же дождь застал.

Такой же дождь шел на тебя, живого,
Какой идет сегодня не спеша,
И о тебе напоминает снова,
Густой травой и листьями шурша.

Я стал нередко думать, став старее,
О том, что жизнь вершит неправый суд,
Что умирают лучшие скорее,
Что лучшие себя не берегут.

Мне кажется, к достойным время строже,
Судьба наносит больше им обид,
Людей, которыми гордиться может,
Растрчивает мир и не щадит.

Как птица после дальнего полета,
Я спать хочу, забился я в углу,
Я слышу, дождь идет, а может, кто-то
Стучит тихонько пальцем по стеклу.

На землю льется добрый дождик лета,
Стучат по крыше струйки вперебой,
И кажется, что побывал он где-то,
Где ненароком встретился с тобой.

1964

* * *

Над раной шутит тот, кто не был
ранен.

Шекспир

Я видел, как селенья догорали,
Как люди умирали на снегу,
Я, видевший, как люди умирали,
Не ненавиdetь смерти не могу.

Я знал людскую злобу, зависть, лживость,
И надо мной гремел напрасный гром.
Познавший на себе несправедливость,
Я не могу не быть ее врагом.

Над раной может только тот смеяться,
Кто в жизни не был ранен никогда.
Я не могу беды не опасаться,
Я знаю, какова на вкус беда.

Один и тот же сон мне часто снится —
Над городом летящий самолет.
И я боюсь, что сына мать лишится,
Что юноша к любимой не придет.

Я, видевший и хоронивший павших,
О мире человечеству молюсь.
И голодавший сам и холодавший,
Я голода и холода боюсь!

И — сам прошитый пулями насквозь — я
Сегодня упиваюсь мирным днем.
Я славлю камни, яблони, колосья
И вертел над пастушеским огнем.

1965

У РЕКИ

Журчит река в рассветный час,
Никак не успокоясь,
Ольхе свою в который раз
Рассказывает повесть.

А я на берегу прилег,
И кажется мне, будто
Не речку — друга говорок
Я слышу в это утро.

Когда к камням родимых скал
Вернулся я в то лето,
Сказали мне, что ты пропал,
И я поверил в это.

Но вот слова твои слышны,
Как дальней той весной,
И будто не было войны,
И ты опять со мной.

Скрипит ольхи высокий ствол...
Как мог я примириться
С тем, что, откуда я пришел,
Тебе не возвратиться?

И я не знаю: в тишине
Река ль сплетает повесть
Иль, может, говорит во мне
И боль моя и совесть?

1965

ПЕСНЯ СКАЛОЛАЗА

Скалы вершина не видна:
Скрывают облака,
Как жизнь людей, скала трудна,
И пропасть глубока.

В снегах дорога не видна —
Жить хочешь, так держись.
Дорога, как судьба, темна,
Трудна тропа, как жизнь.

Немало у людей забот,
Нередко путь во мгле,
Я знаю: скалолаз и тот,
Кто ходит по земле.

Порой мне кажется: навек
Застрял я между скал.
Застлал глаза мне белый снег,
Туман тропу застлал.

Всегда дорога тяжелей,
Чем ближе край пути.
О сердце матери моей,
Тропу мне освети!

Порою и внизу беда
Подстерегает нас,—
Кто ходит по земле всегда,
Тот тоже скалолаз.

Скалы вершина не видна:
Скрывают облака.
Как жизнь людей, скала трудна,
И пропасть глубока.

1965

СКАЛЫ В ЛУННОМ СВЕТЕ

В горах травы ковер
Слегка уже примят.
Вдали на фоне гор
Задумчиво стоят
Скалы в лунном свете.

И падает в окно
Тень от старинных башен,
От вала, что давно
Совсем уже не страшен,
И скалы в лунном свете.

Вон сад, он в горы врос,
Там от деревьев тень.
Близ мельниц тень колес,
Скрипевших целый день,
И скалы в лунном свете.

Под окнами домов
Тень крыш и тень оград.
В кюветах — тень столбов,
Что вдоль дорог стоят,
И скалы в лунном свете.

Тень школы под горой,
Дорогу перейдя,
Дрожит в реке ночной,
Большой после дождя,
И скалы в лунном свете.

Мечеть совсем дряхла,
Но обладают тенью,
Когда луна светла,
И дряхлые строенья,
И скалы в лунном свете.

Тур дремлет, и во сне
Он видит ширь лугов,
А на его спине
Тень собственных рогов,
И скалы в лунном свете.

И до начала дня,
И до скончанья лет
На сердце у меня
И тень, и лунный свет,
И скалы в лунном свете.

1965

РЕЧКИ ДЕТСТВА

У всех у нас вначале были речки,
С их берегов мы начинали путь,
В их водах, маленькие человечки,
Учились мы нырять и не тонуть.

Пусть эта речка — мелкий ручеек.
Ее течение — это твой исток.

Закрой глаза на миг, и ты воочью
Увидишь речку детства своего.
Ты плеск ее услышишь темной ночью,
Когда не слышно в мире ничего.

Она течет, хоть ей и невдомек:
Ее течение — это твой исток.

В чужом краю, в изгнанье, перед боем,
Пусть далеко твоя река, но все ж
Ты плеск ее услышишь пред собою,
Уснешь на миг — губами к ней прильнешь.

Прильнешь, и ты уже не одинок,
Ее течение — это твой исток.

Коснись реки, и станешь ты моложе,
И голос матери услышишь в ней.
Чего б ни видел, сколько б лет ни прожил,
Чем дальше речка, тем она слышней.

Пусть плеск ее далек, далек, далек,
Ее течение — это твой исток.

1965

* * *

Мне снится детство: мать из дома вышла,
Идет, пропалывает огород,
В саду чуть слышно зацветает вишня,
И зной печет, и добрый дождик льет.

Струится пот, и мать, сгибая спину,
Судьбу благословляет каждый день
За солнце, согревающее глину,
За облака, дарующие тень.

Пусть гром гремит за дальнею горою,
Пусть с неба солнце летнее палит,
Чинара от дождя ее укроет,
Родник холодный жажду утолит.

Вот, вытирая руки о передник,
Она стоит, все на земле ей впрок:
И гром, гремящий за горой соседней,
И дождь, поящий редьку и чеснок.

Я сплю, и детство входит в сон мой сладкий,
Весенний дождь и солнце снятся мне.
И женщину, копающую грядки,
Еще живую вижу я во сне.

1965

Я спал в траве однажды, и под утро
Необычайный сон приснился мне.
Мне снился чудный сон, мне снилось, будто
Все беды мира были лишь во сне.

А наяву мир не будили трубы,
Не строились во фронт ефрейтора,
И венский обыватель Шикльгрубер
По-прежнему подручный маляра.

И не было ни пламени, ни дыма,
И нету крови ни на чьей душе,
И в прах не превращалась Хиросима,
И друг мой не погиб на Сиваше.

Я спал в траве, мне снилось этой ночью,
Что счастлив мир, нет ни на ком вины,
Что мать меня встречала в доме отчем
В тот день, когда вернулся я с войны.

Что нету истин правильных, но стертых,
Что время не было вовек таким,
Когда мы дружно проклинали мертвых
И памятники ставили живым.

Мне снилось, что прошли все беды мимо,
Я тихо спал в траве, и снилось мне:
Прах Хиросимы, печи Освенцима —
Все это с миром было лишь во сне.

1965

БЫЛ Я ПОДПАСКОМ

Был не всегда я унылый и старый,
Мальчиком был я, шагал за отарой.

Шел я, как все молодые подпаски,
Стадо над пропастью гнал без опаски.

Гнал я отары, не ведая робости,
Камни кидал в стометровые пропасти.

Шел, избегал я снегов оползающих,
В небе считал журавлей улетающих

И наблюдал с одинокой скалы,
Как над вершинами бьются орлы...

Годы минули, как тучи весной,
Все изменилось, а он предо мной —

В свете давно отгоревшего дня
Мальчик-подпасок глядит на меня.

Мы неразлучны, со мной он пожизненно,
Смотрит порой на меня укоризненно.

Или кивает, смешной человек,
Зубы сверкают его, словно снег.

Нет мне покоя. Дожив до седин,
Где бы ни спрятался, я не один.

Слово ли, строчка фальшиво звучит,
Живо судья мой меня уличит.

Он осуждает меня, и бывает,
Рву я страницы, а он мне кивает.

1965

ГОРА

Блестящая снегами в вышине,
Вершин твоих кто выше, кроме бога?
Я был мальчишкой, и хотелось мне
Тебя достать, твой белый снег потрогать.

Я на тебя глядел издалека
И шел вблизи, меж скал твоих петляя.
Порой казалось: ты уже близка,
И я смеялся, мула погоняя.

Не за горой уже конец пути,
Немало позади дорог и бедствий.
Я скоро вовсе не смогу идти,
А ты все так же далека, как в детстве.

Ты, как всегда, стоишь белым-бела,
И вечность, а не я, твой собеседник,
И так же как в мой первый день была,
Ты будешь далека в мой день последний.

1965

ИДУ В ГОРАХ

Все дальнее — в снегах,
Все ближнее — в тумане.
Иду и гор в горах
Не вижу я в тумане.

Все наверху темно,
Там вечных льдов соседство,
Там я давным-давно
Свое оставил детство.

Молчат хребты, тая
И гнев снегов, и милость,
Там молодость моя
Брела да заблудилась.

И, может, у высот
Застыл в тумане синем
Обвал, что погребет
Меня в своей лавине.

И, может, я навек
Останусь бездыханный,
Когда сорвется снег
На этот склон туманный.

С далеких тех высот,
К которым я все ближе,
Я слышу — снег ползет,
И ничего не вижу.

Все дальнее — в снегах,
Все ближнее — в тумане.
Иду и гор в горах
Не вижу я в тумане.

1965

* * *

Каждая чинара или вишня
Наземь разную бросает тень.
День хотя и пасмурный, но вещный —
Не походит на осенний день.

И в одном лесу — лесу зеленом
У деревьев разные стволы,
Белые снега на разных склонах
Все-таки по-разному белы.

Всяк свою несет на свете службу,
Всяк по силам поднимает кладь,
И туда, где камень ставить нужно,
Дерево не надо примерять.

Есть у всех свои печаль и горе,
Путь у всех по-разному далек.
Оттого, что существует море,
Высохнуть не должен ручеек.

Одинаковыми не бывают
Ни копыта, ни рога быков.
И во мне ты не ищи, родная,
Ни чужих достоинств, ни грехов.

1965

* * *

Я рвал кизил, не зная горя,
Я шел — не выбирал дорог.
А мне навстречу, тараторя,
Бежал шумливый ручеек.

Навстречу мне бежал ручьишко,
Он радостно журчал и пел,
Не оттого ль, что много слишком
Он сил растратить не успел.

Чего ж ты помолчать не хочешь,
И, вырываясь на простор,
Чего журчишь ты, и хохочешь,
И затеваешь с кем-то спор?

Я молод был; как речка в поле,
Сам торопился и шумел,
Болтал и пел не оттого ли,
Что для молчанья не созрел.

1965

РУКИ

Ты будь, моя рука, рукой мастерового,
Рукой, что серп кует и высекает слово.

Ты будь, моя рука, рукою чабана,
Рукою, что весной бросает семена.

Добро и зло всегда — все совершают руки,
И строят города, и разрушают — руки.

Всё — дело рук людских: они куют и пашут,
Они и ранят нас, и раны лечат наши.

Все разное у людей, различны имена,
Различен взлет бровей и кожи белизна,

Различна форма глаз и очертанье ртов.
Есть руки палачей и руки мастеров.

Есть руки, что плетут кому-то сеть умело,
И те, что создают «Полтаву» и «Отелло».

Одни цветы растят и трудятся до пота,
Другие нож вострят, чтобы всадить в кого-то.

Так будь, моя рука, рукой мастерового,
Рукой, что серп кует и высекает слово.

1965

* * *

Случаются такие времена,
Когда в мой дом влетает ветер черный,
Когда мне кажется, что грош цена
Всему, на что потрачен труд упорный.

Сомнения мне покоя не дают,
Гремлю я, как посудина пустая,
Ко всем, не знающим таких минут,
И зависть и презрение питаю.

Я в час такой боюсь своих стихов,
Мне кажется, что жизнь моя бесплодна,
А черный ветер лют, и я готов
От слов своих бежать куда угодно.

Но вдруг услышу голос в тишине,
Какой-то свет блеснет издалека мне,
И слово пробивается во мне,
Как веточка зеленая на камне.

И вновь мне кажется, что я постиг
Язык лугов и речек всех на свете,
И черный ветер улетае вмиг,
И в дом ко мне влетает белый ветер.

И снова входит жизнь в свои права,
Я — царь земной и бог, сошедший с неба,
И обретают вечные слова
И свежесть трав, и первозданность хлеба.

1965

* * *

Таких на свете нету островов,
Где горе человека не тревожит.
Огонь, который лижет чей-то кров,
И твоего коснуться крова может.

Нет мест, где горе не простерло крыл.
Твой дом — не остров в водах полуденных
Но если б даже островом он был,
Нет островов, от бури защищенных.

Когда в селенье чей-то дом в дыму,
Не верь, что все счастливо обойдется.
Не пожелай пожара никому,
Не то и стен твоих огонь коснется!

1965

* * *

Наверно, и чинара не мечтает,
Чтобы весна стояла круглый год:
Коль снег не выпадет и не растает,
Чинара и весной не зацветет.

Чем больше снега, тем суки упорней,
Сильнее ветви, если снег тяжел,
Чем беспощадней ветер — крепче корни,
Чем вьюга злее, тем живучей ствол.

От пламени не станет пеплом камень,
В грозу не поколеблется скала...
Я не молил: усыпьте путь цветами,
Чтоб жизнь моя лишь праздником была.

1965

* * *

Большая боль не вопиет,
Печаль всегда немногословна.
В горах безмолвно тает лед,
Пересыхает пруд безмолвно.

Давно, еще на той войне,
Мои друзья без вести где-то
Пропали, не оставив мне
Ни завещанья, ни завета.

Им, превратившимся во прах,
Не знать ни наших снов, ни бдений.
Не видеть им у нас в глазах
Своих нечетких отражений.

Погибшим, не услышать им,
Как дождь весной стучит по крыше,
И что о них мы говорим,
Им не узнать и не услышать.

Боль не криклива никогда,
Печаль не терпит жалоб длинных,
Безмолвна и суха беда,
Как горлышки пустых кувшинов.

1965

* * *

Друзья мои, родня —
Ткачи и хлеборобы,
Учили вы меня
На мир глядеть без злобы,

Тем не желать невзгод,
Не посылать проклятий,
Кто мыслит и живет
Вразрез с моим понятием.

Учили добрым быть,
Не говорить лукаво
И прежде, чем судить,
Знать, что имею право.

1965

* * *

Зло только зло родит
И ничего другого.
В ответ лишь зло обид
Рождает злое слово.

Свинец в стволе не спит,
Он кровь и месть рождает,
И камень с гор летит
И камень увлекает.

Иного ничего —
Зло только зло рождает,
Быть может, оттого
Оно не иссякает.

1965

* * *

Среди миров огромных и светил
Пусть я всего песчинкой малой был.

Но и песчинкой малой — и таким,
Наверное, я был необходим.

Моя была мгновенна с жизнью связь.
Но жизнь и без меня не обошлась.

1965

* * *

Пусть я для жизни был
Лишь камешком, не боле,
Но я, покуда жил,
Ее исполнил волю.

1965

* * *

О смерть, свой страшный срок
Отсрочь,— прошу, как чуда:
Я лучшего, что мог,
Не написал покуда.

1965

* * *

Хоть он о том не проявлял заботы,
Но мужественно прожил весь свой век,
Не для кого-то и не для чего-то,
А потому, что был он Человек.

Как жил всегда, на жизнь без страха глядя,
Так встретил смерть, когда свой прожил век,
Не для кого-то, не чего-то ради,
А потому, что был он Человек.

1965

* * *

Ненужного на свете нет,
Я в это твердо верю.
Тропинке нужен каждый след,
Жилью — и кров и двери.

Букашка, может, и вредна,
Но что нам делать с нею —
Ведь без нее была б весна
Скупее и беднее.

Ненужного на свете нет,
Все нужно — ствол и пенъ.
На пенъ старик, что слаб и сед,
Присядет в жаркий день.

1965

* * *

Не ропщет на свою судьбу зерно,
Что зря растет, не думает оно.

Весь мир из малых зерен состоит,
И потому нет у зерна обид.

И хоть зерно лишь капля и не боле,
Из капель море состоит и поле.

1965

* * *

Спасибо вам, мои учителя,
Вам, горцам, мудрым, как сама земля.

Я ваш закон перенимал с любовью,
Учился вашему немногословью.

Учился я молчанью вашей боли,
Учился речи доброй в час застолья.

1965

ПЕСНЯ НОЧИ

Ночь застилает свет, скрывает след.
Я ночь, но вслед за мной идет рассвет.

Идет рассвет, он дарит свет всему
Тому, что погрузила я во тьму.

Придет рассвет, разбудит города,
Я усыпила их не навсегда.

Он с клювов певчих птиц сорвет печать,
Хоть я их и заставила молчать.

И где-то зазвонят наверняка
По днищам ведер струйки молока.

Несу я сны, что вас бросают в пот,
Но вы терпеть должны: рассвет идет.

Всему — и мгле ночной — бессмертья нет.
Я ночь, но вслед за мной идет рассвет!

1965

* * *

Унеси, река, печаль и горе,
Всё, что я ношу в своей груди,
Унеси мои невзгоды в море,
От беды меня освободи.

Унеси, река, своим теченьем
Или же поглубже спрячь на дно
Все мои надежды и стремленья,
Если сбыться им не суждено.

Помню я изгнанья и скитанья,
Не стряхнуть мне груза, тяжело мне,
На моих плечах воспоминанья,
Словно камни у тебя на дне.

Память я несу по белу свету,
Я нет-нет да оглянусь назад.
У тебя воспоминаний нету,
И мои тебе не повредят.

1965

* * *

Жизнь уготовит нам с тобою
Немного меду, много соли,
Чем раньше это мы усвоим,
Тем испытаем меньше боли.

1965

* * *

Лямку я тянул, я спину гнул,
Не жалел ни лет своих, ни пота,
Я работал, терпелив, как мул,
Весел, словно ласточка, работал.

Может быть, поэтому всегда,
Где б я ни был: дома или в поле,—
Для меня была вкусна вода,
Сладок ломоть с крапинами соли.

Мне моя работа помогла
Навсегда постигнуть, между прочим,
Отчего так птица весела,
Почему так мул сосредоточен.

1965

ВИШНЕВЫЙ САД

Весенним цветом вишня расцвела,
Но небо над садами брови хмурит.
Кто будет ей спасением от зла,
Кто сможет защитить ее от бури?

Под небом вишни белые стоят —
Так на земле бывает лишь весною, —
Но меркнет небо, назревает град.
Мне страшно, пусть пройдет он стороною!

Как мысль в стихе, непрочен вишен цвет,
Как сон ребенка, зыбко их цветенье.
И если от грозы защиты нет,
Пусть совершится чудо их спасенья!

Когда цветет вишневый сад, он — сед,
И кажется, что он — мой друг давнишний,
И у меня в глазах вишневый цвет
И в сердце доброта цветущей вишни.

Цветут сады, а мной владеет страх.
Сады белы, покуда не опали.
А я бывалей их: в моих глазах
Уже мелькнул привычный блеск печали.

Кто может знать, что будет впереди?
Цветут сады, а небо тучи хмурит,
И я взываю к миру: огради
Вишневый сад от града и от бури!

1965

* * *

Я задохнусь однажды под снегами,
Но погребет не всех людей обвал,
Поток, который сдвинет с места камень,
Не сможет сдвинуть с места гор и скал.

Боль, что моей предсмертной болью будет,
Идущих вслед за мной не свалит с ног.
Достигнут в должный срок другие люди
Вершин, которых я достичь не мог.

Не пройденные мною перевалы
Другие покорят, придет пора.
Слова, что не давались мне, бывало,
Отыщут молодые мастера.

1965

* * *

Я чувствую, что гром таится в туче,
Укройте, дети, я за вас боюсь.
Я слышу близость бури неминучей,
И я за пастухов сейчас боюсь!

Мне кажется: в ущелье волк таится,
Я за ягнят, я за козлят боюсь,
По пояс на полях стоит пшеница,
Густеют тучи, будет град, боюсь!

Я слышу приближение метели.
И я боюсь за пламя очагов,
Мне страшно за дома и колыбели,
За кладь коней и груз грузовиков.

Боюсь я, не нависли бы лавины,
Боюсь, не замутилась бы вода.
Так много пережившие мужчины,
Боюсь, не захлестнула б вас вражда.

Лавины копят, бушует море,
Порой бывает, я всего боюсь.
Наш мир, познавший столько бед и горя,
Ожесточенья твоего боюсь.

1965

ДОЖДЬ ИДЕТ

Дождь, снова дождь, и небеса во мгле.
Иди, как прежде, встань со мною рядом.
Дождь о своей любви твердит земле,
Он говорит, мне говорить не надо.

Дождь, снова дождь, а нам не привыкать,
Под дерево иди, постой со мною.
А может быть, не дождь идет опять,
А молодость проходит стороною.

Дождь, снова дождь, а может статься, вдруг
Все вспять пошло, и стали мы моложе.
Я стих, как птицу, выпустил из рук,
Но ничего и он вернуть не может.

Дождь, снова дождь, я слушаю рассказ,
Как любит он любовью неземною.
Дождь, снова дождь, он говорит о нас.
Иди скорей сюда, постой со мною.

1965

* * *

Твоим рукам, дарующим тепло,
Пусть будет хорошо всегда и всюду.
Твоим глазам, лучащимся светло,
Пусть будет хорошо всегда и всюду!

Глазам, что только небесам под стать,
Пусть будет хорошо всегда и всюду.
Губам, чей мед я пил как благодать,
Пусть будет хорошо всегда и всюду!

Бровям, бросающим на щеки тень,
Пусть будет хорошо всегда и всюду.
Плечам, что обнял я в счастливый день,
Пусть будет хорошо всегда и всюду.

У женщины всему особый счет.
Кто знает, что постыло ей, что мило?
Я не герой, скорей наоборот,
Но ты меня за что-то отличила.

Хоть и поныне я не вникнул в суть,
Не понял до сих пор твою причуду,
Куда б ты ни направила свой путь,
Пусть будет хорошо тебе повсюду.

1965

ТЫ РАСПУСТИЛА ВОЛОСЫ СВОИ

Ты распустила волосы свои —
И мир наполнился одновременно
Благоуханьем и травы и сена.
Ты распустила волосы свои.

Ты распустила волосы свои,
И я забыл нелегкие дороги,
Забыл обиды и забыл тревоги.
Ты распустила волосы свои.

Ты распустила волосы свои —
И я не стихотворец сумасшедший,
А генерал, с победою пришедший.
Ты распустила волосы свои.

Ты распустила волосы свои —
Я пьян, и нету сладостнее хмеля,
Чем хмель не от вина — от виноделья.
Ты распустила волосы свои.

1965

Я ЛЮБЛЮ ТВОИ ГЛАЗА

В светлый час, когда ты весела,
Я люблю глаза твои, но, может,
В час, когда печаль на них легла,
Мне твои глаза еще дороже.

Я люблю глаза твои всегда —
И когда вдруг солнце в них сверкает,
И в мгновенье краткое, когда
Кажется, в них вечность застывает.

В час, когда все хорошо идет,
Предо мною глаз твоих свечение,
Мне они нужны в часы невзгод,
Ибо в них ищу я утешенье.

Я читаю в них вину свою
И свое читаю оправданье,
В них я видел и весну свою,
И свое увижу увяданье.

1965

* * *

Люблю я свежевывитые окна,
Я припадаю к ним, и глух и нем,
И вижу сквозь невидимые стекла
Вблизи дома, а вдалеке Чегем.

В его горах мой голос детский скалы,
Быть может, повторяют до сих пор.
Быть может, с той поры орел бывалый
Парит поныне над зубцами гор.

Люблю я свежевывитые окна
В погожий день, когда вокруг светло,
В грозу, когда снаружи все намокло,
И дождь, как пальцем гость, стучит в стекло.

Люблю я свежевывитые окна,
Люблю стоять тихонько у окна,
Когда через невидимые стекла
И в дождь и в мрак вся жизнь твоя видна.

1965

СПАСИБО, ЖИЗНЬ!

Жизнь, я не злобствовал, тебя кляня,
Не кланчил у тебя полегче участь,
Не ныл, чтоб ты возвысила меня,
Других принизив или же измучав.

Тебя беспечной быть я не просил,
Поблажек не вымаливал слезливо,
Просил, чтоб ты ко всем по мере сил
Была б добра, а значит, справедлива!

Мне не нужны ни слава, ни успех,
Но я просил, чтоб ты дала мне дело.
И если трудно осчастливить всех,
Чтоб ты хотя бы этого хотела!

Я, люди, бед не насылал на вас!
Какою бы ни мучался тоскою,
Родимых гор не клял, лишь в горький час
Я слезы лил, прижавшись к ним щекою.

Ты, жизнь, лечила боль моей души,
Чтобы я мог забыть о боли тела.
И ты меня жалела и в тиши
Листвой своих деревьев шелестела.

Земля, я падал с твердых скал твоих,
Твоих коней седлал я беспокойных,
Плясал на шумных праздниках твоих
И целовал твоих красавиц стройных.

Любил я горы белые, как мел,
Любил твои селенья и кочевья,
В твоих лесах я тихо песни пел,
И слушали меня твои деревья.

Великий мир, послушай голос мой
И зноем не сожги посевы в поле,
Поболе путников верни домой
И вылечи больных людей поболе.

Пусть хлеб не будет горек и вино,
Пусть миром доброта, не злоба, правит.
И если граду падать суждено,
Пусть он посевы в целости оставит.

1965

* * *

Весна уходит, но весна вернется,
И снова травы на лугу пробьются.
Уходит осень, и она вернется,
А я уйду и не смогу вернуться.

Вернется туча, снова дождь прольется,
Напоит землю, серую от жажды,
Растает снег и вновь зимой вернется,
Я не вернусь, когда уйду однажды.

Уходит утро, и оно вернется,
Уходит день, и он придет обратно.
Хоть ночь уйдет, но все равно вернется,
Лишь человек уходит безвозвратно.

1965

ДОМ И МИР

Я отчий край любил всегда,
Где ел я хлеб, где пил я воду,
Но я любил и города,
Любил края, где не был сроду.

Я жил близ гор, покрытых льдом,
Почти что на краю России,
И ветры в мой некрепкий дом
Врывались добрые и злые.

Вы плохи или хороши,
Но, право, лучше стыть в могиле,
Чем знать, что нету ни души
В краю, где рождены вы были.

Непрям и труден был мой путь,
И я теперь прошу, как милость,
Чтоб не пришлось кому-нибудь
То пережить, что мне случилось.

Чтоб не запахло вновь войной,
Чтоб без надежды и без хлеба
Мой не остался край родной
Иль край, где я ни разу не был.

Прошу я мир — не будь суров
И не лишай тепла и крова
Людей всех сущих городов
И края моего родного!

1965

* * *

Сверкает солнце или ветер воет,
Извечным истинам наперекор
Я видел: снег соседствует с травой
Нередко на отвесных склонах гор.

Трава и снег, и так оно от века,
Мы, горцы, знаем: в этом чуда нет.
И первая заря, коснувшись снега,
И на траву бросает щедрый свет.

И так всегда, и горевать не надо —
Примите это, как совет благой,—
Живет удача с неудачей рядом,
Одна из них приходит вслед другой.

Так почему же сам я силы трачу,
Не сплю порою ночи напролет,
Коль ведомо, что вслед за неудачей
Удача обязательно придет?

И почему, когда мне все известно,
От неудач я мучаюсь весь век?
Не потому ль, что я — не склон отвесный
И не гора, а только человек!

1965

* * *

О солнце и камень, земля и трава —
Веками заучены эти слова!

Напившись воды и наевшись травы,
Буйвол не в силах поднять головы.

Стоит он и чешет о камень свой рог,
И время течет для него, как песок.

А горы белы, как вдали корабли,
О счастье мое, о бессмертье земли!

1965

РАССТАВАНЬЕ

Расставанье, твой прощальный час
Черным солнцем озаряет нас,

И черна, как днище казана,
Всходит черная твоя луна.

Тяжкая минута расставанья,
Пахнет порохом твое названье.

Я постиг мелодию разлук —
Падающих листьев горький звук.

Всплеск реки, куда с вершины скал
Человек подстреленный упал.

1965

* * *

Дождь прошумел и скрылся за холмы.
Дожди уходят, как уходим мы.

Дождь — сочетанье капель, дождь — вода.
Но даже он пройдет не без следа.

Нам дождь служил, пока хватало сил,
Питал он реки и поля поил.

Дожди уходят прочь, как мы уйдем,
Просохнет камень, политый дождем.

Лугов и пашен жажду утоля,
Дожди пройдут, останутся поля.

Просохнет камень, политый дождем,
Но будет камень жить и чернозем.

Уходит дождь за дальние холмы,
Дожди уходят, как уходим мы.

1965

* * *

Река бежит, скалистый берег гложет,
Но жить без берегов река не может.

Жизнь — как река, ей тоже течь и течь.
Но берег жизни нашей — наша речь.

Замрет и высохнет наверняка
Без слова жизнь, без берега — река.

Когда иссякнет вдруг людская речь,
Не испечется хлеб, погаснет печь.

Бессмертье — блажь, и смертен даже тот,
Кто слово лучшее произнесет.

Но слово жить останется навеки,
Как жизнь, как хлеб, как берега и реки.

1965

ПЕСЕНКА, СЛОЖЕННАЯ В ДОРОГЕ

Эту песню я в пути сложил,
Чтобы стал короче путь мой длинный.
С этой песенкой я рвал кизил,
Лакомился в зарослях малиной.

Эту песню на краю леска
Я сложил, тряся кусты орешин,
Что-то грустно было мне слегка,
Этой песней я себя утешил.

Я ее сложил, когда сидел,
Отдыхая под чинарой старой,
Я ее сложил, когда глядел
На людей, бредущих за отарой.

Эту песню пел я в тишине,
Озаренный солнцем лучезарным,
Было хорошо и ей и мне,
Мы за это миру благодарны.

Одному нерадостно идти,
Одному всегда трудна дорога.
Эту песню я сложил в пути,
Чтобы стало легче мне немного.

1965

ВЕСЕЛАЯ ПЕСЕНКА

Тебя я ловил,
Как в Баксане форель,
У сердца носил,
Как ягненка в метель,
Веселая песенка,
Веселая песенка.

В тебе различал
Я и слезы, и смех.
Тебя я сшибал,
Словно с ветки орех,
Веселая песенка,
Веселая песенка.

Со мной отправлялась
Ты в лес по дрова,
Со мной возвращалась
Ты еле жива,
Веселая песенка,
Веселая песенка.

Со мной отправлялась
Ты в поле весной,
Со мною купалась
В речушке лесной,
Веселая песенка,
Веселая песенка.

Скакал я немало,
И шел я пешком,
Ты стлалась, бывало,

Росой и снежком,
Веселая песенка,
Веселая песенка.

Со мною пасла ты
Аульских коров,
Отару гнала ты —
Две сотни голов,
Веселая песенка,
Веселая песенка.

Я счастлив бывал,
Я с тобою бродил.
Тебя я срывал,
Словно спелый кизил,
Веселая песенка,
Веселая песенка!

1965

С Л О В О

Мул похож на своего хозяина,
Лошадь — на владельца своего.
И слова похожи на того,
Кто сказал их, вольно иль нечаянно.

Кто слова со дна души извлек,
На того всегда они похожи.
Мягок человек или жесток —
Слово мягко иль жестоко тоже.

1965

* * *

Свой дом я вспоминаю часто очень,
И в этом, думаю, порока нет.
Ведь тот, кто не грустит о доме отчем,
Не любит дома, где живет сосед.

И может статься: слишком много тоже
Я говорю о матери своей,
Но тот, кто мать свою любить не может,
Не любит и соседских матерей.

Я думаю про все пути-дороги,
Когда пою тропу в родном краю,
И кланяюсь всем матерям я в ноги,
Когда о матери своей пою.

1965

* * *

Земля, твой камень трону я рукой,
Коснусь травы, вдохну прохладу сада,
Твой день и ночь, покой и непокой —
Всё для меня и благо и награда.

Идет твой снег — снежинки я ловлю.
Гремит твой гром — я сладко замираю,
По всем твоим погибшим я скорблю
И счастья всем живым твоим желаю.

Протягиваю руку — вот скала,
Вот камень твой, вот куст, вот медуница.
Ты и под снегом для меня тепла,
Как хлев ягненку и гнездо для птицы.

1965

С Н Е Г Т А Е Т

Я видел не раз, как тают снега,
Я видел, как умирают снега.

Мне боль причиняет страданье снегов,
Как горе друзей, ликование врагов,

Хоть ведомо мне: прорастут семена
В земле, что от таянья снега влажна,

И ведомо мне, что покажется всход
На почве, где гибель снега застает.

Я знаю, что вырастут летом хлеба,
Я знаю: у снега такая судьба —

Погибнуть за землю, где выпал он, бел,
Сначала искрился, а после чернел.

1965

БЛАГОДАРЮ СОЛНЦЕ

Благодарю тебя за то, что рано
Пришло во двор и в сад наш забрело,
За то, что в дыню на краю баштана
Ты жизнь вдохнуло, дав свое тепло.

За то, что греешь и морковь, и редьку,
И журавля, и камень на скале,
За то, чтоходишь с мальчиками в речку,
Даря им счастье и любовь к земле.

За то, что греешь и змею и птицу,
За то, что заставляешь жмурить глаз,
За то, что ты вошло в окно больницы,
Где кто-то видит день в последний раз.

За то, что никого не обделяло,
Всех равно одаряя и любя,
За то, что ты ягненка обладало,
Впервые увидавшего тебя.

Перед тобою преклонив колени,
Сказать «спасибо» и за то хочу,
Что без тебя на свете нету тени
Ни путнику, ни камню, ни ручью.

Благодарю, что в пору лихолетья,
Когда кругом была сплошная мгла,
Сознание, что где-то солнце светит,
Меня обороняло ото зла.

Тебе обязан я, как все на свете,
Как буйволы, и камни, и трава,
Прошу тебя еще: согрей и эти
Простые, благодарные слова.

1965

* * *

Опять чинары скорбно шелестят,
И где-то снова бой идет без славы,
И где-то снова в брата целит брат,
И снова смерть приходит к тем, что правы.

И мальчуган по улицам пустым
Уходит в школу и не возвратится,
И слово скорбное мое над ним
Спешит, как мать горская, склониться.

Опять селенья чьи-то сожжены,
Вновь жертва плачет, а палач смеется.
А мне еще недавно снились сны,
Как будто кровь уже нигде не льется.

Безоблачные сны, как вас легко
Развеять дальним отголоском грома,
Который хоть и грянул далеко,
А все ж и моего коснулся дома.

Пусть над одним утесом гром гремит,
Не может и другой стоять в покое.
Нетронутое дерево скорбит,
Хоть люди рубят дерево другое.

1965

* * *

На земле этой жили
Люди разных судеб.
Воду горную пили,
Ели трудный свой хлеб.

Негасимое пламя,
Что их предки зажгли,
Охраняли веками
Люди этой земли.

Согревал человека
Негасимый костер,
Как пылал он от века,
Так горит до сих пор.

В тот костер непременно
Каждый горец волок,
Кто сильнее — тот полено,
Кто слабей — хоть сучок.

Я не худший, не лучший,
Но я тоже беру
И посильные сучья
Подвигаю к костру.

Жар костра не остынет,
Ведь и после меня
Кто-то хворост подкинет,
Посидит у огня.

1965

Ц В Е Т Ы

Цветы, мы питомцы одной земли,
Земли, где много тепла и света,
Где близким кажется снег вдали,
Где песня звенит, теряется где-то.

Я вижу вас на далеком лугу
В тот час, когда мне приходится туго,
Когда я слова найти не могу,
Когда за окном свирепствует вьюга.

Я вас вспоминаю всем бедам назло,
Я к вам пробираюсь по скалам отвесным,
И мне становится снова тепло.
И слово свое обретает место.

Я знаю кровь, что лилась на вас,
Я знаю слезы, что вас оросили,—
Та кровь из ран моих пролилась,
И слезы моими слезами были.

Пусть сердце мое, как пчела, к вам прильнет
И вашим соком насытится снова.
Вберет вашу свежесть, как чистый мед,
И превратит в сладкозвучное слово!

1965

ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ

Шиповник цветет, ликует гора,
Гора, над которою тучи кружили,
Шиповник цветет, ликует гора,
Где снегом кручи покрыты были.

Шиповник цветет, рассвета пора,—
Что может быть в мире красивей и лучше,
Шиповник цветет, ликует гора:
Что думать ей о зиме неминучей!

1965

* * *

Трава на земле, на небе звезда,
Как хорошо вам, просторы мои.
Бредут чабаны, пасутся стада,
Как хорошо вам, о горы мои.

Снега на вершинах, на склонах леса,
Как ты спокойна, родная земля.
На шкуры арбузов ложится роса.
Как хорошо вам, бахчи и поля.

Снега на горах, за горами — гроза,
И я благодарен своей судьбе.
Как хорошо вам, мои глаза,
Сердце мое, как спокойно тебе!

1965

* * *

Старик-крестьянин подводил итог.
Он умирал и знал, что плакать нечего.
Весь день шел дождь — и глину и песок
Перемесил в одно сплошное месиво.

И, видя дождь, и грязь, и сумрак дня,
Промолвил умирающий в тревоге:
«Как трудно будет вам нести меня
В последний путь по этакой дороге!»

1965

АПРЕЛЬ

Со всех сторон апрель луга согрел,
И зелен склон, что был недавно бел.

Апрель! И потому мне дела нет
До мелких дел, до книжек и газет.

Апрель! Свежа несмятая трава,
Как детские невнятные слова.

Гусиный стан вдали плывет, крича,
Вот-вот и забелеет алыча.

И поднимается от сердца хмель,
Который называется апрель.

Я рад, моя земля, твоей весне,
И зелени твоей, и новизне.

Земля, я — младший современник твой,
Весна, я — человек, я — пленник твой!

1965

* * *

Раскрыл окно и шум дождя ночного
Впустил в свой дом и замер сам в окне.
Мне кажется, что мирозданье снова
О самом тайном повествует мне.

Мне кажется, что, молод и беспечен,
Лежу я в дождь под буркою весной,
Что из невзгод, которые я встречу,
Покуда я не встретил ни одной.

Хоть дождь старей всего, что слышат горы,
По-новому он новый каждый раз.
Так ново пенье птиц, жилье которых
С лесами вместе дождь сечет сейчас.

Дождь все идет, и прочь уходит робость,
И я не знаю горя и обид,
И кажется, что дождь не с неба в пропасть —
Ко мне из детства моего летит.

Я слышу тихий шум дождя ночного,
И целый мир передо мной открыт.
Он с помощью дождя о чем-то снова
Доверчиво со мною говорит.

1965

* * *

Когда судьбою не был я обласкан,
Когда был черен день и ночь темна,
Я всей душой любил огонь и пляску —
Они близки, как зелень и весна.

Горел огонь, еда подогревалась,
Огонь мне озарял страницы книг,
И пляска в дом с отчаянья врывалась,
Чтоб все невзгоды я забыл на миг.

Я сам плясал и уносился в выси,
У печек грелся и благодарил
Безумца, что огонь впервые высек,
И тех, кто миру пляску подарил.

Я не забуду пламя плясок наших,
Я помню пляску пламени в печах...
Уходит горе прочь, когда мы пляшем,
Когда горит очаг, все беды — прах!

1965

**ТОМУ,
КТО ПРИДЕТ ВСЛЕД ЗА МНОЙ**

Прости, не все каналы я пророю,
Не все пути, не все дома построю.
Работы хватит и тебе с лихвой,
И будут птицы черные порою
Кружиться над твоею головою,
Как над моей кружились головой.

И ты стирать до крови будешь ноги,
Крутой одолевая перевал,
И ты, быть может, загрустишь в тревоге,
И ты устанешь тоже на дороге,
Как некогда и сам я уставал.

Как всякое на свете поколение,
И ты всю землю примешь во владенье.
И сам ты будешь ночи напролет
Глядеть на дождь, как будто с сотворенья
Дождь над землею первый раз идет.

И, сидя с милой на траве примятой,
Ты будешь с жаром говорить, любя,
Слова, что были сказаны когда-то,
Ты заблуждаться будешь, веря свято,
Что я не говорил их до тебя.

И ты захочешь мир собственноручно
Переиначить и перекроить.
И песню наших лет сочтешь ты скучной,
И новую попробуешь сложить.

Не принимая ничего на веру,
Мы не умеем следовать примеру,
Мгновенно отличать от правды ложь.
И мудрость мудрых, хоть и старых правил,
Которые в наследство я оставил,
Ты сам откроешь и тогда поймешь.

1965

* * *

- Горы, скажите, погибнет ли радость?
- Не погибнет, мы будем белеть всегда.
- Моря, скажите, погибнет ли радость?
- Не погибнет, пока не иссякнет вода!

- Скажите, леса, погибнет ли радость?
- Не погибнет, покуда мы будем шуметь!
- Птицы, скажите, погибнет ли радость?
- Не погибнет, покуда мы будем петь!

- Скажите, поля, погибнет ли радость?
- Не погибнет, покуда колосья цветут!
- Жены, скажите, погибнет ли радость?
- Не погибнет, покуда дети растут.

1965

ПОКУДА СТОЯТ ЭТИ ГОРЫ

Покуда стоят эти горы,
Весною всегда будет плавиться лед,
И ветром весны будет веять с высот,
Покуда стоят эти горы.

Покуда стоят эти горы,
На склонах подснежники будут весной
Дразнить новизной и слепить белизной,
Покуда стоят эти горы.

Покуда стоят эти горы,
Мы, люди, от радости и от обид
То будем смеяться, то плакать навзрыд,
Покуда стоят эти горы.

Покуда стоят эти горы,
Здесь будут скорбеть, ожидать и любить,
О чем-то жалеть, и мечтать, и молить,
Покуда стоят эти горы!

1965

* * *

Быть может, кто-нибудь в свой трудный час
То повторит, что я пишу сейчас.

Пусть утешенье кто-нибудь найдет
В том, что слагал я ночи напролет.

В том, что искал я, не жалея сил,
В чем утешенья сам я находил.

Пусть прорастут, как майская трава,
Хоть для кого-нибудь мои слова.

1965

* * *

Кроме тебя, ничего я не знаю, земля.
Живу, о твоём благоденствии жизнью моля,

Всей жизнью своею, что слита с твоею судьбой.
О, сколько я горя и радости видел с тобой!

Я знаю лишь воду твою, и твой хлеб, и огонь.
На тебе багровеет кизил, колосится пшеница, ржет конь,

Самолет приземляется, и завивается хмель,
Мчит олень, и качается колыбель.

Ты несешься со мной, и печала и веселя...
Я лишь праздники знаю твои и тревоги, земля.

1965

З Е Л Е Н Ы Й Л И С Т

Не раз в войну глотал я горький дым боев,
Как, в листьях, воду родника. Родник был чист...
Я так люблю деревьев улиц и лесов
Зеленый лист — платана лист, каштана лист.

Зеленый лист, что у окна, когда пишу,
Зеленый лист, летящий вдаль под птичий свист,
Зеленый лист у лба любимой, кем дышу,
Зеленый лист — березы лист, сирени лист.

Ты к щечкам льнешь едва родившихся на свет,
Ты любишь слушать, как кукушки стук речист,
Ты рад рассвету, и тебе он рад, рассвет,
Зеленый лист — ореха лист, чинары лист.

Я дым глотал. Я вспоминал тебя всегда,
Когда был ветер, как орудий рев, басист.
Касайся, друг мой, как и в детские года,
Лба моего и губ — зеленый лист!

1965

СТАРИКИ И ВЕЧЕР

Тучи черны, как дно котла,
Гром над горами внезапен, как крик.
В старом бешмете, седой, как скала,
«Быть урожаю!» — сказал старик.

Грохот. Тяжелого ливня стена.
Будто орудия целят в аул.
Шепчет старуха у веретена:
«Где ж ты, сынок мой, навеки уснул?»

Вот они, все их слова. Старики
Двум одиночествам долгим верны.
Смотрят на тучи из-под руки —
Тучи над ними, как порох, черны.

Слушают гром над хребтами. Их взгляд
Может о многом поведать за них.
Может! Но два их молчанья таят
То, что не в силах выразить стих.

Отбарабанил по стеклам град,
Тучи за горы, в Сванетию, мчат...
Глядя за камни старинных оград,
Два старика весь вечер молчат...

1965

БОЛЬНОЙ МАЛЬЧИК

- Мамочка, мама! С горы, что седа,
Спускается бык чернолобый сюда.
Мамочка, мама! Смотри, как остры
Рога у быка, что шагает с горы.
- Лежи, мой сыночек, лежи...
- Мамочка, мама! На белом снегу
Он черную шею сгибает в дугу.
- Лежи, мой сыночек, лежи...
- Мамочка, мама! До самых копыт
Склоняет рога он и в пропасть глядит.
- Лежи, мой сыночек, лежи...
- Мамочка, мама! Темна его масть,
Он встал над скалою, он может упасть!
- Лежи, мой сыночек, лежи...
- Мамочка, мама! Сядь ближе ко мне!
Его голова показалась в окне.
- Не бойся, мой маленький, встала луна,
И ветки качает орех у окна.
Лежи, мой сыночек, лежи...

1965

БАЛКАРСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Травы зеленые. Черные буйволы.
Желтый подсолнух. Ущелье. Река.
И вознесен над пирами и буднями
Камень, который похож на быка.

Связаны с вечностью узами кровными
Горные выси, где дремлет зима.
И с черепичными красными кровлями
В лозах шипучих толпятся дома.

Шапкой лицо вытирает усталое
Каменотес, прижимаясь к скале,
И ест, белозубый, яблоко алое
Мальчик, что едет верхом на осле.

Пыльный автобус дорогою давнею
Тянется в горы, дыша горячо.
А сокол на линию сел телеграфную,
Словно сокольничему на плечо.

Стадо спускается с горного пастбища,
Девушка полный проносит кувшин.
Буднично-буднично, празднично-празднично
Льется прохлада со снежных вершин.

1965

БЫКИ, ИДУЩИЕ В СУМЕРКАХ

Обагрены хребты наполовину,
А ниже — сумрак лег на их бока.
Неторопливо в горную теснину
В одной упряжке входят два быка.

Тень от утеса делается длинной,
Безмолвно царство каменных громад,
И, верные напевности старинной,
Колеса деревянные скрипят.

Идут быки. И словно в их обличье
Плоть валунов могучих ожила,
И, на рога наколотая бычьи,
Нависла над ущельем полумгла.

Еще заката не погасли угли,
И близится восшествие луны,
И влажные глаза быков округлы
И, чуть продолговатые, темны.

Дорога по ущелью неполога,
Утомлены двужилые быки.
И скрип колес, извечный, как дорога,
Исполнен благозвучья и тоски.

Идет аробщик в шапке и бешмете,
Пред ним быков качаются рога,
И между ними в сумеречном свете
Ему видны багровые снега.

Колеблются они, и угасает
Багрец заката на снегах вершин.
Лишь по привычке взгляд на них бросает
Аробщик, миновавший Кара-Сын.

Вот за его согбенною спиною
Всплывает меднорогая луна.
И свет нездешний желтою волною
Льет на дорогу горную она.

И видит тучка, над ущельем свесясь,
Что там, где стали желтыми стога,
У каждого быка, как полумесяц,
Над головою светятся рога.

В свои ворота верно и степенно
Быки вступают. И среди двора
Для них, где льется сладкий запах сена,
Настала безъяремная пора.

1965

КИЗИЛОВЫЙ ОТСВЕТ

Горят везде кизила гроздья,
Вершины красны, даль красна,
Кизила кровь на спинах козьих
И на папах чабана.

Ложится ярый свет кизила
На бесконечные луга.
Его горенье озарило
Вблизи — стога, вдали — снега.

Горит кизил, и отсвет алый
Все поглотившего огня
Застыл на валунах и скалах,
В глазах и сердце у меня.

И кажется, что без пощады
Все беды он сожжет дотла,
В горах не будет больше града,
В сердцах не будет больше зла.

Горит кизил, его горенье
Уже прокрасило насквозь
В чуть розоватый цвет свершенья
Все то, что в жизни не сбылось.

И как давно уже не пелось,
Поется мне, и я пою
Так, будто бы кизила зрелость
Вернула молодость мою.

1966

Г О В О Р Ю Ж И З Н И

Что можешь ты в упрек поставить мне?
Ты мной повелевала от начала,
Сказала: «Будь железом!» — и в огне
Меня ковала ты и закаляла.

В чем упрекнешь меня, что преступил?
В чем отступил от твоего веленья?
Сказала: «Камнем будь», — я камнем был,
И стало каменным мое терпенье.

Какой я не исполнил твой глагол?
Ты плакала, и слезы лил я тоже,
Сказала: «Будь волом», — и я, как вол,
Тянул арбу, ярмом стирая кожу.

Какой я не исполнил твой зарок?
Я делал все, что ты мне повелела.
«Живи!» — твердила ты, я жил, как мог,
Но хоть не мог, но жил и делал дело!

Ты требовала от меня огня,
Я был огнем — и печью, и вулканом.
Что, жизнь, еще ты хочешь от меня?
Ты скажешь: «Пеплом стань!» — я пеплом стану.

1966

* * *

Что дел за мной великих нет,
Я соглашусь, не споря.
Но людям не чинил я бед,
Не приносил им горя.

Я никому не очернил
Ни праздников, ни буден,
И хлеб, что ел я, честен был,
Хотя порою скуден.

Я не вымаливал наград,
С лихвою мне хватало
Того, что был всегда я рад
Траве, деревьям, скалам.

Я денег сроду не копил.
И более, чем тыщи,
Ценил ручьи, откуда пил,
И становился чище.

Зачем нам славословья мед,
Отличия и слава?
Я вам не лгал, а кто не лжет,
Тот петь имеет право.

Я вам не лгал и, видя вас,
Мои соседи-горцы,
Не отводил смущенно глаз,
Как это делали подчас
Иные стихотворцы.

1966

Г О В О Р Ю Ф И Л О С О Ф У

Ты твердишь, что мир наш стар и сед.
Стану спорить я с тобой едва ли.
Но смотри: звезда бросает свет,
Озаряя землю, как вначале.

И цветут весною деревья,
Словно это первое цветенье,
И чуть слышно на ветвях листва
Шелестит, как в первый день рожденья.

К каждому приходит боль его,
Каждый тащит груз своей печали,
Будто бы на свете до него
Люди вовсе горестей не знали.

К нам приходит радость всякий раз,
Как находка, а не как наследство,
И приходит к людям смертный час —
К молодым и к старым — в пору детства.

В старом мире строят новый дом,
В класс бегут мальчишки озорные,
И вдали на небе летним днем
Видит кто-то радугу впервые.

Нету старых слов и старых снов,
Ново все, что холодит и греет,
И готовность дать бездомным кров,
Дать голодным хлеб — не устареет.

В первый раз горит грозою даль,
Гром гремит, и небосвод расколот.
Ново все — и радость и печаль,
Этот старый мир вовеки молод.

Первый раз на склоне тает лед,
В первый раз я слышу птичье пенье,
И алеет за горой восход,
Озаряя первый день творенья.

1966

* * *

Я уйду, и ты уйдешь в свой час,
Но трава останется травой,
И когда уже не будет нас,
Как сто лет назад и как сейчас,
Будет снег белеть над той скалою.

Проживем сто лет мы или год,
Путь наш будет близок или дален,
Мы с тобой уйдем, и наш уход
Будет, как любой уход, печален.

С грустью поезда уходят вдаль,
С болью дуб роняет лист зеленый,
Солнце, уходящее за склоны,
Каждый раз рождает в нас печаль.

Не без боли травы сходят с гор,
Тур уходит из родного края,
Каждый раз пастушеский костер
Боль в душе рождает, догорая.

Что бы ни ушло — уход тяжел,
На земле не может быть иначе.
Слышишь, как река упавший ствол
На спине своей уносит, плача.

Неизменно грустен птиц отлет,
Хоть весной опять вернутся птицы.
Грустен лета, грустен дня уход,
Хоть и суждено им возвратиться.

Вот и я и ты уйдем в свой час,
Но трава останется травой,
И когда уже не будет нас,
Как сто лет назад и как сейчас,
Будет снег белеть над той скалою.

1966

Огнем горячечным охвачен,
Не спит малыш, и мать всю ночь
Баюкает его и плачет,
Не знает, чем ему помочь.

Что объяснить ребенок может,
Вину предъявит он кому?
Но в чем-то мать винится все же,
И ей больнее, чем ему.

Весь мир беспомощен позорно,
Но слышится издалека,
Как, скрипнув, замирает жернов
И застывают облака.

И в поле клонится пшеница,
Цветок цвести перестает,
И птица на ольху садится
И прерывает свой полет.

И степи ахают спросонок
И задыхаются в пыли:
Страдает на земле ребенок —
Частица малая земли.

И все за боль его в ответе,
И слышен плач его везде.
В беде один малыш на свете —
И вся вселенная в беде!

1966

М А С Т Е Р А

Жизнь мастеров, как всех людей — мгновенье.
Ушли и мастера — пришла пора.
И говорю я, видя их творенья:
Бедняги мастера,
Счастливицы мастера!

Вы города и храмы возводили,
А у самих — ни дома, ни двора.
О вы, бессильные в своем всеилье,
Бедняги мастера,
Счастливицы мастера!

В железе, в слове, в камне воплотилось,
Застыло в очертанье серебра
Все то, что вам примнилось и приснилось,
Бедняги мастера,
Счастливицы мастера!

Пусть сердце и у вас не вечно бьется,
Но след мотыги, молота, пера,
След мастерства навеки остается,
Бедняги мастера,
Счастливицы мастера!

1966

ДОН-КИХОТ

О Дон-Кихот, ты никуда не канул.
Мы все страдаем болью ран твоих,—
На свете столько злобных великанов,
Принявших облик мельниц ветряных!

Пусть будет славен подвиг твой плачевный.
Ты вдаль спешишь, дорога далека.
Я знаю: как всегда, в ночных харчевнях
Ты трешь свои побитые бока.

А в мире правит суд неправый кто-то,
А правый плачет, жребий свой кляня.
Земля не может жить без Дон-Кихота,
Как без воды, без хлеба и огня!

Но что оружие, что громады башен,
Когда позор и горе всех времен
В том, что носитель зла бывает страшен,
А Дон-Кихот, как правило, смешон?

И все-таки не вечны неудачи,
Верь, Дон-Кихот, поправятся дела.
Пусть скачет зло на скакунах горячих,
И ты еще не выбит из седла!

И как бы вечный путь твой ни был странен,
Меня возьми с собою, подожди!
Какой стрелою ни был бы я ранен,
Я голову твою прижму к своей груди.

1966

С Н О В А Г О В О Р Ю Ж И З Н И

Ты все дала мне: песню и мечту,
Все, что постиг, все, что увидел где-то,
Звезд высоту и женщин красоту,
Гор белизну и чистоту рассвета.

Открыла слово, что мудрец изрек
В счастливую минуту озаренья,
И синеву морей, и песню рек,
И чудо векового их движенья.

Ты мне дала в подарок смех детей,
Смысл песни и ее великий опыт,
И тишину снегов, и шум дождей,
И гул грозы, и трав чуть слышный шепот.

Я от тебя бескрайность перенял,
Я пью тебя и не могу напиться.
Порой мне даже мир бескрайный мал,
И в беспределе вижу я границы.

Ты вечна, и, как с самых первых дней,
Ты будешь простирается с той же силой
Когда-то над могилою моею,
Как в этот миг над чьею-то могилой.

Ты даришь людям небо и зарю.
Но с каждою зарей мы ближе к краю.
За щедрость я тебя благодарю,
За скупость я тебя не порицаю.

И все же отодвинь конец пути,
Будь к смертным, к нам, щедрее и добрее,
За ненасытность ты меня прости,—
Ведь я за скупость клясть тебя не смею!

1966

МОИМ СЫНОВЬЯМ

Вы имена свои носите гордо,
В них доброта хлебов и щедрость стад,
В них мягкость трав и скал чегемских твердость,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат?

Я вам, сыны мои, балкарцы родом,
Дал имена крестьян, и вы должны
Чтить нашу землю, хлеб ее и воду,
Как пахари, ашуги, чабаны.

Есть в ваших именах и твердость склонов,
Как скалы, будьте тверды в трудный час.
Есть в именах и мягкость трав зеленых,
Пусть доброта не покидает вас.

Пусть ваше дело делается споро,
Пусть будет слово твердо, речь легка,
Пусть оградит судьба вас от позора
Есть всласть, лишив кого-нибудь куска.

Не оставляйте слабых без участия,
На чьем-то горе свой не стройте дом.
Пусть жизнь обережет вас от несчастья
Соседу или брату быть врагом.

Всегда и всюду, маленьким и взрослым,
Отцы желают счастья сыновьям.
Но если вам нужна для счастья черствость,
Отец — я счастья не желаю вам.

Нет счастья там, где в сердце злобу носят,
Тот, кто не дарит радость, сам не рад.
А в ваших именах — шуршание колосьев,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат?

1966

* * *

Безбрежна правда, но и ложь безбрежна,
И я молил, чтоб перестали лгать.
Так над больным ребенком безнадежно
О чуде исцеленья молит мать.

Я знал, что много в этом мире горя,
Но я молил, чтоб сгинуло оно.
Так о дожде аллаха молит горец,
Когда уже все поле сожжено.

Я знал, что в этом мире много боли,
Но я молил, чтоб ей пришел конец.
Так молит дочь, чтоб жил как можно доле
Ее отец, хоть он уж — не жилец.

Есть в мире зависть, я ей слал проклятья,
Молил, чтоб успокоилась она.
Так молит истово и ждет зачатья
Заведомо бесплодная жена.

Я знал, что кровь лилась и литься будет,
Но чтоб не литься ей, я все равно
Молил, как люди молятся о чуде,
Которому свершиться не дано.

Поэзия, мечтаешь ты, я знаю,
Избавить мир от горя и обид.
Ты молвишь: «Пусть не льется кровь чужая!»
Хоть рана у самой кровоточит.

1966

* * *

О руки женщины земной,
Вы под любой звездой и небом
Цветами пахнете весной,
Зимою — снегом, летом — хлебом.

Будь свята, женщины рука,
В которой скрыта неизменно
Боль, долгая во все века,
И радость, что всегда мгновенна.

В тебе сокрыт беззвучный звук
Всех песен счастья и несчастья.
Будь свята слабость женских рук,
Неограниченность их власти.

1966

АЗАМАТУ ВМЕСТО КОЛЫБЕЛЬНОЙ

В сумерках бывает синим
Горный склон, что утром — бел.
Я сыночку и долине
Сказку рассказать хотел.

Стал я говорить про скалы,
Про волшебного коня.
Но долина задремала,
Не дослушала меня.

Все уснуло сном безмолвным,
И до будущего дня
Спит арбуз и спит подсолнух,
Голову на грудь склоня.

Спят леса и звезды ночи,
Угли — в печке, дым — в трубе.
Неусыпна, мой сыночек,
Лишь любовь моя к тебе.

Спит ущелье и дорога,
Лишь не спит в груди моей
Вековечная тревога
Всех отцов за сыновей.

1966

ОГОНЬ И ВЕТЕР

— Эй, Ветер, нам бездельничать доколе?
Двоим любое зло нам по плечу.
Мечтаю я, как ты, гудеть на воле...

— Как ты, Огонь, я жарким быть хочу!

— Мы по земле пройдем, как бич небесный.
Вдвоем сильнее мы, чем любая рать.
Огню, зачем мне биться в печке тесной?

— Что, Ветру, мне лишь травами шуршать!

— Пройдем над склоном — склон испепелится.
Пройдем над лесом — пеплом станет лес.
Над полем пролетим — сожжем пшеницу
И прах ее поднимем до небес.
По городам пойдем от дома к дому,
Все запыхает на потеху нам.
И вспыхнет крепость, как скирда соломы,
И рухнет храм, едва влетим мы в храм.
Все будем жечь, повсюду сеять горе,
Знакомых сами не узнаем мест!..

— Но нам не надоест ли это вскоре?

— Не знаю, может быть, и надоест.

— Я был когда-то малым огоньком.

— Я тоже не был никому в обузу.

— Я хлеба пек и грел крестьянский дом.

— А я тихонько гладил кукурузу!

— И если все живое мы сожжем,
И все во прах мы превратим с тобою,
Кто казаны повесит над огнем?

— Где будет лес, чтоб я шуршал листвою?

1966

* * *

Не ради славы пишут кровью,
Без платы конь летит вперед,
Пока его не остановят
Или пока не упадет.
Мгновенна слава все равно,
Как ветер, что стучит в окно.

Без платы соловей весною
Поет, всему земному рад,
Течет река и поле поит,
За это не прося наград.
Жизнь — истина, а слава — вздор,
От ветра гаснувший костер.

Без платы зацветают дали
Цветами каждую весну,
Белеют горы, хоть регалий
Им не дают за белизну.
Жизнь — истина, а слава — прах,
Снег, на день выпавший в горах.

Тот не бесславен, не бездарен,
Кто без корысти спину гнул,
Кто камню теплоты прибавил,
Жизнь в слово мертвое вдохнул.
А слава — эхо среди скал,
Звук повторился и пропал.

1966

СТАРИКИ

Сидят два седовласых старика,
Все далеко от них, лишь смерть близка.

Земля внизу,верху небес чертог,
Где много звезд, как позади дорог.

Им, старикам, известно лучше всех —
Засохший вновь не зацветет орех.

Не возвратятся прежние слова,
Не задымят сгоревшие дрова.

Молчат. Кто может старикам помочь?
Конца дороги ближе только ночь.

А в южном небе южная звезда
Горит, как в молодые их года!..

1966

С Л Е П Ы Е

Не могут различить слепые,
Гора близка иль далека,
На небе тучи грозовые
Иль голубые облака.

«Тарк-тарк» — стук посохов убого
Доносится издалека.
Идут слепые, и дорога
Им не бывает широка.

Не видят ни земли, ни неба
Слепые люди с малых лет,
Лишь вкус воды и запах хлеба
Слепым определяют цвет.

Вершат слепые путь свой древний,
Идут неспешно в жаркий день,
Не зная цвета тех деревьев,
Которые им дарят тень.

Но жизнь порою все иначит,
И мы слепых берем в пример:
Кто из людей увидел зрячих
То, что узрел слепой Гомер?

«Тарк-тарк» — беспомощны, как дети,
Идут слепые тяжело.
Но и для них на белом свете
Не все черно, не все бело.

«Тарк-тарк» — по камешкам горячим
Постукивают палки их.
Пред ними тьма, их свет утрачен,
Им видно только, что у зрячих
Есть беды, как и у слепых.

1966

* * *

Умели люди сеять хлеб,
Рожать детей, ковать оружие
И восставать против судьбы
Умели, если было нужно.

Хоть ныне и в былые веки
Довольно было простоты,
Но люди чрез хребты и реки
Умели возводить мосты.

Ума и мужества хватало
Во всех краях, во все века,
Но жизнь сердца ожесточала
И храбреца и знатока.

Хватало хватки и усердья
У всех в любые времена,
Жизнь лишь добром и милосердьем
Нас одаряла не сполна.

И книги, и слова поэта,
И опыт вразумил меня,
Тавром легла мне эта мета
На сердце, как на круп коня.

1966

* * *

Давайте звать забор забором,
Давайте называть всегда
Хлеб хлебом и горою гору,
На воду говорить: «Вода».

Пусть на земле ничто не ново,
И все слова избиты сплошь.
В начале мира было слово,
Но слово правды, а не ложь.

Любое слово нам покорно,
Бывало всяко на веку,
Но звать не черным то, что черно,
Невыносимо языку.

Пусть палочку седлают дети,
Как скакуна, что с них возьмешь.
Пусть скачут, пусть на белом свете
Лишь эта существует ложь.

1966

* * *

Я вынашиваю и провижу
Книгу сокровенную про то,
Что никто на свете не унижен,
Не обижен на земле никто.

Я мечтаю, чтобы в жизни было
Так же все, как в книге у меня.
Чтобы, если кровь — лишь кровь кизила,
Если уж огонь — огонь кизила.
Раз нельзя без крови и огня.

Я хочу, чтоб горя не случилось,
Чтоб стрелки не попадали в цель,
Чтоб утраченное — даже малость —
К своему владельцу возвращалось,
Чтоб плескалась в озере форель.

Я о книге думаю и слышу —
Чей-то стон летит издалека.
Вижу: пламя лижет чью-то крышу,
Чья-то к небу тянется рука.

И соседка — женщина седая,
Сына не дождавшаяся мать,
Плачет столько лет, и я не знаю,
Чем помочь и что мне ей сказать.
Книгу, о которой я мечтаю,
Вряд ли мне случится написать!..

1966

Кто слушает, мудрее говорящих,
И это нам давно понять пора.
Как многословен ручеек бурлящий,
Как молчалива белая гора!

Есть у земли многовековый опыт,
Земля всю мудрость прячет в закрома.
И гром, и гул дождя, и снега шепот —
Земля все слышит, но молчит сама.

Немногословные мудрей болтливых,
И я винюсь и тех благодарю,
Кто слушает и слушал терпеливо
Все, что я говорил и говорю.

Мы, стихотворцы, говорим, как дышим,
И в миг, когда я слово оброню,
Коль это слово люди не услышат,
Оно сгниет, как стебель на корню.

Я в досталь важных слов сказал и праздных
По мере мудрости своей и сил,
Вы потому умней меня гораздо,
Что слушали, а я лишь говорил.

1966

Отар Челадзе, ты назначь мне встречу,
Мы по Тбилиси побредем вдвоем
И вспомним тех, которые далече,
Которых нет, хоть с ними встречи ждем.

Побродим по камням тбилисским древним,
Помянем тех, кого уж нет в живых,
Кто так воспел грузинские деревья,
Что вечно зеленеть заставил их.

Мой друг Отар, в тот час назначь мне встречу,
Когда платаны красны, как костры,
Чтоб мы могли с тобою целый вечер,
Всю ночь бродить по берегу Куры.

Велел мне Тициан Табидзе летом
Сюда прийти. Я вот, его здесь нет.
Я ждал и жду заветной встречи этой,
Он опоздал почти на тридцать лет.

Нет никого, и только ветер нагло
Шумит листвою, и течет река,
И песнь «Меня убили за Арагвой»
Доносится сюда издалека.

Живые устают от расставаний,
Разлукам без свиданий нет числа.
Для Леонидзе и для Чиковани
Не все ль равно, что алыча бела.

Тбилиси все пустыней, все печальней,
И склон Мтацминды тесен от могил.
Как много их, ушедших в путь свой дальний,
Людей, которых знал я и любил.

Отар, назначь мне встречу на аллее
В тот час, когда платаны шелестят,
Течет Кура, и алыча белеет,
И город спит, как много лет назад.

1966

МАРИКЕ ЧИКОВАНИ

I

О, как ты плакала, Марика,
Не многим плакать так дано,
И небо за горой великой
С тобой рыдало заодно.

Звезда сквозь тучи в отдаленье
Проблескивала, как свеча
И, как бывшее сновиденье,
Цвела на склоне алыча.

А твой Симон лежал безмолвно.
Он жизни отдал столько сил,
Что пальцы были тонки, словно,
Устав, перо он отложил.

Как ты, Марика, убивалась!
А он на покрывале трав
Лежал, незряч, и нам казалось,
Что он закрыл глаза, устав.

Сомкнул он веки глаз печальных,
Что видели давно с трудом
На небе свет созвездий дальних
И на земле соседский дом.

Как бесполезны были слезы
Над тем, кто позабыть успел,
Что розовы весною розы,
Что снег в горах зимою бел.

О, как, Марика, ты скорбела,
Бессильные, стояли мы
Там, где Симона и Пшавела
Теперь соседствуют холмы.

О, как ты плакала, Марика,
Был птичьим крик твой в тишине,
И что-то было в нем от крика,
Что к небесам взлетит по мне.

С любовью смерть равновелика,
Как боль и радость, день и ночь.
О, как ты плакала, Марика,
Но чем я мог тебе помочь!

II

Знаю, ты мне, о женщина, внемлешь.
Но, бессильному, что мне сказать,
Как восславить тебя, словно землю,
Что несет нам свою благодать!

В час печали дарить утешенье,
Быть любимой не мудрено,
Но провидцу, лишенному зренья,
Стать глазами не каждой дано.

О Марика, над белой горою,
Ввысь, где снег да нездешняя мгла,
С песней барда и славой героя
Имя «Женщина» ты подняла.

Нет венцов, чтоб тебя увенчали,
Нет стихов, чтоб тебя вознесли,
Чувства женщины выше печали,
Выше слов и несчастий земли.

Не в безмолвном унынье скорбящей,
Не ликующей радостным днем —
Я запомню тебя в настоящем,
Безутешном величье твоём.

Кто я есть, чтоб нести утешенье,
Что подвластно мне, что мне дано?
Люди — смертны, как смертны растенья,
Но бессмертна любовь, как зерно.

1966

АМИНЕ ЗАЛИЛОВОЙ — ЖЕНЕ КАЗНЕННОГО ПОЭТА

Пишу не потому, что не с кем спорить,
Не потому, что темы не найду,
Пишу, чтоб разделить с тобою горе,
Как черствый хлеб в сорок втором году.

Я голову склоняю пред тобою,
Как вся земля, я у тебя в долгу.
Прости, что, раненный твоей бедою,
Я что-то говорить еще могу.

О Амина, твое походит имя
На имя птицы или же звезды,
О Амина, твое подходит имя
Для женщины, не ведавшей беды.

И я могу понять, какая сила
Мусу Джалиля делала стальным,
Как сладко и недостижимо было
Все, связанное с именем твоим.

И в Моабитской крепости, я знаю,
Твой муж пред смертью счастлив стал на миг,
Увидев небеса родного края
И, как звезду вдали, твой светлый лик!

Когда нам надо с жизнью расставаться,
Не все достойны жизни могут быть,
Не все людьми умеют оставаться,
С волками жить и не по-волчьи выть.

Я кланяюсь неведомым могилам,
Глазам, где столько слез затаено,
Плечам, несущим тяжесть не по силам,
И сердцу, где любовь и боль — одно.

Но все ж, каким бы горем ни пытали,
Как тяжело б ни было тебе и мне,
Мы знаем цену, знаем вкус печали,
Поэзия на нашей стороне.

1966

* * *

Рыдает мать погибшего пилота,
Не спит всю ночь и взгляд бросает вдаль,
Как будто сын вернется или кто-то
Сумеет облегчить ее печаль.

Мне видится, как трет глаза десницей
И, вдаль бросая безнадежный взгляд,
О воине, погибшем с колесницей,
Рыдает мать пять тысяч лет назад...

1966

* * *

Я не могу сказать: «Мне все равно,
Что будет в мире после нас твориться!»
За кладбищем, где тлеть мне суждено,
Пусть сад цветет и поле колосится!

Ты, мир, меня жалел не больше всех.
Когда уйду, других жалей и радуй.
Пусть дождь идет, и пусть шумит орех
Листою за кладбищенской оградой.

Я не скажу: «Пусть мир летит с основ,
Когда я буду истлевать в могиле!»
Из мира уходя, подобных слов
Ни мой отец, ни мать не говорили.

1966

* * *

Какой бы сила ни была,
Есть сила и над ней.
Хоть дуб силен, а все ж пила
Его ствола сильней.

Вершины гор туман застлал,
Туман сильнее дня.
Огонь сильнее, чем металл,
Вода сильней огня.

Крепка гранитная скала,
Но аммонал сильней.
Какой бы сила ни была,
Есть сила и над ней.

1966

* * *

Ум с мишурой враждуют с давних пор,
На лицедейство правда смотрит косо,
Каменотес искусней, чем актер,
Вживающийся в роль каменотеса.

Чем большая печаль нам суждена,
Чем больше тратим сил мы ради хлеба,
Тем нам ясней, что ночью и луна
Восходит не для украшения неба.

Вся мишура истлеет в суете,
И с украшений слезет позолота.
Бытует вечность только в простоте,
А простота — лишь мудрость и работа.

1966

* * *

Заходит солнце за гору, и вечер
Спешит уже к порогу моему.
Где вы, друзья, которых я не встречу,
Которым рук уже я не пожму?

Приходит вечер, он сулит прощанье,
Восходит ввысь ущербная луна.
Он тих и вкрадчив, как воспоминанья,
Чья поступь в тишине едва слышна.

Чем ближе ночь и чем темнее вечер,
Тем явственней я слышу в тишине,
Как те друзья, которых я не встречу,
Проходят мимо, не зайдя ко мне.

Они проходят и спешат за горы,
И, хоть не знаю, чем обидел их,
Мне тяжело от горького укора
Невидных глазу путников ночных.

1966

* * *

Чем горячей костер горит,
Тем догорит скорее,
Зато он скалы озарит
И мерзнущих согреет.

Когда луны на небе нет
В заснеженном краю,
Костер дарует жар и свет,
Как люди жизнь свою.

Костры, чей пламень скуп и слаб,
Пусть долее горят,
Но человека, что озяб,
Им обогреть навряд...

Ты жил, хотел гореть сильнее,
Себя ты не жалел,
Других костров, других людей
Ты раньше догорел.

Но пепел от твоих углей,
Хоть твой костер погас,
И ныне, может, горячей
Огня иных из нас.

1966

МИР МОЕГО ДЕТСТВА

Мир детства, голубых вершин соседство,
Все живы те, кого уж нет в живых,
И реки быстротечные, как детство,
Гремят, с вершин стекая снеговых.

Еще дурные вести не шагнули
В мой мир, ютящийся у самых скал,
Что человека убивают пули,
Живя в том мире, я еще не знал.

Среди друзей еще никто не старый,
Мне радость все несет — и зной и тень.
В том мире каждый счастлив, как чинары,
Равно и в знойный, и в дождливый день.

1966

* * *

Смысл жизни мы нередко ищем где-то,
Не избегая ни тревог, ни зол.
Я знал таких, кто обошел полсвета
И кровь пролил, а смысла не нашел.

Но знал я виноградаря седого.
Он был всегда своей работе рад
И думал: в жизни смысла нет иного,
Чем поливать на склоне виноград.

За свой аул он не ступил ни шага,
И видел вдалеке лишь зубья скал,
Но людям, пьющим и непьющим, благо
Дарил он только, а не отнимал.

Он не терзался ни в стихах, ни в прозе
И жил, дурных примеров не беря,
И вот на лозах тяжелеют гроздья,
Как жизни смысл, что прожита не зря.

1966

* * *

Птица, долетев до цели,
Отдохнуть не прочь.
Лишь река в своем ущелье
Бьется день и ночь.

Ветер, пролетев, уймется,
Пламя догорит.
Только сердце бьется, бьется,
Бьется и болит.

Выйдет солнце ненадолго
И — за облака.
Отдыха не знают только
Сердце и река.

1966

* * *

— Солнце, нас сначала ты согрей! —
Говорили каменные скалы.

— Нет, трава на склонах вас слабей,
Надо мне траву согреть сначала!

Молча камень на заре просил:

— Ты меня согрей скорее, небо!

— Погоди, у поля меньше сил,
Меньше сил у тех, кто жаждет хлеба.

1966

* * *

- Что тебе милей всего, сосна?
- Высота — вот страсть моя и гордость!
- Что тебе милей всего, скала?
- Твердость!

- Море, что тебе всего милей?
- Широта земли, моя безбрежность!
- Что тебе, весна, всего милей?
- Нежность!

- Что тебе, зима, милей всего?
- Белизна на белоснежном поле!
- Птица, что тебе милей всего?
- Воля!

1966

* * *

Я, мир, благодарил тебя, как мог,
За каждый шаг, за каждый свой глоток.

За каждый колос и зернинку в нем,
За каждый камень на пути моем.

Вбирая блага от земных щедрот,
Я дерево благодарил за плод,

За шелест кроны и средь бела дня
За тень, лежащую на меня.

Я высь благодарил за облака,
Что вечно вдаль плывут издалека,

И миллионнолетнюю луну
Благодарил за свет и новизну.

Я в счастье мир всегда благодарил,
Хоть и была беда — благодарил:

Мир — явь и сновидение мое,
Предтеча и продление мое.

1966

ЛУНОРОГИЕ БЫКИ

Где вы, лунорогие быки,—
Детства моего воспоминанье?
Может, вы, как детство, далеки
И навечно наше расставанье?

Были ввысь рога устремлены,
И казалось мне, что в самом деле
Лунами рогов рога луны
Вы задеть или пронзить хотели.

Где вы, лунорогие быки,
Вы навек ушли какой тропею?
Отражает звезды гладь реки,
Как зрачки быков на водопое.

Иль минули ваши времена
И пора теперь совсем другая,
Хоть восходит, как при вас, луна,
Желтым светом скалы озаряя?

Где теперь жуете вы траву?
Вас, везущих арбы или спящих,
Я все реже вижу наяву,
А во сне все явственней и чаще!

За изгибами какой скалы
Вы растаяли во тьме кромешной?
Вы медлительны, мои волы,
Между тем как время так поспешно.

Вглядываюсь в даль из-под руки.
Но напрасны все мои старанья.
Где вы, лунорогие быки,—
Детства моего воспоминанье?

1966

КОГДА Я ГОВОРЮ С ГОРАМИ

Когда я говорю с горами,
Я с целым миром говорю,
Мне внемлет дерево и камень,
И свет, рождающий зарю.

Когда, по тропам скал бредущий,
Я слово молвил в тишине,
Мне кажется: всяк в мире сущий,
Как эти скалы, внемлет мне.

Моим реченьям горы вторят,
Их повторяя наизусть,
Лишь здесь я радостью и горем
Со всей вселенною делюсь.

Внизу я просто суетливый,
Обычный грешный человек.
Лишь здесь чисты мои порывы,
Чисты мои слова, как снег.

Когда я вижу эти скалы,
Со мною молча речь ведет
Все, что когда-то миновало,
Все, что когда-нибудь придет.

Я говорю с нависшей где-то
Вершиною, что так бела,
Как будто совесть мира это
И лишь такой она была.

1966

Г О Д Ы

Вы зимою от снегов белы,
От дождей вы темно-серы летом,
Тянетесь вы в горе, как волю,
В радости летите, как ракеты.

Легок путь наш или же тяжел,
Светит радость или боль нас гложет,
Годы — реки; тот, кто в них вошел,
Не стремиться к берегу не может.

Годы, вас я видел без прикрас,
Пахли вы то ягодой, то дымом,
То вы с седел сбрасывали нас,
То перевозносили нас к вершинам.

Трудно пряжу черную сучить,
Вить лишь белую не удастся,
Но из них из двух плетется нить,
Та, что жизнью испокон зовется.

Мы не ропщем на судьбу свою...
Вы счастливы или несчастливы,
Мы впрягаем вас в арбу свою,
Скачем вдаль, держась за ваши гривы.

Падаем на землю в черный час,
Но встаем с земли и скачем снова.
Славим вас и проклинаям вас,
Потому что нет у нас иного.
Вы несете все, что есть у нас:
Боль и радость, немоту и слово.

1966

* * *

Я запомнил это время
И напому вам:
Жил я мальчиком в Чегеме,
Лазил по горам.

Счастья много, горя мало,
Рассветет едва,
Я на ослике, бывало,
Ездил по дрова.

Лишь тогда на самом деле
Был тому я рад,—
Что вдали снега белели
И алел закат.

Красно было все и бело
В горной тишине.
Речка меж камней звенела,
Песню пела мне.

В зимний день, шумя ветвями,
Пели дерева,
И шуршала под ногами
Осенью листва.

Все прошло, промчалось время,
Отошла трава.
Был я мальчиком в Чегеме,
Ездил по дрова.

Как тогда зимой белели
Дерева мои,
Как весной зеленели
Дерева мои!

1966

МЕЛЬНИЦА В ГОРАХ

Скромна и одинока,
Стоишь ты с давних пор
У белого потока,
У желто-рыжих гор.

Под гул глухой и давний
Течет за годом год.
Ты сделана из камня,
А он не устает.

Здесь всякое бывало,
Здесь в зной и холода
Воды всегда хватало,
А хлеба не всегда.

По белым высям горным
Проходят облака.
Быть может, вертят жернов
Века, а не река.

И летом и зимою
Ты вертишься, шумна,
Днем солнце над тобою.
А вечером — луна.

И лучшую на свете
Твой жернов песнь поет:
«Пусть сыты будут дети
За счет моих щедрот!»

1966

ГОВОРЮ ОДИНОКОЙ ЧИНАРЕ

Ты стоишь и шелестишь листвою
На скрещенье четырех дорог,
Мокну под дождем и я порою,
Я, как ты, бываю одинок.

Я, как ты, свое на свете пожил,
Видел в жизни и добро и зло.
Ветер гнул меня, бывало, тоже,
Солнце тоже грело или жгло.

Но дарили взрослым мы и детям
Тень и песню — все, что мы могли,
Щебет птиц любили на рассвете,
Сумрак неба и расцвет земли.

Был, как ты, живуч я и упорен.
Жил, всю землю милую любя,
И в один прекрасный день под корень
Срубит смерть меня, топор — тебя!..

1966

* * *

Радость — веточка зеленая,
Горе — злая головня.
Радость — часть моя исконная,
Горе тоже часть меня.

Перед тем, как обожгла меня
Жаркая твоя зола,
Ты испепелилась в пламени,
Будто вовсе не была.

Ты весной цвела задорная,
Гладила меня, любя,—
Пепел, головешка черная
Лишь остались от тебя!

1966

ПЕСЕНКА

Кизилу летом рдеть,
А нам об этом петь
И ранее случалось.

Не долго он алел:
Едва кизил созрел,
И ягод не осталось.

Что делать: зрел кизил
Для тех, кого любил.
Обиды он не знает.

И губят, рвут кизил
Лишь те, кому он мил.
Так и с людьми бывает.

1966

ГОВОРЮ ДЕРЕВУ В МАЕ

Ты радуешься солнцу и луне —
Днем наяву, а ночью в полусне.
Люблю тебя воочью и заглазно!

И кем бы ни был путник, в жаркий день
По доброте ему ты даришь тень,
Хоть ты порой недвижно, но не праздно.

Ненастен в мире день или погож,
Но шелест твой на ропот не похож,
Хоть ты не шелестишь однообразно.

Ты, как мудрец, глядишь на небосвод,
Ты знаешь: мрак и солнце — все пройдет,
Все преходяще здесь, хотя и разное.

Хоть крепко корни в глубь земли впились,
Но ты вершиною стремишься ввысь, —
Сильней небес нет для тебя соблазна.

И в дни, когда я сгину и сгнию,
Как нынче, крону ты взметнешь свою,
Ты долговечнее меня гораздо!

1966

Г О В О Р Ю Г О Р Е

Я не приду к тебе, мне до того ли,
Я болен, я всего лишь человек.
Ты ледяная, ты не знаешь боли,
И вечность для тебя естественна, как снег.

Гора, мне больно, и хотя не насмерть
Меня болезнь подмяла, я боюсь:
К твоей траве щекою не припасть мне
И снега твоего рукою не коснусь.

Но все ж меня болезнь не одолела,
А ты всегда была ко мне добра,
Мне белизны своей ты не жалела,
И на меня сейчас глядишь ты, как сестра.

Гора, мне на тебя смотреть — награда,
И чтоб меня ни ждало впереди,
Мне твоего бессмертия не надо,
Спокойствием своим меня ты награди.

1966

* * *

А утро вновь скользит по серым склонам,
Как будто было все не наяву.
Как в дни былые, ослик и теленок
Бредут, жуют зеленую траву.

Выходит солнце из-за гор туманных,
Стоящих здесь, как в прежние века.
И снова в направлении Дагестана
По небу проплывают облака.

И я хочу бежать домой скорее,
Как будто дом наш цел и мать жива,
И в печку, что еще дымит и греет,
Бросает собранные мной дрова.

1966

ПАМЯТИ СИМОНА ЧИКОВАНИ

За сплошной пеленою тумана
Нынче робко рождается день.
Как печальны в Тбилиси платаны.
Смолк поэт, воспевавший их тень.

Их вершины в обычные выси,
Как всегда, устремятся ли впредь?
Как печальны платаны в Тбилиси,
Если б только он мог поглядеть!

В срок назначенный явится осень
И, певца своего не найдя,
Ничего у прохожих не спросит,
А заплачет слезами дождя.

А зима над притихшей землею,
Над волнами любимой реки
Склонит голову, станет седою
Не от снега — от горькой тоски.

Горе — дом, чей хозяин в изгнание,
Ствол, подрубленный злою рукой,
Горе — это печаль и молчанье,
Дно сухое, что было рекой.

Город, самый любимый на свете,
Твой певец в предосеннем дыму
Проплывает, тебя не заметив,
Смерть слепая мешает ему.

Дождь любил он, и не потому ли,
Как безмолвный, прощальный салют,
Дождь идет над изгибами улиц,
По которым поэта несут.

О Мтацминда, тебя он, бывало,
Воспевал, не жалея щедрот,
Песни сердца тебе отдавал он,
Нынче сердце свое отдает.

1966

Мне часто чудится одно и то же:
Дым и разрывы вижу я во сне,
А после, утром, мне еще дороже
Трава на склоне, иглы на сосне.

И я молю, пусть будет в мире этом,
Где свершено так много черных дел,
Орех орехом и рассвет рассветом,
Подсолнух желт, и снег исконно бел.

Я только человек, и слаб мой голос,
Но повторяет тихий голос мой:
«Пусть колосом вовеки будет колос,
Весна весною и зима зимой!»

Пока над миром нашим солнце светит,
Пусть он живет в разумности своей.
Необходимо все на белом свете:
Трава и камень, слон и муравей.

И кровь пусть только в зарослях кизила
Стекает с алых ягод вдоль ствола.
Отцам детей оставьте, милым — милых,
Низине — соловья, горе — орла.

Над садом, над пустыней ли убогой
Пусть не займется пламя в черный час,
Не смейтесь, люди, над моей тревогой,
Я видел все — тревожусь я за вас.

И хоть мне не предвидеть: будешь кто ты,
Последний в мире истинный поэт,
Но, как поэт и первый и двухсотый,
Ты будешь, знаю, славить жизнь и свет.

1966

* * *

Как люблю я беспечно смотреть на тебя.
Я смотрю — и на свете ни зла, ни беды.
Ты, как лето, когда созревают плоды.
Если мог бы я вечно смотреть на тебя!

Но мне вечно смотреть на тебя не дано.
В мире вечного нет.
И все чаще о том
Повторяет и дождь, что стучится в окно,
И платан, что листвою шелестит за окном.

1966

* * *

Мои сыновья и моя родня,
Я умоляю вас,
Лицом к родимой горе меня
Положите в мой смертный час.

Видел и мой отец на заре
Ее пред своим концом.
К белой горе,
К снежной горе
Положите меня лицом!

1966

* * *

Что жизнь без неба, где родится зной,
Без дальних гор, где снежные седины,
И дерева, цветущего весной,
Глядящего на белые вершины,

Без мотыльков, чей мимолетен век,
Без воронов, живущих три столетья,
Без иссякающих в пустыне рек
И рек, которым нет преград на свете?

Что жизнь без добрых и без злых зверей,
Без птиц лесных и песни их беспечной?
Жизнь не полна без широты морей,
Без их простора и свободы вечной.

Что жизнь без горьких и счастливых снов,
Без редких праздников и вечных буден,
Без благодарной щедрости хлебов
И жертвенного их служенья людям?

Нет в мире этом ни добра, ни зла,
И в мире том ни ада нет, ни рая
Без звезд небесных, коим нет числа,
И нив земных, которым нету края.

Умейте видеть мудрости печать
И чудо красоты во всем на свете.
А перестать все это замечать и понимать —
Не значит ли навек расстаться с этим?

1966

СТРОКИ ЛЮБВИ К ПРАГЕ

Я глазами Назыма Хикмета
На твои колокольни смотрю.
Ты даруешь мне пламя рассвета,
Ты даруешь и ночь и зарю.

Хоть я здесь не знаток, но ценитель,
И твою золотую красу
Все равно украду, как грабитель,
Или в сердце, как друг, унесу.

Что ты есть? Не найду я сравненья,—
Очертанья ли гор снеговых
Или ставшее камнем виденье
Мастеров безымянных твоих?

Я влюбляюсь не часто, но сразу,
Ни добра не минуя, ни зла.
Я к тебе опускался с Кавказа,
Ты меня к небесам вознесла.

Я — твой раб до скончания века,
Раб, покуда не рухну живьем,
Как сейчас под рукой дровосека
Тот платан на бульваре твоём.

1966

В ПРАЖСКОМ ГЕТТО

Их было много сотен, много тысяч —
Мужчин и женщин, юных и седых.
О, если только мог бы в сердце высечь
Я имена неведомые их
Письмом каленым, явным иль незримым!

Давно все эти люди стали дымом.
И хоть с тех пор летел за годом год,
И нынче мука их неугасимым
Горит огнем и нашу совесть жжет,
Она горит открыто или скрытно.

Земля впитала кровь, следов не видно,
На старом камне новая трава.
Но сердце у меня болит, мне стыдно
Ходить, дышать и рифмовать слова.
Бывает: память с жизнью несовместна.

На кладбище старинном камню тесно.
Сам среди камня рос я с малых лет.
Мне потому доподлинно известно,
Что от беды и камень вопиет.
Как он седеет, видел я воочью.

Защито все, что превратилось в клочья,
Заплатаны дырявые места,
Но слышно, как Европа стонет ночью, —
Не оттого ль, что совесть не чиста?
Здесь и земля и небо — сплошь могила.

Так много было их, живых и милых,
Так много раз оплаканных с тех пор.
Земля, не забывай о том, что было,
Вновь не бросай сама себя в костер,
Чтоб гибели избежать неминуей!

Я расскажу об этом горе жгучем
Своим родимым скалам, и тогда
На эти скалы ляжет черной тучей,
Как мне на сердце, жгучая беда.
Земля, мне страшно! Стань добрей и лучше,
Не повтори такого никогда!

1966

ДОЖДЬ В БРАТИСЛАВЕ

Ярославу Смелякову

В Братиславе в преддверье мая,
С тротуаров пылинки смывая,
Льется дождик — посланец весны,
На суда, что плывут по Дунаю,
На холмы, что остались с войны.

Всюду радостен дождик в апреле.
И платаны чужой мне земли
Мокнут так же, как старые ели
Там, в родимой чегемской дали.

В другие края и селенья
Я задумчиво память несу,
Всех дождей пережитых виденья,
Как деревья, толпятся в лесу.

Сколько крови пролилось издревле,
Сколько армий погибло в бою,
Но как вечны дожди и деревья,
Как пленительны в каждом краю.

Дождь идет. Что забыто — воскреснет!
Дождь идет. Все забудем, что есть!
Дождь всегда — и старинная песня,
И еще не рожденная весть.

Что нам знать о бесславье и славе,
Всем довольно и зла и добра.
Щедрый дождик идет в Братиславе,
И земля, словно дождик, щедра.

1966

ПРОЩАНИЕ С ПРАГОЙ

Прощай, моя Прага, увижу ль опять
Твои мостовые, дома и соборы.
Прощай, не легко мне тебя покидать,
Но ждут меня горы,
Родимые горы!

Как крепки объятия дружбы людской,
Сильнее магнитов улыбки и взоры.
Прощай, не легко расставаться с тобой,
Но ждут меня горы,
Родимые горы.

Так трудно расстаться, когда полюбил,
Вернусь ли к тебе я, вернусь ли я скоро?
Как много разлуке мы жертвуем сил!
Но ждут меня горы,
Родимые горы.

Богаче влюбленного нет никого.
Я стал, полюбив, богачеем, который
Все купит, но сам не продаст ничего.
Прощай, самолет запускает моторы,
И ждут меня горы,
Любимые горы!

1966

* * *

На мир смотрите добрыми глазами,
Чтоб добрым было слово, добрым труд.
Пусть дураки сочтут вас дураками,
Злодеи малодушными сочтут.

Нам, людям, лишь добро приносит счастье.
Оно в конце сильнее зла всегда;
Погибнет в яме волк с кровавой пастью,
Пожар погасят ветер и вода.

Пусть у глупца спокойней жизнь и краше,
Пусть в жизни сам злодей не знает зла,
Добро вовеки будет богом нашим,
Ему — молитва наша и хвала.

1966

М А Т Ь

Проходит женщина к себе в аул
Тропою каменистой и покатой.
Ребенок на руках ее уснул,
Как я у матери своей когда-то.

Проходит женщина, чужая мать,
Вернув меня к истоку жизни длинной.
Мне кажется, должна благоухать
Ее одежда дынями и глиной.

А до меня ей вовсе дела нет.
Она к груди ребенка прижимает,
Как будто ото всех на свете бед
Сейчас его собою закрывает.

Проходит мать, скрывается вдали.
Все в мире начинается сначала.
И кажется, что счастье всей земли
Она сейчас к своей груди прижала.

Тревога жжет ее наверняка.
Что ждет она и что на свете ищет?
Проходит мать, идет издалека
Через века, поля и пепелища.

Идет от сотворенья, как сейчас,
Неся в руках могучих, хоть и тонких,
Истоки жизни каждого из нас,
Как нынче детство этого ребенка.

Ее шаги стихают в тишине.
Все замирает — нет ни туч, ни пыли.
Проходит мать, и показалось мне:
Пред нею горы головы склонили.

1966

В ДОМЕ ДМИТРИЯ ГУЛИА

С тобой абхазской ночью звездной
Я никогда не пил вина.
К тебе пришел я слишком поздно,
Но это не моя вина.

Вот дом, к твоей привыкший власти,
Вот том, прочтенный до конца,
Окно, распахнутое настежь,
Как сердце честного певца.

Твой край был темен, жил убого.
Но ты пред ним рассеял тьму,
Огонь, похищенный у бога,
Принес ты краю своему.

Ты многие потратил годы
И доказал, что всяк язык,
Большого ль, малого ль народа,—
Равно прекрасен и велик.

Сегодня все яснее стало,
Но не сегодня, а вчера
Всем притесненным, слабым, малым
Желал ты счастья и добра.

Печальник и певец скорбящий,
Ты землю озарял свою,
Любуясь соколом парящим,
Бросая крошки воробью.

Ты хлеб свой, далеко не ханский,
Делил на множество частей,
Вином из бурдюков крестьянских
Ты обносил своих гостей.

В те дни твоим я гостем не был,
Тогда, уткнув лицо в траву,
Я видел над Кавказом небо
Во сне, а плакал наяву.

Вина в стакан мой опустевший
Ты не нальешь, не дашь мне знак.
Я в дом пришел осиротевший,
Чтоб бросить сучья в твой очаг.

Я тихо прикрываю дверцы.
Мне видится: на фоне гор
Твое еще живое сердце
Горит и бьется до сих пор.

1967

КАВКАЗ

Мой отчий край, Кавказ мой старый,
Рожденному у этих скал,
Зеленой веткою чинары
В мой первый день ты мне махал.

Я лазал в глубь твоих расщелин,
Законнорожденный твой сын.
Ты мне дарил и склонов зелень,
И белизну своих вершин.

И я, Кавказ, тебя не предал
Вдали от дедовских могил,
Все радости твои и беды
В глазах и в сердце я хранил.

И то, что твоему величью
Не создал я достойный гимн,
Я объясню косноязычем,
А не предательством своим.

Всегда слабей любви и веры
Слова людей; мы не вольны
Служить чему-то выше меры
Тех сил, что скупой нам даны.

Трубить я не умею в трубы,
Но знаю, что в последний час
Мои синеющие губы
Замрут, произнеся: «Кавказ!»

Родимый край, прошу я редко,
Но все же милость соверши:
В последний день своею веткой,
Как в день мой первый, помаши!

1967

Крестьянин в шубе, пестрой от заплат,
Кто не обманывал тебя, мой брат?

И царь, и господин, и генерал,
Кто, бедняка, тебя не обирал?

Кто от твоих щедрот добра не брал,
Кто твой последний скот не угонял?

Кто дом твой, хлев не предавал огню?
Кто не сжигал посев твой на корню?

Любой, кто властью был, кто был богат,
И мед твой пил, и ел твой виноград!

Кто хоть немного был тебя сильнее,
Топтал твой хлеб копытами коней.

И лишь земля одна была как мать,
И не могла она тебя предать.

В ней находил ты испокон веков
И первый хлеб свой, и последний кров.

Ее трава, и камень, и вода
Тебя не обманули никогда.

В ней все твое — и боль твоя, и страх,
И трещины, как на твоих руках.

И камень гор ее, ее могил
Подобен твоему терпенью был.

И понимал ты в час беды любой:
Нет у земли вины перед тобой.

Пусть хлеба ты с земли не собирал, —
Ты небо клял, а землю ты не клял.

1967

БУБЕН

Огонь предо мною стихал,
Металл смертоносный ломался,
Я прахом и пеплом не стал —
Я пламенем был и остался.

Сильнее ударьте меня,
Не очень приучен я к ласке.
Я — жаркая пляска огня,
Огонь незатейливой пляски.

Меня на расправу волнам
Бросали, чтоб смолк я навеки.
Но я не умолкнул, я сам
Звучал, словно горные реки.

На свадьбах мой сладостный звон
В родимых горах раздавался,
И в горестный час похорон
Мой голос в сердцах отзывался.

Меня предавали огню,
Лишали свободы и крова,
Но свадьба — и вновь я звеню,
Поминки — и плачу я снова.

В родимые горы весна
Приходит из области дальней.
Природа встает ото сна,
Ликуя под звон мой печальный.

Ударьте меня посильней —
Ответит вам голос мой древний.
Чем горестней мне и больней,
Тем песня моя задушевней.

Все тленно: печаль и беда,
Мелькание пляски беспечной.
Мой голос звучит, и года
Проходят под стон мой извечный.

Так бейте сильнее меня,
Не очень приучен я к ласке.
Я — жаркая пляска огня,
Огонь незатейливой пляски.

1967

* * *

Когда на меня навалилась беда
И шел я по отчему краю,
«Отдай свою боль мне», — сказала вода,
По горному склону стекая.

Сказала мне высь: «Обернись к небесам,
И в сердце растает тревога».
«Спокойно иди, я тебя не продам!» —
Тихонько шуршала дорога.

«Взгляни на мои голубые снега», —
Чуть слышно гора мне шептала.
«Приляг на траву», — поманили луга.
Прилег я, и легче мне стало.

И стало все просто, и понял я вдруг —
Иного не надо мне рая, —
А только б дорога, да речка, да луг,
Да небо родимого края.

1967

ДВА ГОЛОСА В ГОРАХ

— Твердят, что здесь погрязло все во зле,
Издrevле здесь жестокость почиталась!

— Неправда, здесь, как на любой земле,
Ценили сострадание и жалость.

— Что ж было свято в давние года
Для этих гор, для здешнего народа?

— Здесь было и осталось навсегда:
Священны хлеб, работа и свобода!

— Здесь, говорят, сражались племена,
Чем кровь врага, вода была дороже!

— Здесь знали: кровь людей у всех красна,
Хоть разны боги их и цвет их кожи!

— Чужую жизнь никто здесь не ценил,
Здесь кровь текла, как в половодье реки!

— Неправда, тот, кто кровь чужую лил,
Презренен был и проклят был навеки!

— Не здесь ли Прометея Зевс карал,
Цепями к скалам приковав когда-то?

— Быть может, здесь, но ни одна из скал
В жестокости богов не виновата!

1967

ХРАБРОСТЬ И ТРУСОСТЬ

— Я человека увлекала ввысь,
А ты ему внушала лишь бессилье!

— Нет, я ему твердила: «Берегись!» —
И не гнала, как ты, его к могиле!

— Я говорила, чтоб не гнул он плеч,
Чтоб не боялся смерти неизбежной!

— А я учила всех себя беречь
И не вселяла в души дух мятежный!

— Сын предавал отца: твоя рука
Людей склоняла к подлости, к измене.

— Я только говорила: «Жизнь сладка.
И горе людям, что ее не ценят!»

— Но и огонь, что греет твой очаг,
Не мужество ль похитило у бога?

— Быть может, это все и было так,
Но жизнь есть жизнь, дано ее не много!

— Но храбреца восславит честный люд,
Презренье трусу выпадет на долю!

— Что про него твердят или поют,
Уже умершему не все равно ли?

— Я мужеству учила всех людей,
Я побеждала в человеке робость!

— А я была добрей, твердя: «Скорей
Иди назад, коль пред тобою пропасть!»

— Я говорила: «Не страшна беда!» —
А ты учила страху всех живущих!

— Я лишь учила жизни, ведь всегда
Хлеб и вода в руках у власть имущих!

— Враждуем мы с тобой не первый век.
Я быть хочу свободной, ты — рабою!

— Молчи и помни — смертен человек,
Бессмертны в мире только мы с тобою!

1967

* * *

Упал на траву я, свалился без сил,
И стал я всесильным, как некогда был,
На мне ни греха, ни вины.

Как в детские годы, потрогал я снег,
И стал я мальчишкой, седой человек.
Я чист от его белизны.

1967

* * *

Если вдруг в цветке
Не будет нежности,
Если в ручейке
Не будет свежести,
И поэзия умрет.

Если луг цвести
Не будет летом,
Если вдруг
Даль не забрезжит светом,
И поэзия умрет.

Если мрак ночной
Не будет мраком,
Если злак степной
Не будет злаком,
И поэзия умрет.

Если соль
Соленою не будет,
Если боль
Бездонною не будет,
И поэзия умрет.

Пусть же светит
Небо голубое,
Пусть на свете
Будет все собою.
Пусть поэзия живет!

1967

* * *

Взгляни: блестит луна,
Вовеки не тускнея.
Любовь моя одна
Сравниться может с нею.

Луг ночью при луне
Цветет нездешним цветом.
То, что болит во мне,
Сравнимо с лугом этим.

Чисты вдали хребты
В папах белоснежных.
Подобной чистоты
Лишь боль моя и нежность.

Сегодня звездопад
На вешнем небе позднем.
В душе моей горят,
Не опадают звезды.

Я жду и жду, но ты
Бросаешь взгляд печальный
На дальние хребты,
На луг, не очень дальний.

Ты смотришь, как вода
Течет, смывая сушу.
А я все жду, когда
Ты мне заглянешь в душу!..

1967

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Памяти Георгия Леонидзе

У подножья белой горы
Зеленела чинара, бывало,
Но ударили ствол топоры,
И гора одинокою стала.

Тень чинары в засушливый день
Простиралась над горной тропой.
Рухнул ствол, и сошла его тень,
И тропа погибает от зноя.

Показалась луна в вышине
Над горою, над голою кручей.
Стало больно холодной луне —
И она опустилась за тучи.

На рассвете пробилась заря,
Увидала лишь пень, и, рыдая,
За хребты закатилась заря,
И взойдет ли опять — я не знаю.

1967

ВОЛК

— Я — волк, а волк не вол.
Я по степи кочую.
Я, может, и не зол,
Но сытым быть хочу я.

Я сильный и седой,
Я лязгаю зубами.
Всем слабым быть едой,
А сильным — едоками.

Отара здесь прошла,
Там конь ступил копытом,
Нет у меня к ним зла,
Но я хочу быть сытым.

На поле снег лежит,
Блестит ночной порою.
Тот сыт, кто победит,—
Так этот мир устроен.

Чтобы добыть еду,
Быть непреклонным надо.
Кого я ночью жду,
Того не ждет пощада.

Снег в поле чем белей,
Тем лучше след хранит он.
Я — волк, я — всех сильней,
А сильный будет сытым!

— Ты, волк, кичишься зря,
Ты лишь во тьме храбришься,
Но чуть блеснет заря,
И власти ты лишишься.

— Пусть убегу я прочь,
Лишь свет блеснет за кручей.
Настанет снова ночь,
И вновь — я всех могучей!

— Есть сила на земле
Сильнее волка даже,
Хоть пуля спит в стволе,
Но чабаны на страже!

1967

СТАРИННАЯ БАЛЛАДА

Великий хан, огню и стали
Предав еще одну страну,
«На небе сабля не моя ли?» —
Воскликнул, увидав луну.

Луна светила на жилища,
На мертвых, на холмы могил,
На обездоленных и нищих,
Которых недруг победил.

Луна дарила утешенье
Всем новоявленным рабам,
Сиротам, вдовам, матерям
Погибших в нынешнем сраженьи.

Луна с печалью и любовью
Оглядывала даль кругом —
Траву, окрашенную кровью,
Лес, уничтоженный огнем.

Она любила мир вовеки,
Любила тихие дворы,
Неокровавленные реки,
Неприхотливые пиры,

Любила серебрить арбузы
И озарять любую тварь,
И было для нее обузой
Глядеть на кровь и чують гарь.

И стала вдруг луна багровой,
Как меч, что вынут из огня,
Как медный ковш, покуда новый,
Как кровь убитого коня.

И, высь окинув взглядом властным,
Хан, победивший всех в бою,
Сказал: «Ей должно светом красным
Победу озарять мою!»

Тогда луна зашла за тучи:
Ей было стыдно за людей,
Она была добрей и лучше,
Чем ханы думают о ней.

Союзнница людей влюбленных,
Всех слабых, всех, в чьем сердце боль,
Она, всходя над миром сонным,
Играть не может злую роль.

Она всю ночь на небе стынет
Во имя тех, кто свету рад,
И путь мой озаряет ныне,
Как чей-то сотни лет назад.

Для многих тысяч поколений
Она равно добра всегда,
И вечный свет ее нетленен
И щедр, как хлеб и как вода.

А тот правитель кровожадный,
Свершивший столько грозных дел,
Где завершил поход свой ратный
И под каким холмом истлел?

1967

ГЕРОИ ГОР

В том крае, где свободными бывали
Лишь выси гор всему наперекор,
Вы с материнским молоком впитали
Мечту о вольности, герои гор!

Как много в жизни вашей было боли,
Как горек был ваш хлеб и солон пот,
И только песню и мечту о воле
Не в силах был сковать извечный гнет.

Зов Октября донесся к вам из дали,
Он смел незыблемое искони,
И в детских ваших взглядах заблестали
Его знамена и его огни.

Зов Октября расправил ваши крылья,
Путь озарил и веру вам принес,
И вы в огонь ушли, как уходили
На пахоту, на жатву, на покос.

И хоть давно сражение отгремело,
Я вижу и теперь те времена —
Папахи ваши черны, бурки белы,
И ваша кровь на них красным-красна.

Вы спали в промежутках меж боями,
Валясь, как дерева, на твердый склон,
Вам снилась справедливость, и крылами
Она шуршала, легкая, как сон.

Погибшие в те дни или позднее —
В иные беспокойные года,
Вы умирали, верные идее,
В которую поверили тогда.

И трудный час свой вы встречали смело,
Не пряча взгляда, не сутуля плеч,
Когда в личине праведного дела
Несправедливость обнажала меч.

Вы — не из тех героев, что бывают
Отважны только на пиру хмельном,
Вы — храбрецы из тех, что умирают
За дело легче, чем трубят о нем.

Истлели шапки ваши и шинели,
Горевшие и мокшие не раз,
Но ваш пример и дело не истлели,
Они поныне окрыляют нас.

Мы с вами связаны одной судьбою,
И слышу я наперекор годам,
Как сам Ильич вам машет перед боем
И говорит: «Я, горцы, верю вам!»

1967

РАЗГОВОР С ГОРОЙ

— Чем гордишься ты, гора?
— Есть для гордости причина:
Я белее серебра,
Высока моя вершина.

— Но повыше есть краса,
Тучи движутся несметно...
— Я вонзаюсь в небеса,
Я сильнее, я бессмертна.

— Было здесь давным-давно
Море, и на всем просторе
Гордо гневалось оно...
Где же ныне это море?

1967

ПОГОНЩИКИ МУЛОВ

Там, впереди, — очертанья аулов.
В сумерках смутно дорога видна.
Пляшут крестьяне, погонщики мулов,
Пляшут, слегка захмелев от вина.

Пляшут, заботы забыв на мгновенье,
Тяготы сбросив с натруженных плеч.
Мулы и люди, восторг и забвенье,
Стройное пенье, нестройная речь.

Разве у жизни — одни лишь посулы?
Сбудется все, чего жаждет душа!
С робкой веселостью движутся мулы,
Пляшут погонщики: жизнь хороша!

Вечер как путник бредет запоздалый,
Будто внезапно очнувшись от снов,
Травы и речки, деревья и скалы
С завистью смотрят на двух плясунов.

Выпили горцы-крестьяне немного,
Пляшут — за мулами — навеселе.
Кажется им, что ровнее дорога.
Мягче, нежней вечера на земле.

Кажется им, что ни дома, ни в поле
Не было смерти и тяжелых потерь.
Не было голода, горечи, боли, —
Было всегда хорошо, как теперь!

Кажется им, будто хмелем удачи
Их с головы окатило до ног.
Нет их счастливей, и нет их богаче,—
Пуля не тронет, сробеет клинок.

Все им доступно, подвластно их силе,
Не обманула надежды судьба,
Ближих и милых года не скосили,
Как никогда, уродились хлеба.

К ним и болезни дорогу забыли,
Дети растут, словно в райском саду.
Как никогда, разлилось изобилье
В горских селениях в этом году.

Будто их жены красивей всех женщин,
Будто их овцы жирней всех овец,
Будто все знанья — у них, деревенщин,
Что ни старик, то знаток и мудрец.

Будто старухи, и жены, и вдовы
Разом утратили злость языка,
Будто у каждого стали коровы
В три раза больше давать молока.

Будто в них новые силы вдохнуло
Счастье, которому имени нет.
Выпили горцы, погонщики мулов,
Пляшут, как будто не ведали бед...

В О П Р О С Ы Ж И З Н И

Приходит к каждому в свой час его весна,
И спрашивает жизнь: «А как вспахал ты поле?
Какие в глубь земли ты бросил семена?
Как пестовал весну, расцветшую на воле?»

Приходит к каждому и лето на порог.
Вновь спрашивает жизнь: «Усердно ли трудился?
От сорных трав свои посевы ты сберег?
И хорошо ли хлеб на поле уродился?»

Приходит к каждому и осени пора.
Вновь спрашивает жизнь: «Свое свершил ли дело?
Собрал ли ты зерно? И много ли добра
Ты на зиму припас усердно и умело?»

Приходит к каждому его зима в свой срок.
Вновь спрашивает жизнь: «Готов ли встретить холод?
Все, что задумал ты, сумел ли сделать впрок?
Нашел ли, что искал, когда был свеж и молод?»

Но где, скажите, тот, кто все свершил дела,
Кто мог бы хвастаться: «Своей достиг я цели!»,
Чья сытая душа желанное нашла,
Которому земля и небо надоели?

Пусть всегда нам жизнь вопросы задает,
Пусть они трудны, — а все ж, пока их слышим,
Для нас шумит листва, для нас горит восход
И лунный свет дрожит, трепещущий по крышам.

Когда же с нами жизнь прервет свой разговор,
Вопросы трудные уже не задавая,—
Пустым покажется родной земли простор,
Немилым — лунный свет, чужой — заря живая.

Вкус хлеба и воды утратим навсегда,
Поблекнут все цвета, и ясный день затмится,
В унынье тусклые закружатся года,
Сокроются от нас родных и близких лица.

О жизнь моя, твои люблю я голоса,
Вопросы трудные не прекращай вовеки,
Пусть слышатся они, как ветры и леса,
Пусть движутся они, как поезда и реки.

И если горечи в словах ты не таишь,—
Без этой горечи и сладость незнакома.
В тот день, когда свои вопросы прекратишь,—
Ни пеший, ни верхом не доберусь до дома!

1967

КАЖДОМУ — СВОЕ

Для горца счастье — горы, а для матроса — море.
Как плачут на чужбине, узнали мы с тобою.
Красноречиво наше беседовало горе:
В свой отчий дом придем ли знакомою тропую?

Когда вдали седеешь от милого предела,—
В чужом краю и вёсны безрадостны, как зимы.
Когда твоё жилище в огне дотла сгорело,
Тебе, наверно, снятся клубящиеся дымы.

Я помню: мы с тобою бродили в день палящий.
— На родине,— сказал ты,— вода в реке вкуснее.
— На родине,— сказал ты,— и хлеб, и воздух слаще,
И небо там синее, и листья зеленее.

А кто сказал, что рыба жить без воды не может?
Мудрец сказал! Мы славим высокое пристрастье,—
День мотылька прекрасен и не напрасно прожит:
Тому, кто любит пламя, в огне погибнуть — счастье.

Узнали мы законы любви, беды, смятений.
Мы на земле родились, мы существа земные!
Тот любит шум весенний, а тот — закат осенний,
Один стремится в горы, другой — в поля степные.

И дров ты не нарубишь, любви не постигая...
Друзья, нужны ли споры, нужны ли уговоры?
Тому, кто любит море,— да будет даль морская!
Тому, кто любит горы,— пускай белеют горы!

1967

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Кто понял жизнь и смерть? Кто до конца постиг,
О чем беседует скала с чинарой строгой,
И камень с листьями, и с берегом — родник,
И мгла и снегопад — с безмолвною дорогой?

Какими думами охвачена сосна,
Когда кругом — пурги холодное гуденье?
Падучая звезда печалиться ль должна
И вправду ли ее погибельно паденье?

Что умирающий в последний видел миг?
Напрасно спрашивать: молчит земля сырая.
Кто понял жизнь и смерть? Кто до конца постиг,
Что видит человек, что слышит, умирая?

Наверно, хлебороб, свой напрягая слух,
Услышит шум дождя над спелыми хлебами,
Мычание коров поймет в горах пастух
И отдаленный гром над вешними лугами.

Наверно, слышит мать ребенка смех и плач
И помнит дровосек, как звонко пела птица.
Дрожание струны хранит в себе скрипач,
И крик убитого глушит в себе убийца.

А что услышу я в последний час пред тем,
Как в землю я сойду? Твой чудный голос, мама!
Ты встанешь надо мной, а рядом наш Чегем
По-горски будет петь — свободно и упрямо.

Но будет ли ко мне добра моя судьба,
Увижу ли, когда наступит час кончины,
В сиянии луны — высокие вершины,
В сиянии зари — высокие хлеба?

1967

КОЛОСЬЯ И ЗВЕЗДЫ

Колосьям на земле и звездам неба
Я поклоняюсь, я молюсь на них.
Нет ничего священной счастья хлеба,
Нет ничего счастливей звезд ночных.

Ищи людского счастья проявление
Не только в хлебе. Вспыхнет ли звезда,
Пройдет ли дождь,— начнется обновление
Всего, что жило и живет всегда.

Колосья мирно спеют с домом рядом,
Над домом мирно льется звездный свет,
И радуемся мы таким отрадам,
Таким дарам, цены которым нет.

И счастлив даже вол, уставший за день,
Что блеск звезды проносит на спине,
И окнам дома этот свет отраден,
И он в речной трепещет быстрине.

И видит пахарь, трудно засыпая,
Как хорошо идут колосья в рост,
Он слышит гул рабочий урожай
Сквозь шум дождя и созреванье звезд.

Среди всемирного многоголосья,
Едва взойдет над полем тишина,
Он думает, что звезды и колосья
Взрастил он сам, посеяв семена.

Он рад, когда и поле колосится,
И звезды ясно смотрят с вышины.
Без них ему вселенная — темница,
Без них ни дни, ни ночи не нужны.

Я, раненый, лежал в пшенице. С болью
До колоса дотронулся рукой,
И, свет звезды увидев над собою,
Я понял: жизнь жива в семье людской!

Забыл я все ненастья, все метели,
И встал я, благодарность к вам храня,—
Земля, где для меня хлеба созрели,
И высь, где звезды светят для меня!

1967

ГОРЯНКЕ

Не говорю, что всех ты краше:
Там, где начало наших дней,
Всего милей на свете — наше:
И день светлей, и ночь родней.

Но столько горя и мучений,
Как ты, никто не перенес.
Едва лишь начат день весенний,
А близок старости мороз.

И если слез твоих колодец,
Ты думала, засохнет вдруг, —
Заглохнет жалкий огородец
И скудный, каменистый луг.

Ты поняла, терпя невзгоду
За часом час, за годом год,
Что жизнь дает нам мало меду,
Но вдоволь горечи дает.

Что и работа, и забота
Идут тяжелою тропой,
Что много проливаем пота,
Чтоб вырастить свой хлеб скупой.

Когда, к земле прижавшись грудью,
Земле ты мужа предала,
Рыдала ты средь многолюдья,
Но помощи не обрела.

Да, каждый день в твоём ауле
Гуляла тысяча смертей.
И голод убивал, и пули
Твоих униженных детей.

Узнала ты и хлеб чужбины,
И в горле застревал кусок.
Ты воду горькую кручины
Пила, и тяжёлый был глоток.

Но всё-таки в груди святое
Не иссякало молоко.
Ты становилась тверже второе,
Хоть горе было глубоко.

Мы живы радостью твоею,
Твое лицо — народный лик.
Я пред тобой благоговею,
Язык твой — это наш язык.

Не стану говорить красиво, —
Мне будет стыдно пред тобой,
Пред той землей, где вечно живо
Слияние с твоей судьбой.

Благословляю, — в глине, в тесте, —
Я руки светлые твои.
Они достойны высшей чести
И самой преданной любви.

И сердце, бьющееся вольно,
Благословляю в этот час:
Ему всегда бывает больно
От боли каждого из нас.

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Живи, пока весенним веришь силам,—
Одним живущим жизнь любить дано.
Лети, пока есть крылья, а бескрылым
Лишь грезить о полете суждено.

2

Зима без спросу, грозно, тяжело
Естует в сердце в трудный час, и мнится,
Что вражеское войско перешло
Незащищенную границу.

1967

ЗАВЕЩАНИЕ

Если б завещанье я составил,
Что бы в дар оставил я стране?
Хлеб я славил, воду жизни славил,—
Многое на свете мило мне.

Но, уйдя из этой щедрой шири,
Я скажу,— и ты со мной скажи:
«Пусть побольше будет правды в мире,
Пусть поменьше будет в мире лжи!»

1967

* * *

«Пока есть жизнь, и смерть на свете будет!» —
Твердит мудрец, степенен и суров.
Он прав, но почему не могут люди
Себя утешить правдой этих слов?

Мудрец, он прав, с ним спорить — труд
напрасный,
Но ясно и без слова мудреца:
Заходит солнце, но огонь не гаснет,
И кто б ни умер, жизни нет конца!

И вновь твердит мудрец неторопливо:
«Все в рамках сроков и границ своих».
Я знаю, хоть печальны, но правдивы
Твои слова, и мы в плену у них.

Ни жизнь, ни гибель не содержат чуда,
Я знаю все, но как мне быть, когда
Сейчас я поднял теплого покуда
Птенца, который выпал из гнезда!

1968

ДЕРЕВО И ТОПОР

Есть дерево и тень на склоне гор,
Оно шумит, своей листвою гордится.
Есть дерево и тень, и есть топор.
«Но дерево — мой дом», — щебечет птица.

Топор стучит:
«Я дом разрушу твой,
Моим владельцам нужен дом для счастья!»
Щебечет птица:
«Дом из камня строй!»
«Мне камень не подвластен!»

Стучит топор:
«Срублю, сваляю, сгублю».
А птица стонет близ родного дома:
«Постой, топор, я дерево люблю!»
Стучит топор:
«Любовь мне не знакома!»

Есть дерево и тень на склоне гор,
И птица есть, но в этом мире старом
Есть, кроме птиц и дерева — топор,
И спор извечен щебета с ударом.

1968

БОЛЬНОЙ

Он бредит, то смеется он, то плачет,
То ввысь летит, то катится на дно,
Холодный пот стерев рукой горячей,
Он мать зовет, которой нет давно.

Уже давным-давно немолод сам он,
Сам породил сынов и дочерей.
И все ж он вскрикивает: «Мама, мама!»
И шепчет: «Подойди сюда скорей!»

Больной сегодня слаб и беспокоен,
Старуха-мать в его приходит сон.
И кажется: его щеки рукою
Коснись она — он будет исцелен.

Еще ни разу так самозабвенно
Ее не звал он, как на этот раз.
Ужель всему мы понимаем цену
В свой трудный, может быть, последний час?

Дай бог ему здоровья и удачи,
Ему да будет счастье суждено...
А он стирает пот рукой горячей
И мать зовет, которой нет давно.

1968

* * *

Вы, кто встречает с радостью во взоре
Беду своих соседей каждый раз,
Несчастней тех, к кому приходит горе,
Хотя оно вселяет радость в вас!

1968

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я знаю: песен лучших не бывает,—
Все в песню колыбельную влилось.
В ней — радость и тревога вековая,
И сладость молока, и горечь слез.

Вражду и ложь — осилить все на свете,
Живой остаться — вот ее судьба,
Покуда на земле родятся дети,
Текут потоки и растут хлеба.

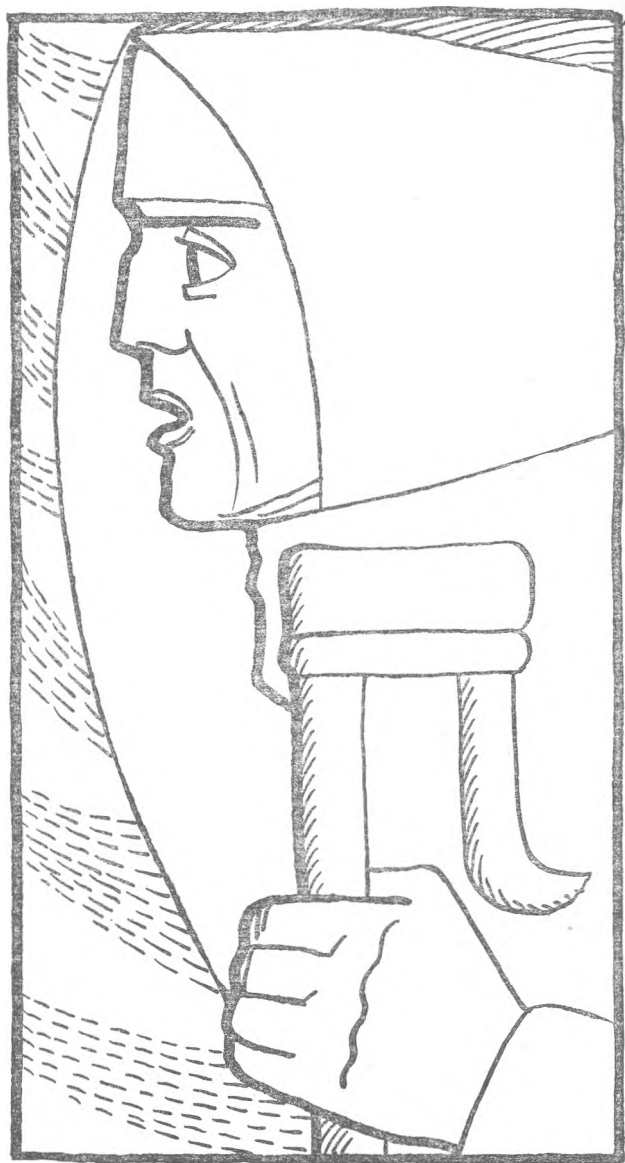
И в час, когда уже мы глиной будем,
Она одна останется живой,
Необходимая всем сущим людям,
Как хлеб, вода и кров над головой.

С младенцем каждым вновь она рождается;
Хоть сотни лет живут ее слова,
Как радость и тревога материнства,
Песнь колыбельная всегда нова.

Нет в мире песни колыбельной лучше,
Она рождается снова каждый раз.
Ее ни грохот битвы не заглушит,
Ни песня бед, ни скорбный плач о нас.

ПОЭМЫ

ПЕРЕВАЛ

Памяти Дмитрия Бычкова

1

На перевале буря бьет. В провалы
Сползает снег обвалом с темных скал.
Кто сосчитает путников бывалых,
Чьи кости стер в провалах перевал!

Столетний лед. Ни тропки, ни дороги.
Короткая дорога — далека,
Так далека, что показалась многим
В последний миг длиннее, чем века.

Над ними ветер захлебнулся воем
И над провалом пропасти утих.
Глубокий снег им вечным стал покоем,
И посели матери у них.

2

В ауле у подножья перевала,
Спасенья ожидая от врача,
В смертельных муках женщина рожала,
В постели жесткой плача и крича.

Крик о спасенье, смятый бури гулом,
Под снежными обвалами пропал.
Как вечность, меж больницей и аулом
Поднялся неприступный перевал.

Свистит буран, и снегом бьет над бездной,
И грохотом отбрасывает крик.
И не пробраться по тропе объездной,
Есть только путь сквозь бурю, напрямик.

Но конь от бури повернет обратно,
Не пролетит сквозь бурю вертолет.
Там гул лавин повторен многократно.
Там снег клубится, превращаясь в лед.

Там голый камень с острым снегом смешан,
Там с ветром перемешан снегопад.
Туда добраться может только пеший,
Вслепую пробираясь, наугад.

И там, в ауле, на границе смерти,
Два сердца догорают, как свеча.
«Он человек, и он дойдет, поверьте», —
И молча дожидаются врача.

Там ждут врача, и там глядят с надеждой
В седой туман, нависший над горой.
Кто проскользнет под буркой бури снежной
Через разгул метели гулевой?

Там ждут врача. И провод телефона
Дрожмя дрожит, натягиваясь весь,
Трепыхой оглушительного звона
Подчеркивая горестную весть.

Там ждут врача. На телефон с укором
Глядят, как на ненужный реквизит.
А снег валит и ледяные горы
На каменные горы громоздит.

А снег валит, клубится у порога,
И каждая секунда дорога.
И на аул спускается тревога
Тяжелая, как горные снега.

И вот Азрет собирается в дорогу.
 Душа его тревогою горит.
 — Не будь мальчишкой, подожди немного, —
 Азрету старший фельдшер говорит.

Метет буран. Хоть вылезти из кожи,
 Не одолеешь ночью высоты,
 И никому помочь уже не сможешь,
 Когда погибнешь под обвалом ты.

— О нет, Омар, я все ж пойду! Иначе
 Как посмотрю я завтра на рассвет?
 Я горец по рождению, и, значит,
 Мне в малодушие оправдания нет.

Ведь мой отец на Ленинградском фронте
 О том не думал в свой последний час,
 Что упадет в бою однажды мертвым,
 А выполнял своей земли приказ.

И я пойду! Иначе я гордиться
 Не вправе буду именем отца.
 Героя сыну трусить не годится.
 Уж лучше в пропасть — честно, до конца.

Пускай уж лучше ледяные камни —
 Не тяжесть страха — давят сердце мне.
 Судьбой своей я вечно буду равным
 С отцом своим на милой стороне.

— Иди, Азрет! — сказала мать Азрету. —
 Будь, как отец. — А на своем веку
 Мать сто мостов прошла по белу свету,
 Решимости не обронив в реку.

Она могла увидеть сына мертвым,
 Но трусом видеть сына не могла.
 О женщины, вы в нас вселяли твердость,
 В наш трудный век она не подвела.

И мать Азрета в этот вьюжный вечер
Накинула чернее ночи шаль,
И вместе с шалью ей легла на плечи
Тяжелым камнем новая печаль.

— Иди, Азрет! — Но смутную тревогу
Не выдало спокойное лицо.
И сын ушел в последнюю дорогу,
И буря снегом замела крыльцо.

— Иди, Азрет! — И сын ушел из дома,
Как уходил отец в последний раз.
А мать смотрела на очаг знакомый,
В тревоге смутной не смыкая глаз.

О матери и жены,— видно, чище
Нет наших душ, что вырастили вы.
Что наша жизнь без мужества? Кладбище.
Сад без плодов. Деревья без листвы.

За нами сыновья идут по следу
Сквозь бурю века, не жалея сил.
Без гибели храбрейших нет победы,
Нет жизни без заснеженных могил.

Простите нас за то, что в стынь и слякоть,
Встречая смерть от пули и клинка,
Мы вас в тревоге заставляем плакать.
А жизнь идет. Дорога далека.

5

Валится снег. Густой туман клубится,
Заводит ледяную карусель.
Ущелье воет раненой волчицей,
Ломают крылья белая метель.

Свистит метель над снежным перевалом.
Сплошная тьма — ни тропок, ни дорог.
О, сколько, буря, путников бывалых
Над пропастью ты сваливала с ног!

Азрет идет. Бураном лед обколот,
И рваные осклизли острия.
Попеременно то огонь, то холод
По телу пробегают как струя.

Идет Азрет, как ходят в штыковую,
По осыпи сползающей, на склон.
А буря бьет в упор, напропалую,
Орудиями с четырех сторон.

Язык обвала слизывает тропы,
И режет снегом ветер боковой.
Уступы неприступны, как окопы.
Здесь, может быть, трудней, чем в штыковой.

Здесь каждый шаг — как под смертельным
дулом,
Как под прицелом темной пустоты.
Обвалом снежным камни повернуло,
Они ползут, как танки, с высоты.

Идет Азрет. Ползет. Как ледорубом,
Цепляется руками за скалу.
В отчаянье прикусывает губы
И вновь сползает в ледяную мглу.

И снова вверх. И кажется, что прорван
Сегодня ад и выпущен на свет,
И снег валит, клубится снега прорва.
Грохочет тьма. Вперед дороги нет.

Ни огонька. И темнота как тина.
Слабеет в напряжении рука.
«Назад!» — грохочет снежная лавина.
«Иди, сынок! — звучит издалека.—

Я голову дыханьем отогрею,
Я поцелую лед сниму с бровей,
К груди своей прижму тебя. Скорее,
Смелее поднимайся, не робей!

Не бойся только. Сердце мое рядом,
С тобой сейчас. И, видишь, впереди
Твоя дорога материнским взглядом
Освещена над пропастью. Иди!»

Азрет встает. Идет вперед. И снова
Нащупывает выступы нога.
А мать сидит и смотрит на багровый
Огонь мерцающего очага.

«Не дай, аллах, погибнуть сердцу сына,
Как я не дам погаснуть очагу».
Ревет буран. Туман клубится синий,
Качается вселенная в снегу.

Подбрасывает мать в огонь поленья,
И веселей огонь закиривал.
Ползет Азрет по каменным ступеням,
По осыпи скользя, на перевал.

6

Сжимаясь, пальцы на ветру немеют,
Тяжелым снегом застигает взгляд.
Дышать труднее. Губы леденеют,
И ноги, непослушные, скользят.

Ни дерева, ни камня. Мир закован.
Куда ни ткнишь — свистящий снег и лед.
Азрет на миг позабывает, кто он,
Откуда он, куда сейчас идет.

«Иди назад!» — наотмашь хлещет ветер,
Пронзительною злостью обуян.
И кажется, что все пути на свете
И все дороги схоронил буран.

7

Идет Азрет у пропасти по краю
И слышит строгий голос за спиной:
«Иди! Не бойся, я с тобою. Знаю,
В какой ты путь отправился, сынок.

Иди, сынок! Не бойся. В мире вечен
Лишь только подвиг. Смерть у нас одна.
Она сама определяет встречу,
А я-то знаю, как она трудна.

Я молодым погиб в бою как воин,
За нашу землю, жизнью верный ей,
И я, сынок, сейчас тобой доволен:
Ты Человеком стал среди людей.

А если б ты остался дома, рабской
Душою струсил и не вышел в бой,
Наверно б, я в своей могиле братской
Заплакал от позора, как живой.

Тоскуя по тебе, я брал на руки
Чужих детей. Томился без конца:
Перед атакой и в предсмертной муке
Мне не хватало твоего лица.

Ты стал мужчиной, мальчик мой. И очень
Трудна твоя дорога. Продержись
Еще немного. Сделай все, что можешь,
Но сохрани свою сегодня жизнь.

Иначе мать от горьких слез ослепнет
И навсегда останется одна,
С туманным взглядом холоднее пепла
И сединой блее полотна.

Она меня оплакивала долго
И так же будет плакать о тебе.
Будь тверд, мой мальчик. Нету выше долга
Взбираться вверх, наперекор судьбе.

Мы никогда с тобой не расставались.
Сегодня твой черед идти на бой.
Я не хочу, чтоб матери остались
Лишь наши фотографии с тобой.

Как будет плакать мать! Взирайся кверху.
Слез было много, будут — впереди.
Без подвига все в мире, на поверку,
Засохнет, словно дерево. Иди!

Смелей, сынок! Не отступай ни шагу,
Храбрый только чувствует на вкус
Прекрасную высокую отвагу,
Гнилой крапивою умирает трус.

У храброго одна дорога — кверху,
У храброго — к бессмертию ключи.
Он умирает так, как пересверки
Слепящей светом молнии в ночи.

На дне морском не спрячешься от смерти,
Везде найдет, на плечи взвалит груз.
В глаза заглянет, четкий круг очертит.
И вечной жизни не добьется трус.

Я впереди. Иди за мною следом.
Взбирайся вверх, срываясь и скользя.
Вершины часто замечает снегом,
Но отступать пред высотой нельзя.

Я вижу все. И я сегодня знаю:
Ты Человеком стал среди людей.
Я за людей погиб. Благословляю
Тебя на подвиг и на жизнь. Смелей!

В глаза тебя целую, открывая
Твои глаза, отогревая лед.
Горжусь тобой, но рана штыковая
Мне это громко крикнуть не дает».

Азрет встает. Его не сокрушила
Ни ночь, ни вьюга. Храбростью храним,
Он лезет вверх. Бураном бьет вершина.
И весь аул взбирается за ним.

8

Обрывы слева и обвалы справа.
Седые глыбы ледяной брони.
Буран — на седловине перевала,
По сторонам — аульские огни.

На перевале— ураганом косит,
Вслепую, спотыкаясь, наугад
Идет Азрет, как в штыковой, проносит
Живую душу через этот ад.

Без боя здесь не сделаешь ни шагу,
Но сердце устремляется вперед.
Не эта ли решимость и отвага
Нас по дорогам космоса ведет?!

И ночь в пути, как двадцать лет в дороге,—
Так измотал Азрета перевал.
Азрет добрался и на том пороге,
Где смерть стояла, задыхаясь, встал.

Здесь буря не рвалась и не кололась.
И в тихом ветре он услышать смог:
«Спасибо, милый!..» — материнский голос.
И вздох отца: «Ты молодец, сынок!..»

9

Был первый крик спасенной жизни громок.
И солнце засияло впереди.
И словно улыбнулся тут ребенок,
И мать прижала первенца к груди.

Чабан Адильгери рождению сына
Был, словно жизни обновленной, рад.
И у врача прощения просила
За все тревоги молча Фатимат.

Азрет стоял, смежив устало веки,
Не ожидая никаких похвал.
Он Человеком был. И Человека
Высокий долг повел на перевал.

В честь сердца человеческого Азрета
И мальчика Азретом нарекли,
Чтоб людям нес запас добра и света,
Достойного своей родной земли.

Живи, Азрет! И помни об Азрете.
Как он, не бойся холода и тьмы,
Через пропасти, опасности, сквозь ветер
Иди — и будь счастливее, чем мы.

Две жизни ликовали. Жизни ради
Не зря Азрет собою рисковал.
...Смерть повернулась за порогом, сзади,
И медленно ушла на перевал.

10

К полудню распогодилось. И взору
Открылся мир сверкавших солнцем гор.
И радость сердца поднималась в гору,
В блистающий заснеженный простор.

Был счастлив мир. И было столько света,
Голубизны чистейшей чистоты,
Как будто праздник, запоздавший где-то,
В аулы опускался с высоты.

Новорожденный улыбался свету,
От Фатимат струился тихий свет.
Опасность миновала. Смерти нету.
В обратный путь отправился Азрет.

Он поднялся к вершине перевала.
Снег под ногой подался, застонал,
Лавина по камням загрохотала
И кинулась, и начался обвал.

Он в сторону метнулся от удара.
Лавина повернула напролом.
И он упал, как падает чинара,
Под корень срубленная топором.

Захлебываясь отзвуками гула,
Срывая камни, прыгая, скользя,
Его лавина в пропасть потянула,
Вцепилась в ноги. Вырваться нельзя.

Смерть снова встала на твоей дороге.
Догнала. Забирает. Заберет.
Азрет... Азрет... Тебя не держат ноги,
Стал очень скользким под ногами лед.

«Смерть!» — голосит летящая лавина.
«Смерть!» — повторяют скалы и холмы.
Азрет... Азрет! Ты падаешь в теснину,
И больше нет ни лета, ни зимы.

Живое сердце милый мир покинет.
Над пропастью затихнет крутоверть.
И ты свое позабываешь имя.
И сердце останавливает смерть.

Но слышишь ты в последнее мгновенье,
На зыбкой грани смертного конца,
Стон тяжкий матери и сожаленье
Последнее, горчайшее, отца.

Конец всему, что мило и не мило,
Ни страха, ни печали, ни утрат.
У каждого из нас души светило
Своим путем уходит на закат.

11

Шаль черная на весь аул надета.
На улице аула — ни души.
Оплакивали женщины Азрета
И причитали в горестной тиши:

— Зачем ты смерти покорился рано?
— Зачем пошел на ледяной откос?
— И матери зачем нанес ты рану?
— Зачем ты горе матери принес?

— Зачем в дому последние подпорки
Ты гибелью своею подрубил? —
Мать слушала, потом сказала горько:
— Он правильно, мой мальчик, поступил.

И, как бы в одобрение, снаружи,
Сквозь причитаний горестную тишь,
Израненной душою голос мужа
Услышала: «Ты верно говоришь.

Я плачу рядом. Боль невыносима.
От слез и боли светлый день ослеп.
Меня оплакав, провожаешь сына,
Единственного. Горек вдовый хлеб.

Прости меня, как должно и как нужно,
Жена моя, за снег твоих седин.
Платить за жизнь ценою малодушья
Я не умел. Оно — не для мужчин.

Как волосы твои сегодня седы...
Дай голову. Прижмись к груди, жена!
Мы поровну с тобой делили беды,
Теперь же будешь бедовать одна.

Не превращал я равнодушие в бога,
Как жалкий трус, оставшийся в живых.
Наш сын погиб. Он шел моей дорогой
И жизнь свою отдал за жизнь других.

А трус живет. Живот растит во благе,
Для ближних не теряя волоска.
Он променял сладчайший вкус отваги
На жирный запах жирного куска.

Трус — в жизни мертв. Мы — в смерти
воскресаем.

Честь человека подвигом храним.
Для трусов жизнь закрыта караваем,
И хлеб отваги недоступен им».

12

Мать чуткою душою услышала
Сквозь голос слез, затерянный в снегу,
Сыновий голос: «Мама, с перевала
Я не вернусь к родному очагу.

Мне не подняться больше, не добратся,
Не дотянуться через лед и снег,
К твоей щеке щекою не прижаться,
Не улыбнуться солнышку во сне.

Прости меня! Я не искал погибель.
Я очень виноват перед тобой,
Что слишком поздно смерть свою увидел.
У смерти не отпросишься домой.

Прости меня! Но в той дороге поздней
Я радость принести тебе хотел.
Горят дрова и не дают замерзнуть
Зимою людям,— так и я горел.

Судьба людей мою судьбу просила
Через буран идти на перевал.
Чтоб тяжесть равнодушья не давила,
Я сам на плечи тяжесть смерти взял.

Ритм чистый моего сердцебиенья
Тяжелый снег остановил навек,
Как снег нагорный, чистые стремленья
Моей души засыпал горный снег.

Прости меня! Мне оправдаться нечем.
У радости и горя свой союз.
Груз смерти я взвалил себе на плечи.
И на вершину поднял этот груз».

1962

ЧЕГЕМСКАЯ ПОЭМА

*Когда я говорю с горами,
я с целым миром говорю.*

1

Чегем, вновь, как в детстве, ты радуешь взгляд:
ущелье, скала, над скалой — орел.
Нет выше, чем ты, для меня наград,
благодарить я тебя пришел.
За материнской груди теплоту,
за тень твоих гор на горячей земле,
за дворик под деревом, луг в цвету,
за лунный свет на ночной скале,
за то, что прозрачны твои родники,
за хлеб моих детских далеких лет,
за холод и свежесть речушки Жылги
и за багровый смородины цвет,
за чистого неба голубизну,
за скал высоту и за их красу,
за снег на хребтах и его белизну,
за зелень травы в ущелье, внизу,
за гул водопада в твоей тиши,
который я с детства в себя вбирал,
за сыновей твоих, крепость души
взявших у этих камней и скал,
за речки, в которых мальчишкой босым
играть я любил, не тревожим ничем,
за детство, прогретое солнцем твоим,
благодарю тебя, мой Чегем,
за утра твои, когда мама меня
будила так ласково, благодарю,
за то, что потом, после знойного дня,

внимал ее сказкам я, благодарю.
Здесь в синь уходили громадины скал
и тучи цеплялись за них внизу,
здесь ветер холодных вершин засыпал,
наткнувшись на сосны Гара-Аузу,
и красные, белые, средь камней
цветы для меня тут цвели в тишине.
Благодарю тебя за коней,
которые снятся и нынче мне,
за мула, чьи ноги крепки и сильны,
за ослика, спутника детской поры,
за то, что мне снились счастливые сны
тут в травах пахучих в тени горы,
за древние башни, известные всем,
за мастерство твоих скромных людей
благодарю тебя вновь, Чегем,
исток и начало песни моей!..

Так возвращается мартовским днем
птица в гнездо из далеких стран,
так возвращается всадник в свой дом,
к матери в дом, измучась от ран,
веря, что ждут его здесь чудеса,
что кончится боль, если рядом мать,
веря, что стоит ей глянуть в глаза,
и легче вдруг станет ему умирать.
Так я возвращаюсь знакомой тропой
туда, где родился, к тебе, Чегем.
Я верю, что час самый трудный мой
окажется здесь нетрудным совсем.

Зерна у тебя было меньше всегда,
чем камня...

Но жизни дороже была
чегемским крестьянам твоя красота,
и воздух в ущелье, и в тучах скала.
Пастух твой, и пахарь, и каменотес —
работы досталось достаточно им,
но каждый любовь в своем сердце пронес
и к глине, и к камню, и к травам твоим.
Для них опустели бы долгие дни
без этого неба, воды и дорог.

И жизнь за тебя отдавали они,
чтоб враг тут ходить, как хозяин, не мог.

Костер угасает, лишается сил,
коль дров не подбрасывать часто в него.
Кто прошлые дни беззаботно забыл,
в грядущих не в силах понять ничего.

Могилы на склонах, как камни, просты.
Тут спят они — те, кто всей силой сердец
меж прошлым и будущим строил мосты,
кто в тяжелой работе встречал свой конец.

Здесь совесть и честь почитались всегда,
как то, без чего ни ходить, ни дышать.
Еще почитались так хлеб и вода.
Свобода. Земля эта. Правда и мать.

Тут слабого бросить никто б не посмел
в дороге: позор до скончания лет.
Все знали: коль дом у соседа сторел,
не должен бездомным остаться сосед.

Коль всадник в пути старика догонял,
идущего той же дорогой пешком,
ему уступал он с почтеньем коня
и дальше неспешно шагал за конем.

С ушедших из жизни пришедшие жить
тут брали пример.

И меня до сих пор,
покуда я жив, продолжают учить
простые крестьяне родных моих гор.

Когда становилось мне трудно дышать,
о них вспоминал я, мечась, как в огне:
в могилах своих оставались лежать
и все ж приходили на помощь ко мне.

Чегем, разговаривать с небом твоим,
с горами, с дорогами радостно мне,
когда говорю с твоим камнем любимым,
травой твоей теплою, сладостно мне.

Шум речек бурливых и говор ручья,
как райские звуки, томят меня здесь,
и, кажется, каждая птица твоя
мне в клюве приносит счастливую весть.

Кизил и малина красней, что ни день.
Их видя, я радуюсь даже во сне.
Свет лунный на скалах и облака тень
приносят раздумья счастливые мне.

Названья чегемские! Я наизусть
твердил их. Они мне, как воздух, нужны.
Когда я, тебя вспоминая, ложусь,
мне видятся только счастливые сны.

Вот так и живу я, Чегем, как хотел.
Ты первый мой свет и последний мой свет,
моя беспредельность и все же предел,
мой дом, для которого гибели нет.

Вот речка, в которой в далекий мой год
я пляску форелей увидел, дивясь.
Она, как и прежде, несется с высот,
играя, бурля, грохоча, веселясь.

Родник!

Его чистой водой моя мать
лицо мне умыла. С ним рядом — скала.
Стоит, как привыкла веками стоять,
и смотрится в воду, от зноя тепла.

Тропа.

Камениста она и темна.
По ней я на ослике ездить любил.
В теснину, как прежде, уходит она,
по ней мой отец на охоту ходил.

Во всем тут исток моих мыслей и слов,
раздумий моих и надежд молодых,
рассветов моих и моих вечеров,
и ритмов моих, и напевов моих.

Исток моей совести, боли моей
и памяти всей, где прохлада и зной

и эти цветы, что с младенческих дней
алели, белели вдали надо мной.

Пришло сюда горе.

Как все, я рыдал,
казалось, в ущельях шел дождь проливной.
Но солнце пригрело. И снова я стал
петь песни, как речка, как птица весной.

Вдруг сделав дурное, стыдился я взгляд
на горы поднять, свой проступок кляня.
А сделав хорошее, верить был рад,
что горы теперь одобряют меня.

Впервые тут плакал я, горе терпел,
впервые увидел, как тучи плывут,
впервые я тут улыбнулся, запел,
впервые всем сердцем поверил я тут
в жизнь,

в свет, в человечность, в высокий свой век,
в людей, населяющих мир и аул,
на белую гору, на травы, на снег
впервые я здесь на рассвете взглянул.

Когда в эту землю для вечного сна
я лягу, забыв про тревоги и труд,
ко мне не придут ни зима, ни весна,
но к этой земле они снова придут.

Чегем,

нас не может и смерть разлучить:
я глиною стану твоей, бороздой.
А жизни в тебе никому не убить,
заря будет вечно сменяться зарей.

И, смертный, я счастлив, встречаясь с тобой,
бессмертную видеть твою красоту
и мощь, недоступную смерти слепой,
твое и величие, и высоту.

Я сам за собою не раз замечал,
как рядом с тобой становился прочней —
одной из твоих нестареющих скал,
а может, и белой горою твоей.

Чегем,

ты мой дом, мой исток и исход.
И корень всей жизни, и сказка, и песнь,
тобой мое слово поныне живет,
я в мире не беден, покуда ты есть.

2

Отец,

давно ты спишь тут у подножья
горы, как ты хотел когда-то сам.
Где только не был я в наш век тревожный,
но вновь пришел к тебе, пришел к горам...
Лежишь в земле.

А ты ведь землю эту
пахал, по ней охотиться ходил,
ты видел сумерки ее, рассветы,
на ней сынишка твой волчок крутил.
Когда-то ты на этих склонах сено
косил. С утра коса была легка.
Иль вдруг на белом жеребце, мгновенно
его взнуздав, взлетал под облака.

И, на плясуний тоненьких взирая,
сидел, усы в восторге теребя,
здесь свадьба и твоя прошла, сверкая,
смешав с рассветом полночь для тебя.
Здесь среди скал похоронил ты тоже
своих отца и мать в земле родной.
И я, твой сын, здесь рос, ел хлеб,
а позже
сам буду рядом здесь лежать с тобой.

Ты спишь в могиле.

В изголовье — скалы,
в ногах Чегем несется вниз с высот,
с горами, с небом, не устав нимало,
как при тебе, беседу он ведет.

Как я томился, как хотел я снова
услышать шум реки моей, когда
я жил не здесь, а душу мне и слово
одела в траур черная беда.

Мой каждый день был горек.

И повсюду
я видел эти скалы, склон сухой
и все хотел не умереть, покуда
к земле я этой не прижмусь щекой.
И снова этот склон глаза искали,
как наяву, аул я видел весь...
Но снег, чужой мне, слезы прожигали...
Лежать в земле хочу я только здесь.

Отец,

не знал ты, что со мною было
в дни горя. Для меня в те времена
печально солнце каждый раз всходило,
всходила грустно каждый раз луна.
Но все ж тебе тогда, терпя и мучась,
не говорил про горе я свое,
молчал, чтоб ты не знал про нашу участь,
не тосковал в земле из-за нее.
И хорошо, коль так это осталось,
коль ты не знал тогда про тяжесть дней.
И то, что мне досталось — мне досталось,
не стало лишней ношею твоей.
И разговор веду я невеселый
не с тем, чтоб жалобой томить тебя.
Сам проносил я камень свой тяжелый
и сам держался, горести терпя,
чтоб лишь не опорочить землю эту,
где ты лежишь,

чтоб, греясь у огня,
мне чистым быть и не бояться света
и чтоб вода не прокляла меня,
чтоб мне твое не опорочить имя,
не взять на душу непосильный грех,
чтобы меня с поступками моими
не прокляла земля моя навек.
Хотел, чтоб гор достоин хоть отчасти
я был в любом из слов моих и дел...
Я для живых молил на свете счастья,
о павших и загубленных скорбел.
Не только пред живыми, но пред теми,
кто жил до нас,

в ответе мы сейчас.

И ничего, что кончилось их время,
они пахали землю раньше нас.
Конечно, перед ними мы в ответе:
судьбу земли вручили нам они.
За зло и за добро — за все на свете
мы, только мы в ответе в наши дни.
Мы тоже людям после нашей смерти
оставим то, что им нужней всего:
родную землю, совесть, милосердие,
жизнь, мужество, надежду, мастерство.

Отец,

уж полстолетия пролетело,
как ты умолк, как скрыт от наших глаз.
Земля за это время не сгорела,
хотя она горела много раз.
Теперь уже тебя я много старше.
И пережить пришлось немало мне.
В таких боях я был, что часто даже,
мне кажется, я видел их во сне.
Вновь облака проходят над твоею
могилой, над селеньем, где я рос...
Не с жалобой на жизнь пришел к тебе я,
любовь к тебе и боль свою принес.

Лежишь в могиле. А вокруг все то же.
Вот облака плывут к снегам хребтов.
На них и ты смотрел, на бурке лежа,
когда ты был и молод и здоров.
Все живо — небеса, земля и горы,
такой, как при тебе, их вид и цвет.
И та же высь, и та же мощь простора —
у них не как у нас, конца им нет.

Дымки аула. Башни. Синь без края.
Коровы бродят по горам вдали,
застыли скалы, словно охраняя
покой, и жизнь, и радость всей земли.
А это надо, чтоб не умирала
жизнь, как аулы здесь, в тот черный год.
Земля родная — вот всему начало.
Она жива. А то б житья не стало
всем, кто в ней спит и кто на ней живет.

Отец,

в земле чегемской спишь давно ты —
среди соседей давних и друзей,
как будто возвращались вы с охоты
и отдохнуть легли ватагой всей.
Но не начнете вы по старой дружбе
вновь разговор о сене и зерне,
как и о том, каким сиротам нужно
подбросить дров к зиме, муки к весне.
Откуда знать вам, как теперь на свете,
дождь или снег?

Светло или темно?

Как ваш аул? Как близкие? Как дети?
Не доходили вести к вам давно.

А ведь бывало счастье и несчастье.
Однажды камень со скалы упал,
и, как у нас в горах бывало часто,
твой брат родной убит был наповал.
Да что!

Когда б глаза открыл ты снова,
двоих сынов нашел бы в эти дни.
А было пять.

Ты б на земле суровой
недосчитался многих из родни.
Ты сыновей растил, как все, мечтая
им счастье дать.

Пока ты видел свет,
все делал ты для них. Но мгла пустая
в твоих глазах. А с мертвых спросу нет.

Ращу я тоже сыновей в тревоге
о том, какими будут, что их ждет,
прося судьбу их побережь в дороге,
желая мыслей чистых и забот.
Извечная отцовская тревога!..
Я в жизни продолжал твои пути,
к ней относясь не как к забаве — строго.
А заблужденья мне, отец, прости!
Но ты — в родной земле.

Тебя беднее
те, кто не здесь покинул белый свет:
бог знает, где теперь их кости тлеют,
в их изголовье даже камня нет...

Жизнь не сломила нас.

С несчастьем споря,
все вынесли мы, сладили с бедой.
Порой мы чуть не падали от горя,
как скалы, поднимались мы порой.
И рассказать тебе пришел сюда я,
как стоек твой народ,

как труден век
и как порой бывает нестигаем
живой и, значит, смертный человек.

Как ты меня покинул в день далекий,
так я своих покину сыновей.

Они потом пойдут своей дорогой,
как я всегда дорогой шел своей.

Все это зная,

славлю жизнь я все же
за то, что все равно живет весна.
Никто на свете вечным стать не может,
ты только, Жизнь, ты вечной быть должна,
и ты, Земля.

Цвети и пахни хлебом,
хребтами гор скрывайся в синей мгле.
Земля — землей пусть будет, небо — небом
и счастьем — жизнь живущих на земле!..

3

Земли и хлеба было очень мало.
Вссьмой ребенок родился на свет.
Отец старался, чтоб еды хватало,
чтоб каждый был в семье обут, одет.
Пахал, сначала пашню очищая
(срывались камни каждый раз со скал).
Молился каждый год об урожае,
чтоб он опять от града не пропал.
Охотился он. Жизнь была простая,
жил по-крестьянски, как любой сосед.
И умер, тоже грамоты не зная,
как до него отец его, как дед.

А книгами — из них узнал он много —
ему служили вечера и дни,
и стены скал, и камни на дорогах,
ночных костров пастушеских огни,
и змейки троп, ведущие на скалы,
и под луной сиянье ледников,
и перевалов снежные провалы,
и очерк турьих выгнутых рогов.

В своих ущельях заперт,
в час печали
молился наш народ лишь высям скал.
На всей большой земле нас мало знали
и даже мало кто о нас слышал.

Отцу и не приснилось бы такое,
что сын его начнет читать, писать
и будет жизнью жить совсем другою,
чем жили до него отец и мать.

Он был бы рад, что я пишу?
Не знаю.
Возможно, счел забавой бы пустой,
возможно, труд мой делом не считая,
он даже посмеялся б надо мной.

Ему бы, может, видеть было больно,
что некрестьянской жизнью стал я жить,
и, может, он сказал бы:

«Брссь, довольно!
Вернись в аул, чтоб человеком быть».

Как знать!..

Всю жизнь желанье мной владеет
лицо отца увидеть наконец.

Но даже фото не нашел нигде я,
чтоб хоть сказать:

«Смотрите, мой отец!»

Он не оставил своего портрета.
Косьба, охота, пашня — до того ль?
Откуда было знать ему, что это
мне принесет потом такую боль...

Те дни давно в тумане потонули.
Но помню: я с мальчишеских годов
завидовал всем сверстникам в ауле,
имевших фотографии отцов.

Когда мой сын был мал, вдруг попросил он:
«А покажи-ка мне, какой был дед!»
Я правду был сказать ему не в силах.
Другого «деда» показал портрет.

Прэт Коста в черкеске, при кинжале
смотрел в глаза, серьезен, добр и прост.
Но сыну в школе книжку показали,
он все узнал. У лжи короткий хвост!

«Зачем ты лгал?» — спросил Эльдар сурово.
«Прости, сынок!» — я только мог сказать.
Совсем несладко за отца родного
другого человека выдавать.

Я своего отца увидеть жаждал
хотя б во сне.

Не удавалось мне.
Всю жизнь того хотел. И лишь однажды
ко мне пришел он все-таки во сне
в чужом краю.

Уж было мне за тридцать.
Мела метель. Не виделось конца
моей беде. Я лег, смежил ресницы.
И вдруг увидел своего отца!

Закутанный в башлык, походкой властной
вошел он быстро в комнату ко мне.
И я вскочил пред ним, дрожа от счастья,
я был таким счастливым в этом сне!

Отец, отец! Мне все в нем было внове.
Он строен был, высок, широк в плечах...
Но были грустны сдвинутые брови,
была печаль в уверенных глазах.

Такими я навек с тех пор запомнил
черты его серьезного лица.

Благодарю, заснеженная полночь!
Я видел облик моего отца.
И на своем плече я помню руку
и слышу:

«Сын! Достоинство свое
важней всего. Твою я вижу муку.
Но будь мужчиной, вынеси ее!»
...Пусть это только сон.

Я верю все же,
что в эту полночь видел я отца.
Он был таким. Другим он быть не может.
Таким со мной и будет до конца.

4

Отец мой жил своим трудом и потом.
Сам и пастух и пахарь.

На него
никто, я знаю это, не работал,
как, впрочем, он и сам ни на кого.
От века никого не угнетал он,
но и себя не дал бы угнетать,
рабом ничьим бы ни за что не стал он,
но и убийцей он не мог бы стать.
Любил свободу, землю. Жил он строго,
обида не терпел, но без причин
он даже пальцем никого не трогал:
быт наших гор его так научил.
Жизнь отпускала благо, как по норме,
ему, скупясь,

чтоб веру в нем убить.

А он:

«Земля работающих кормит,—
твердил.— Работать будем. Будем жить!»

«Земля, вода — все скоро вашим станет,
и будут все равны — встает заря!
Все поднимайтесь! На борьбу, крестьяне!
За равенство!» — то голос Октября
дошел и к нашим горцам, в их селенья
по всем дорогам он спешил сюда.

Он говорил:

«Нужде и угнетению
теперь конец приходит навсегда!»
И это было по душе крестьянам —
всем пастухам и пахарям в горах.
«Неужто светлой жизнью жить мы станем,
забыв нужду, забыв о мрачных днях?»

Не этого ли мы всегда хотели —
всем надо землю поровну раздать.
И если скоро впрямь ее разделят,
чего еще нам большего желать?»
Живым — живое. Так всегда бывало.
И горцы, чей характер крут и прям,
как собственной земле, как вечным скалам,
неслыханным поверили словам.
Как будто искры на траву сухую
упали вдруг и вспыхнула земля,
как будто воды хлынули, бунтуя,
и выжженные ожили поля.
И многие, призывам новым внемля
(так окрылила их о правде весть),
ушли сражаться, чтоб с боями землю
и счастье небывалое обрести.

Земля. Вода. Хлеб. Равенство. Свобода!
Ведь в них и у отца была нужда.
В родных горах за все былые годы
он лучше слов не слышал никогда.
Права на землю!

Что на свете было,
о чем крестьянин мог мечтать сильней?
Все — ночи, дни, надежду, сердце, силы —
он отдает земле. И только ей.
Как будто в каждом камне — соты меда,
он в каждый метр своей земли влюблен —
от дома своего до огорода,
до места, где он будет погребен.
Когда посевы вянут, вместе с ними
в нем сердце вянет, блекнут краски дней.
Кто землю у крестьянина отнимет,
и жизнь его отнимет вместе с ней.

Когда казаки ворвались в ущелье
Чегемское,

отец винтовку снял
и, преграждая путь им, на прицеле
впервые не зверей, людей держал.
Ушел он, взяв племянника Такуша,
уверенный, что счастья дни пришли,
что никому не плюнут больше в душу
и будет много у него земли.
О них обоих слава шла в Чегеме
как об охотниках и о стрелках,
они за храбрость почитались всеми,
за знание трудных троп в родных горах.
Такуш погиб.

Но не в атаке смелой.
Обвалом снежным был с горы снесен.
Отец домой вернулся поседелым,
состарился тогда до срока он.
И говорили о Такуше горцы:
«Вот был храбрец!»
«И не сравнить ни с кем!»
«Какое сердце чистое не бьется,
какого сына потерял Чегем!»
...Отец молчал.

Лишь почернел он очень.
Он на глазах от скорби высыхал,
не находя покоя даже ночью.
Не ел, не пил, не спал, а все молчал.

Тогда два года было мне.

Любил я
Такуша, очень ждал его домой.
На крышу нашей сакли выходил я —
под вечер, утром, в полдень, в час любой,
и, став лицом к горам, вбирая свет их,
кричал я каждый раз одно и то ж:
«Такуш! Гони сюда отару! Где ты?
Иди домой! Чего же не идешь?»
Я звал его.

Лишь солнышко светило,
хранили горы вечный свой покой.
И не понять мне, маленькому, было,
что не приходят мертвые домой.

Полою бурки мне укутав плечи,
отец мой, тяжело уже больной,
однажды, ранней осенью, под вечер,
сидел под нашим деревом со мной.

Смотрел на горы он, вдыхая ветер,
и говорил (в глазах была тоска):
«Как жить ты будешь без меня на свете?
Ты, как птенец, беспомощен пока.

Быть может, обойдут тебя напасти
и будешь жить в тепле и сытно есть?
А можешь стать одним из тех несчастных,
каких и без тебя довольно здесь...

И, может, проклянешь меня навеки
за то, что так пришлось тебе страдать?
А может, стать сумеешь человеком
и даже счастье на земле узнать?

Щекой ко мне прижался он тревожно,
но чью-то речь услышал рядом вдруг:
«Что счастье? Лишь во сне оно возможно!» —
то Исмаил сказал. Он был ашуг.

А прав ли был ашуг — отец едва ли
сказать бы мог.

Слова, как талый снег.

Что б ни сказали, как бы ни гадали,
а вечно счастья ищет человек.

Болезнь брала свое. Шли дни. Чем дальше —
тем было хуже. Меркнул белый свет.
Отец в бреду твердил: «Мой бедный мальчик!
Что будет с ним? Где он? Его здесь нет?»

Всю ночь в предсмертных муках сердце билось,
На час один не перестав страдать,
всю ночь молилась, плакала, молилась,
на смутный снег вершин глядела мать:

«О боже, гнев от нас ты отведи!
Я только беды вижу впереди.
Не задувай же пламень очага,
чтоб мне вода не сделалась горька.
Не оставляй без крова и огня,
не оставляй детей без света дня.
Услышь молитву, боже, не карай!
Мое ты сердце в пепел не сжигай.
Или жила я, бога не любя?..
Или винила в чем-нибудь тебя?
Нет. Хоть бывали горе и беда,
бог всемогущ, твердила я всегда.
И никому я не желала зла,
ни у кого добра не отняла,
и никому не помешала жить,
и не мечтала никого убить.
Я знала голод, в холоде жила,
но никогда тебя я не кляла.
Услышь меня теперь на небеси,
от кары незаслуженной спаси!
Меня опоры не лиши моей,
не насылай сиротства на детей!
Не отврати, господь, от них лица
и не оставь без хлеба, без отца!

Молитва простодушная, как детство,
досталась ветру ледяных высот.
Да, если впрямь остановилось сердце,
ждать бесполезно — помощь не придет
ни от людей, ни с неба,
ни под утро,
ни в полночь.

Смерть! Как хочешь, так держись.
Пред ней бессильны все мы — глупый, мудрый.
Она приходит — и уходит жизнь.
Так одинока мать была той ночью,
как будто людям стала не слышна,
как будто стала маленькою очень,
прозрачной, даже призрачной она.
Была такой беспомощной пред всеми,
как будто близких нет и не сыскать,
как будто их и не было в Чегеме,
такою одинокой стала мать.

А мне в ту ночь спалось, как спится в детстве,
и я не знал, что стал я сиротой.
И утром я не ведал, что отец мой
уже по дому не пройдет живой.

В день похорон я, не грустя нимало,
резвился, весь уйдя в свои дела.
Ведь смерти просто не существовало
в моей душе.
В ней только жизнь была.

Отец мой не боялся ничего,
но оказался тиф сильнее его.
И все убив надежды, смерть пришла,
все — радость и тревогу — отняла,
все — силу, землю, пастбища у скал
и лошадь, на которой он скакал,
охотничью тропу и тот родник,
где воду с малых лет он пить привык,
и камень, на котором он сидел,
и звезды, на которые глядел,
свободу, мысль

и синь над головой,
родные горы и аул родной,
все отняла — дом, огород, луга,
все — не оставив даже и врага,
все — даже над ущельем тишину,
его родных детей, его жену.

А я все ждал его. Уверен был я,
что он опять пошел за перевал.
И вновь на крышу сакли выходил я.
И вновь смотрел на горы я и звал.

Я звал отца.

Кричал я что есть силы.
Молчали скалы, был вокруг покой.
И не понять мне, маленькому, было,
что не приходят мертвые домой...

«Несчастный мальчик!

Как он жить-то будет?» —
сказал сосед-старик, скорбя в душе.

Другой ответил:
«Как живые люди.
Несчастен тот, кому не встать уже».

...Шли годы дальше, радуя, тревожа,
про это все мне рассказала мать.
Ты прав, старик, теперь я знаю тоже —
несчастен тот, кому уже не встать.

6

Не умер я, подрос.

А трудно было.
В голодный год и я бы сгинуть мог.
Но не погиб я, мать меня кормила,
последний отдавая мне кусок.
Корова, огород. Нужда, терпенье.
То что-то шила, то пряла она.
Ей дети были явью, сновиденьем,
ее трудом без отдыха и сна.
Так жили мы.

В сентябрьский день веселый
открылась первая из наших школ.
И за руку меня учиться в школу
один аульский коммунист повел.
Отцу был другом он на самом деле,
не на словах.

И сам он в бой ходил —
был с теми, кто в Чегемское ущелье
пути белоказакам преградил.
Учился я, не ведая, что радость
стоит за каждой буковкой простой.
Букварь мне дали, выдали тетради.
Ворота в мир открылись предо мной.
С годами я о многом забываю.
Но с той же благодарностью, как встарь,
того я коммуниста вспоминаю,
учителя и первый мой букварь.

Я расскажу вам об отцовском друге.
Чрез много лет он тяжело пострадал:
забыты были все его заслуги
и умер он вдали от этих скал,

тоскуя по чинарам, сердцу милым,
по склонам гор, раскрашенным пестро.
Я не могу найти его могилы,
но говорю:

«Спасибо за добро!»

Погибшим понапрасну в эти годы
вся боль моя, сочувствие мое.
Бесстрашно вы сражались за свободу,
а гибли зря, лишённые ее.
Прошел опять ущельем дождь летучий,
как будто он оплакал вас сейчас,
над белизной вершин проходят тучи,
и тучи тоже в трауре по вас.
Они, темнея, медленно проплыли
и стали еле видными вдали.
Бессмысленно, жестоко вас сгубили,
бессмысленно нам раны нанесли.
Тут есть у нас одно лишь утешенье,
что злу добром не вечно слыть дано,
что все на место ставит вновь прозренья,
когда приходит срок,

что все равно
жизнь остается светлой и высокой,
какой бы вдруг ни наполнил туман,
какую б ни терпели мы жестокость,
каких бы нам ни наносили ран!
Река назад не потечет вовеки.
Жизнь тоже так — пути всегда найдет,
пока есть жизнь — есть радость в человеке,
пока есть жизнь — дорога есть вперед.
И что бы суесловы в хитром споре
как довод ни смогли изобрести,
но радость — есть.

И в этой жизни корень,
засохнуть корню — жизни не цвести.
Как силы зла подчас бы верх ни брали,
не умирают добрые дела,
творцы добра, конечно, умирали,
но власть их дел и после них жила.
Всем воздается, кто чего достоин,
жизнь отмечает ложь и суету,
цветут колосья каждый год весною,
и плодоносит дерево в саду.

Все, как живые, до сих пор вы с нами,
творившие добро в горах родных.
Стоите вы пред нашими глазами,
своим примером учите живых.
Не устарели вы, как речек рокот
и как снегов Башиля белизна,
как лунный свет на скалах и дорогах,
как звонкость родника, и как зурна,
как матери тревога, как влюбленных
объятия, как свадьбы под луной,
как сумерки в горах, костры на склонах
и появление зелени весной.

7

Отец,

за жизнь мою, мое рождение,
за то, что в этом мире я встречал
не только радость, но и унижение,
несчастья, горе, мучился, страдал,—
благодарить тебя или проклясть я
сегодня должен?

Чтить или судить:
ты знал, как много на земле несчастья,
зачем же здесь меня оставил жить?
Не раз я видел, как в глухой печали,
не видя выхода в судьбе своей,
измученные люди проклинали
за все своих отцов и матерей.

Людей из камня нет на белом свете.
Твердили многие, устав страдать:
«Зачем, отец, ты дал мне муки эти?
Зачем на свет меня родила, мать?!»

Да, люди все, конечно, не из стали.
И среди всяких бед я видел сам,
как многие пред смертью посылали
последние проклятия отцам.

Что говорить! Я тоже в жизни этой
немало вынес на своих плечах,
встречал не раз без радости рассветы
и горе знал в горах, как и в степях.

Порой дурил, еще не зная жизни,
не ведая, что путь по ней не прост.
Когда был мост передо мной, капризно
в воде по горло шел, минуя мост.

Чего с живыми в жизни не бывает!
Я сытым был, голодным был, болел.
Но жил — живые все одолевают!
Я многое в пути преодолел.

И нынче, перевала достигая,
уже осенний чувствуя покой
и, как чинара у высот Адая,
желтеть начавши всей своей листвою,
я за свое на свете появление,
отец,

за все, что видел, знал, прочел,
сюда, на место моего рожденья,
благодарить тебя сейчас пришел.

Глаза мои, мой разум, слух и слово
и силу жизни мне оставил ты.
Благодарю тебя за это снова,
за жизнь мою, за радость, за труды.

Как жили все вокруг, ты жил все годы,
не грабил, совесть не умел терять,
другим желал добра, ел хлеб, пил воду.
Земля тебя не будет проклинять.

Ты мне не лгал, не обещал, что будет
жизнь, как в раю, без всякого труда.
Жизнь принесла мне все, что многим людям
она приносит всюду и всегда.

Да, жизнь не рай, и сам теперь я знаю,
но есть в ней высший дар — она сама.
А после жизни — только ночь пустая,
когда вокруг безмолвие и тьма.

Давно я верю в мудрость слов поэта,
звучать им вечно, мертвыми не стать,
в них много боли есть и много света:
«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

На камне надпись видел я простую
на Адриатике среди могил:
«Внемли, господь! Тебя благодарю я
за то, что я на этом свете жил!»

Отец, меня в тревоге покидая,
ушел ты. Все ж я вырос. Не пропал —
деревья так и травы вырастают
на ложе каменном чегемских скал.

Хоть матери удел был очень труден,
она жила детьми, жила любя.
Забршен не был я.

Ни век, ни люди
не говорили: «Что нам до тебя!»

Подчас я слышу:
«Люди? Заблужденье!
Мне люди не нужны. Какой в них толк?»
Я знаю, на земле извечно мнение,
что человек по самой сути — волк.

Мне ангелами люди не казались
вовек.

Но и волками — никогда.
В них есть и сострадание, и жалость,
и милосердье есть, и доброта.

И я, конечно, утверждать не стану,
что среди них волков нельзя найти.
Но если как-то раз в ночи туманной
я встречу волка на своем пути,

все ж злым словам поверить не смогу я,
что только волк хозяин всей земли.
Я горе помню.

В полночь ледяную
для нас огонь не волки разожгли.

Со многими людьми жилось легко мне,
и не могу считать дурными всех.
Дурное и хорошее я помню,
но человеку нужен человек!

Когда один тебе наносит раны,
другой потом излечивает их.
На свете том я, как это ни странно,
хотел бы встретить хоть врагов своих!

Отец,
из тех я, кто душою всею
в людей поверил, душу чтит во всех.
Хоть на земле встречаются и змеи,
остался человеком человек.

Вынашивал я долго мысли эти,
всей жизнью подтвержденные моей.
И я живу с людьми на этом свете.
Как все — я человек среди людей.

8

Чегем,
всех, кто труд свой тебе отдавал,
кто мастером был, храбрецом в бою,
кто пот свой и кровь, не щадя, проливал
на камни твои и глину твою,
кто все эти башни оставил нам,
как стражи, стоящие ночью и днем,
кто первый молот повелел жерновам,
давай их помянем сейчас добром.

Помянем их —

тех, кто учил и нас
в землю весной семена бросать,
людьми оставаться в тяжелый час,
хлеб выпекать и коней седлать,
кто гордо зурну подносил к губам,
играл на пастушьей свирели своей,
кто пляски и танцы оставил нам,
чтоб шире мы были душой и светлей,
кто первым свечу смоляную зажег,
чтоб стало светло средь ночной темноты,

кто создал, взлелеял, берег и сберег
язык наш прекрасный, как эти хребты.
Давай же, Чегем, их помянем с тобой
добром.

Над тобой летний день, летний зной.
И счастливо небо своей синевой,
цветеньем — трава, а снега — белизной.
Ушедших помянемте, горы, сейчас,
их труд, их отвагу в горчайшие дни.
Глаза их с рожденья глядели на вас,
влюбленными в вас умирали они.

Чегем,

ты был миром их давних лет,
тобой был наполнен их каждый час,
их ум, их надежды и веры свет
в пословицах мудрых дошли до нас.

Кто землю не хочет свою уважать,
весь мир ощущает чужим и пустым,
кому на своих мертвецов наплевать,
тот также относится плохо к живым.

Чегем, мне твой каждый отстроенный дом
как радость души и как память тоски.

Я счастлив, когда вспоминаю о том,
что снова пылают твои очаги.

Иль вижу машину, по трудным путям
везущую грузы для этой земли,
и белую школу, возникшую там,
где в детстве мы осликов наших пасли.

Я радуюсь, видя в селенье своем,
как девочка в школу привычно идет,
приветствую строчки в тетрадке ее
и радость, которая девочку ждет.

И в горы несущие ток провода,
и в древних селеньях ночные огни,
и мальчиков в новых ботинках, когда
на радостный праздник выходят они,
и юношей, пьющих на свадьбах вино,
машину, ползущую за облака,
и рядом сидящих в аульском кино
вихрастого школьника и старика.

Учителю — мой благодарный привет,
врачу — он больному средь ночи помог,
дорожному мастеру (ведь не секрет,
в горах не хватает хороших дорог).
Монтеру, который проводку ведет,
сидит на столбе среди скал и камней,
селькору, который волнуется, ждет,
как счастья, газету с заметкой своей.
Приветствую шум детворы озорной,
гоняющей осликов и лошадей.
И девушку эту, над речкой весной
на камне сидящую с книгой моей.

Чегем,

о прошедшем, о горестях всех
твои обгорелые камни кричат
в развалинах башен...

Несчитанный век
они молчаливую память хранят
о том, как тут в башне семья храбреца
исхода сраженья часами ждала.
Герои сражались с врагом до конца,
и кровь их на раненый камень текла.
Про давние дни и недавние дни
развалины молча живым говорят,
и с горечью смотрят на скалы они,
на зелень весеннюю хмуро глядят.

Чегем,

мне хотелось бы с выси твоей
всем людям сказать всех краев и широт:
земля долговечней любых палачей,
сильнее насилий она и невзгод.
И пусть непомерен порою их гнет,
и пусть нестерпима порою беда,
но все это снова в преданья уйдет,
останутся люди, земля и вода.

Земля,

на тебя, на твой камень сухой
пот капал отцовский опять и опять.

Земля,

вечерами луну над тобой
глазами печальными видела мать.

Земля —

это все, чем нам жить, чем гореть,
На ней даже в холод мы словно в тепле.
И тот, кому в небе пришлось умереть,
в свой час возвращается тоже к земле.
За то, что белеют и ночью хребты,
что речки несутся с высот напролом,
что скалы твои на рассвете желты
и в полдень малина горит огнем,
за зелень чинар у Адайских высот,
за то, что крепки они и высоки,
за то, что на склонах шиповник цветет,
за блеск ледников на горе Тихтенги,
за шум водопадов твоих грозовой,
за камни, которые вечно молчат,
за этот подсолнух желтеющий твой,
за то, что над скалами птицы летят,

Чегем,

от души тебя благодарю!
Ты лучшая радость моя и мечта,
как в детстве, всю жизнь на тебя смотрю,
плененным тобой остаюсь навсегда.

На горы смотрю, на вершины их —
свобода понятна мне и красота.
Смотрю на кипение речек твоих,
и мне открывается вдруг чистота,
смотрю я в небес твоих глубину,
и, кажется, счастья пришла пора.
Смотрю я на солнце твое и луну
и вижу лицо и облик добра.
Смотрю я на пашню и на огород —
и вновь руки матери вижу своей,
смотрю на любую из горных дорог
и вижу — отец мой идет по ней.
Смотрю на родник я, и вдруг в тишине —
мать тихо идет — звук ее шагов.
Наполнив кувшин, она скажет мне:
«Иди-ка домой, наруби мне дров».

Вот дерево встало под небом большим
и радуется тенью средь жаркого дня.

Земля, где на свет появились мы с ним,
опора его и опора моя.

И берег доволен, что травы на нем,
что зелень деревьев у самой реки,
земле своей рады и жук с муравьем,
и тихие ослики, и мотыльки.

Сказать мне «Чегем» — слово «счастье» сказать.
Вот имя! Как пение птицы оно.
Пусть я перестану его повторять,
но имя останется жить все равно.

Нельзя быть счастливым, коль в горе сосед.
Друзей ты вовек не обидел ничем.
Будь счастлив, Чегем, до скончания лет,
с равнинами вместе будь счастлив, Чегем!

И солнцем и тенью людей ты встречай —
всех, конных и пеших, как делал всегда.
Будь вечно таким же, мой радостный край,
и птиц и людей пусть обходит беда!

Ты — первая песня, которую я
пропел и рассвету и утру, Чегем.
Но ты и последняя песня моя,
в ней хлеба и счастья желаю я всем!

1957—1967

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С т и х о т в о р е н и я

«В мой легкий день я буду вспоминать...» <i>Перевод</i> <i>С. Липкина</i>	7
Воспоминания. <i>Перевод С. Липкина</i>	8
«Я вижу, мама, день весенний...» <i>Перевод Н. Греб-</i> <i>нева</i>	10
«Ветер кажется белым-белым...» <i>Перевод С. Лип-</i> <i>кина</i>	11
«Уснуло ущелье ночное...» <i>Перевод Н. Коржавина</i>	12
«Я помню: и снег был черный...» <i>Перевод Н. Кор-</i> <i>жавина</i>	13
«Растет ребенок плача...» <i>Перевод С. Липкина</i> .	14
«Да, раны, нанесенные любовью...» <i>Перевод</i> <i>Н. Коржавина</i>	15
«Неужели красота должна быть злой?...» <i>Перевод</i> <i>Н. Коржавина</i>	16
«Ты не ел того хлеба...» <i>Перевод Н. Коржавина</i> .	17
«В аплодисментах ли артиста счастье?...» <i>Перевод</i> <i>Н. Коржавина</i>	18
«Как скучно б стало жить...» <i>Перевод Н. Коржа-</i> <i>вина</i>	19
«Защелкали волки клыками...» <i>Перевод Н. Кор-</i> <i>жавина</i>	20
«Следы ранений на камнях видны...» <i>Перевод</i> <i>Я. Козловского</i>	21
«Качаешь ты грустно гнездо позабытое...» <i>Перевод</i> <i>Я. Козловского</i>	22
Бешмет. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	23
«За все мои грехи и заблужденья...» <i>Перевод</i> <i>Н. Гребнева</i>	24
«Моря и океаны. Я немало...» <i>Перевод Н. Коржа-</i> <i>вина</i>	25
«Сожженной Хиросимы горький дым...» <i>Перевод</i> <i>Н. Коржавина</i>	26

«Зловещие слова — Майданек, Бухенвальд...»	
Перевод Н. Коржавина	27
«На горы выпал первый снег...»	
Перевод Н. Коржавина	28
Время. Перевод Н. Коржавина	29
«Разве всегда мне смотреть...»	
Перевод Н. Коржавина	31
«Когда глядите сквозь листву ольхи...»	
Перевод Я. Козловского	32
«Кто может выгоде в угоду...»	
Перевод Н. Гребнева	33
«Ремесло особой метою...»	
Перевод Н. Гребнева	34
Боль ашуга. Перевод Н. Гребнева	35
«Кто б ты ни был...»	
Перевод Н. Гребнева	36
Поэзия. Перевод Н. Гребнева	37
«Все дороги, все тропы земли...»	
Перевод Н. Гребнева	38
«По-разному идут круги в воде...»	
Перевод Н. Гребнева	39
«Не схожи скалы меж собой обличем...»	
Перевод Я. Козловского	40
«Тревога сердца озадачит...»	
Перевод Я. Козловского	41
«Был снег пушистым...»	
Перевод Я. Козловского	42
«Спилили дерево, оно свалилось...»	
Перевод С. Липкина	43
«Будь я живописцем...»	
Перевод С. Липкина	44
Надпись на книге Кязима Мечиева. Перевод	
С. Липкина	45
Стихи, сказанные зимним вечером. Перевод	
С. Липкина	46
Ученому языковеду. Перевод С. Липкина	50
Камень. Перевод С. Липкина	52
В ночном ущелье. Перевод С. Липкина	54
Забытые поэты. Перевод С. Липкина	56
Танец. Перевод Н. Гребнева	58
Зимой в Терсколе. Перевод Н. Коржавина	60
Снегопад в горах. Перевод Н. Коржавина	61
Мотылек. Перевод Н. Гребнева	62
Когда я увидел тебя. Перевод Н. Гребнева	63
Ты снова поешь колыбельную песню. Перевод	
Н. Коржавина	64

«Когда я смотрю на тебя...» Перевод Н. Коржавина	65
Тихие стихи. Перевод Н. Коржавина	66
«Моей любовью ты была...» Перевод Н. Коржавина	71
«Идет спокойный снег...» Перевод Н. Коржавина	73
«Я тебя вспоминал у Адайских высот...» Перевод М. Дудина	74
Симону Чиковани. Перевод М. Дудина	76
Памяти матери. Перевод Н. Коржавина	78
Сильве Капутикян. Перевод Н. Гребнева	85
Фирюза. Перевод Н. Коржавина	86
«Смотрит с неба луна...» Перевод Н. Коржавина	87
«Снег идет в этот вечер...» Перевод Н. Коржавина	88
«Я воду пил, текущую меж скал...» Перевод Н. Гребнева	89
«Белозубым мальчишкой...» Перевод Н. Коржавина	90
Тень горы. Перевод Н. Коржавина	91
«Я люблю самоотверженность...» Перевод Н. Коржавина	92
Люди моей земли. Перевод Я. Козловского	93
Прометей. Перевод Н. Гребнева	94
Бетховен. Перевод Н. Коржавина	95
Играют Шопена. Перевод Н. Коржавина	96
Эльбрус. Перевод Н. Гребнева	98
Предки мои. Перевод Н. Гребнева	100
Соловьи. Перевод Н. Коржавина	102
Горные вершины. Перевод Я. Козловского	103
Шаль. Перевод Н. Коржавина	105
«Ты помнишь лето?...» Перевод Н. Гребнева	107
Я мог бы сражаться в Мадриде. Перевод М. Дудина	108
Ночь и рассвет. Перевод Н. Коржавина	109
В сторону Сванетии иду. Перевод Н. Коржавина	111
Людам нужна радость! Перевод Н. Коржавина	113
Говорю с горой. Перевод Н. Коржавина	114
Песенка. Перевод Н. Коржавина	116
Идущим на помощь. Перевод Н. Коржавина	117
Ночь свадьбы. Перевод Н. Коржавина	119
Стихи, сказанные летним днем на Хуламских высотах. Перевод Н. Коржавина	121
«Где б ты ни жил...» Перевод Н. Гребнева	123
«Идти в снегах по грудь...» Перевод Н. Гребнева	124

Стихи, сказанные после чтения своей книги. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	125
«Какого ни прошел бы я ученья...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	126
«У земли я учился, у неба...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	128
Все еще впереди. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	129
«Я знаю — град пройдет...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	131
Колыбельная песня. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	132
«Нет, не зря в огне костра пылало...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	134
Женщина купается в реке. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	135
Терпенье. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	136
«Речь горцев не цветиста...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	137
Пусть никогда не умирают дети! <i>Перевод Н. Гребнева</i>	138
Старуха сидит на камне. <i>Перевод Н. Гребнева</i> .	139
«Не верю тем, чьи никогда...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	140
«Я обидел человека, люди...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	142
«Я знаю: трудно быть горой...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	143
Женщинам, которых я не знаю. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	145
«Будем искусными...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	147
«Дай мне, дерево, свое цветенье...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	148
Воспоминание о зиме. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	149
Когда цветет боярышник. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	151
Божий меч. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	152
Здравствуй, утро! <i>Перевод Н. Гребнева</i>	154
Прошедший день. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	155
«Пусть мы умрем...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	157
Я должен быть благодарен судьбе. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	158
«Мила мне в сильных слабость...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	160
«Открытие всегда необратимо...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	161
Молот и наковальня. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	162
Старость. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	163
Молитва скалам. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	164
Черный конь умирает на белом снегу. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	165
Бумага. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	167

«Когда одолевает нас беда...» Перевод Н. Гребнева	168
Музыка. Перевод Н. Гребнева	169
«Приходит грусть...» Перевод Н. Гребнева	171
«Зимует птица между скал...» Перевод Н. Гребнева	172
Говорю с черным ветром. Перевод Н. Гребнева	173
Мой хлеб и вода. Перевод Н. Гребнева	175
Стихи, сказанные в лунную ночь. Перевод Н. Греб- нева	176
«Все потонуло в снежной белизне...» Перевод Н. Гребнева	178
Песня камня. Перевод Н. Гребнева	180
«Пусть пролетит за веком век...» Перевод Н. Греб- нева	182
В дождь. Перевод Н. Гребнева	183
«Я видел, как селенья догорали...» Перевод Н. Гребнева	184
У реки. Перевод Н. Гребнева	185
Песня скалолаза. Перевод Н. Гребнева	186
Скалы в лунном свете. Перевод Н. Гребнева	188
Речки детства. Перевод Н. Гребнева	190
«Мне снится детство...» Перевод Н. Гребнева	191
«Я спал в траве однажды...» Перевод Н. Гребнева	192
Был я подпаском. Перевод Н. Гребнева	193
Гора. Перевод Н. Гребнева	194
Иду в горах. Перевод Н. Гребнева	195
«Каждая чинара или вишня...» Перевод Н. Греб- нева	197
«Я рвал кизил, не зная горя...» Перевод Н. Гребнева	198
Руки. Перевод Н. Гребнева	199
«Случаются такие времена...» Перевод Н. Гребнева	200
«Таких на свете нету островов...» Перевод Н. Греб- нева	201
«Наверно, и чинара не мечтает...» Перевод Н. Греб- нева	202
«Большая боль не вопиет...» Перевод Н. Гребнева	203
«Друзья мои, родня...» Перевод Н. Гребнева	204
«Зло только зло родит...» Перевод Н. Гребнева	205
«Среди миров огромных и светил...» Перевод Н. Гребнева	206
«Пусть я для жизни был...» Перевод Н. Гребнева	207
«О смерть, свой страшный срок...» Перевод Н. Греб- нева	208

«Хоть он о том не проявлял заботы...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	209
«Ненужного на свете нет...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	210
«Не ропщет на свою судьбу зерно...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	211
«Спасибо вам, мои учителя...» <i>Перевод Н. Греб-</i>	
нева	212
Песня ночи. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	213
«Унеси, река, печаль и горе...» <i>Перевод Н. Греб-</i>	
нева	214
«Жизнь уготовит нам с тобою...» <i>Перевод Н. Греб-</i>	
нева	215
«Лямку я тянул, я спину гнул...» <i>Перевод Н. Греб-</i>	
нева	216
Вишневый сад. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	217
«Я задохнусь однажды под снегами...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	218
«Я чувствую, что гром таится в туче...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	219
Дождь идет. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	220
«Твоим рукам, дарующим тепло...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	221
Ты распустила волосы свои. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	222 ✓
Я люблю твои глаза. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	223
«Люблю я свежевывмытые окна...» <i>Перевод Н. Греб-</i>	
нева	224
Спасибо, жизнь! <i>Перевод Н. Гребнева</i>	225
«Весна уходит, но весна вернется...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	227
Дом и мир. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	228
«Сверкает солнце или ветер воет...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	229
«О солнце и камень, земля и трава...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	230
Расставанье. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	231
«Дождь прошумел и скрылся за холмы...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	232
«Река бежит...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	233
Песенка, сложенная в дороге. <i>Перевод Н. Греб-</i>	
нева	234
Веселая песенка. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	235
Слово. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	237

«Свой дом я вспоминаю часто очень...» Перевод Н. Гребнева	238
«Земля, твой камень трону я рукой...» Перевод Н. Гребнева	239
Снег тает. Перевод Н. Гребнева	240
Благодарю солнце. Перевод Н. Гребнева	241
«Опять чинары скорбно шелестят...» Перевод Н. Гребнева	243
«На земле этой жили...» Перевод Н. Гребнева	244
Цветы. Перевод Н. Гребнева	245
Шиповник цветет. Перевод Н. Гребнева	246
«Трава на земле, на небе звезда...» Перевод Н. Гребнева	247
«Старик-крестьянин подводил итог...» Перевод Н. Гребнева	248
Апрель. Перевод Н. Гребнева	249
«Раскрыл окно и шум дождя ночного...» Перевод Н. Гребнева	250
«Когда судьбою не был я обласкан...» Перевод Н. Гребнева	251
Тому, кто придет вслед за мной. Перевод Н. Гребнева	252
«Горы, скажите, погибнет ли радость?...» Перевод Н. Гребнева	254
Покуда стоят эти горы. Перевод Н. Гребнева	255
«Быть может, кто-нибудь...» Перевод Н. Гребнева	256
«Кроме тебя, ничего я не знаю, земля...» Перевод Д. Долинского	257
Зеленый лист. Перевод Д. Долинского	258
Старики и вечер. Перевод Д. Долинского	259
Больной мальчик. Перевод Я. Козловского	260
Балкарский пейзаж. Перевод Я. Козловского	261
Быки, идущие в сумерках. Перевод Я. Козловского	262
Кизиловый отсвет. Перевод Н. Гребнева	264
Говорю жизни. Перевод Н. Гребнева	265
«Что дел за мной великих нет...» Перевод Н. Гребнева	266
Говорю философу. Перевод Н. Гребнева	267
«Я уйду, и ты уйдешь в свой час...» Перевод Н. Гребнева	269
«Огнем горячечным охвачен...» Перевод Н. Греб- нева	271
Мастера. Перевод Н. Гребнева	272

Дон-Кихот. Перевод Н. Гребнева	273
Снова говорю жизни. Перевод Н. Гребнева . . .	274
Моим сыновьям. Перевод Н. Гребнева	276
«Безбрежна правда...» Перевод Н. Гребнева . . .	278
«О руки женщины земной...» Перевод Н. Гребнева	279
Азамату вместо колыбельной. Перевод Н. Гребнева	280
Огонь и ветер. Перевод Н. Гребнева	281
«Не ради славы пишат кровью...» Перевод Н. Греб- нева	283
Старики. Перевод Н. Гребнева	284
Слепые. Перевод Н. Гребнева	285
«Умели люди сеять хлеб...» Перевод Н. Гребнева	287
«Давайте звать забор забором...» Перевод Н. Греб- нева	288
«Я вынашиваю и провижу...» Перевод Н. Гребнева	289
«Кто слушает, мудрее говорящих...» Перевод Н. Гребнева	290
«Отар Челидзе, ты назначь мне встречу...» Перевод Н. Гребнева	291
Марике Чиковани. Перевод Н. Гребнева	293
Амине Залиловой — жене казненного поэта. Пе- ревод Н. Гребнева	296
«Рыдает мать погибшего пилота...» Перевод Н. Гребнева	298
«Я не могу сказать: «Мне все равно...» Перевод Н. Гребнева	299
«Какой бы сила ни была...» Перевод Н. Гребнева	300
«Ум с мишурой враждуют с давних пор...» Перевод Н. Гребнева	301
«Заходит солнце за гору...» Перевод Н. Гребнева	302
«Чем горячей костер горит...» Перевод Н. Гребнева	303
Мир моего детства. Перевод Н. Гребнева	304
«Смысл жизни мы нередко ищем где-то...» Пере- вод Н. Гребнева	305
«Птица, долетев до цели...» Перевод Н. Гребнева	306
«Солнце, нас сначала ты согрей!..» Перевод Н. Гребнева	307
«Что тебе милей всего, сосна?...» Перевод Н. Греб- нева	308
«Я, мир, благодарил тебя...» Перевод Н. Гребнева	309
Лунорогие быки. Перевод Н. Гребнева	310
Когда я говорю с горами. Перевод Н. Гребнева . .	312
Годы. Перевод Н. Гребнева	313

«Я запомнил это время...» Перевод Н. Гребнева	314
Мельница в горах. Перевод Н. Гребнева	316
Говорю одинокой чинаре. Перевод Н. Гребнева	317
«Радость — веточка зеленая...» Перевод Н. Гребнева	318
Песенка. Перевод Н. Гребнева	319
Говорю дереву в мае. Перевод Н. Гребнева	320
Говорю горе. Перевод Н. Гребнева	321
«А утро вновь скользит...» Перевод Н. Гребнева	322
Памяти Симона Чиковани. Перевод Н. Гребнева	323
«Мне часто чудится одно и то же...» Перевод Н. Гребнева	325
«Как люблю я бесечно смотреть...» Перевод Н. Гребнева	327
«Мои сыновья и моя родня...» Перевод Н. Гребнева	328
«Что жизнь без неба...» Перевод Н. Гребнева	329
Строки любви к Праге. Перевод Н. Гребнева	330
В пражском гетто. Перевод Н. Гребнева	331
Дождь в Братиславе. Перевод Н. Гребнева	333
Прощание с Прагой. Перевод Н. Гребнева	334
«На мир смотрите добрыми глазами...» Перевод Н. Гребнева	335
Мать. Перевод Н. Гребнева	336
В доме Дмитрия Гулиа. Перевод Н. Гребнева	338
Кавказ. Перевод Н. Гребнева	340
«Крестьянин в шубе, пестрой от заплат...» Перевод Н. Гребнева	342
Бубен. Перевод Н. Гребнева	344
«Когда на меня навалилась беда...» Перевод Н. Гребнева	346
Два голоса в горах. Перевод Н. Гребнева	347
Храбрость и трусость. Перевод Н. Гребнева	348
«Упал на траву я...» Перевод Н. Гребнева	350
«Если вдруг в цветке...» Перевод Н. Гребнева	351
«Взгляни: блестит луна...» Перевод Н. Гребнева	352
Грузинская песня. Перевод Н. Гребнева	353
Волк. Перевод Н. Гребнева	354
Старинная баллада. Перевод Н. Гребнева	356
Герои гор. Перевод Н. Гребнева	358
Разговор с горой. Перевод С. Липкина	360
Погонщики мулов. Перевод С. Липкина	361
Вопросы жизни. Перевод С. Липкина	363
Каждому — свое. Перевод С. Липкина	365

Последний час. Перевод С. Липкина	366
Колосья и звезды. Перевод С. Липкина	368
Горянке. Перевод С. Липкина	370
Два четверостишия. Перевод С. Липкина	372
Завещание. Перевод С. Липкина	373
«Пока есть жизнь...» Перевод Н. Гребнева	374
Дерево и топор. Перевод Н. Гребнева	375
Больной. Перевод Н. Гребнева	376
«Вы, кто встречает с радостью...» Перевод Н. Греб- нева	377
Колыбельная песня. Перевод Н. Гребнева	378

П о э м ы

Перевал. Перевод М. Дудина	381
Чегемская поэма. Перевод Н. Коржавина	394

Кайсын Кулиев
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Том второй

Редактор
Г. Фальк
Художественный редактор
В. Горячев
Технический редактор
В. Савкевич
Корректоры
Р. Андрианова
и *Г. Сурис*

Сдано в набор 15/VI 1970 г.
Подписано к печати 23 X 1970 г.
Бумага типографская № 1.
Формат 84×108¹/₃₂. 13,5 печ. л.
22,68 усл. печ. л. 12,385 уч.-изд. л.
Заказ 286. Тираж 25 000. Цена 1 р. 48 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Пого-Басманная, 19

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа
Государственного комитета
Совета Министров БССР по печати,
Минск, Красная, 23.